

Чебоксары — 2009

Михаил СЕНИЭЛЬ

**Собрание сочинений
в трёх томах**

Том второй

СВЕТ И ТЕНИ

*Стихотворения и поэмы
1991—2001*

Чебоксары — 2009

ББК 84(2 Рос-Чув)—5

УДК 821.512.111

С 31

Михаил СЕНИЭЛЬ

Собрание сочинений в трёх томах. Том второй.

Свет и тени. Стихотворения и поэмы. 1991—2001. —
Чебоксары, 2009. — 488 с., портрет.

Во второй том вошли избранные стихотворения и поэмы,
написанные в 1991—2001 годах.

ISBN 5—87677—046—9

© М. Сениэль, 2009

Суллобберту

* * *

В себе чувствуя свет,
выход верный и радостный знаю:
это — бог и рассвет;
я им душу в стихах открываю.

В себе чувствуя грязь,
ухожу утром к богу аллеей.
И тут, с глазу на глаз,
скорбно, ласково смотрит, жалея.

Изменился весь мир.
Вдруг открылась, светя чрезвычайно,
на какой-то на миг
бытия сокровенная тайна.

1991

* * *

Дело такое,
такое дело —
вверх тормашками
мы полетели,
нету выдержки,
удержу нету,
мыкаем горе,
бродим по свету.

Ищем чего?
Ведь дошли до предела,
пущены по миру
на самом деле.
Милости ждать
от кого собрались мы —
дети развитого
социализма?

Всё орали вот все,
всё гудели.
Дело не шло,
застопорилось дело.
Хватит безумствовать,
милые братья,
милые сёстры,
за ум надо браться...

1991

ЛИСИН

У Лисина повадки лисьи,
мне говорили, я — не внял,
среди иллюзий и коллизий
был созерцателен и вял.

Униженно и оскорблённо —
гонимым он тогда предстал.
Его я слушал удивлённо
не оттого, что я простака.

Помог в беде по-христиански,
за что был властью так зажат,
что до сих пор смертельно, адски
гудит башка, болит душа.

Душила власть и измывалась
и... пала, новая теперь,
но много хуже оказалась —
пуста, мелка; нет сил терпеть.

Своекорыстных охлократов
избрали на свою беду —
шныряют крысы-депутаты,
кусок хватают на ходу.

Тогда никто не заступался
за Лисина, пугал навет,
сейчас он в славе стал плескаться,
ему хвалу поёт весь свет.

За помощь дураком обозван
я был им тотчас в кабаке,
но а сейчас вот на х.. послан —
у новой власти в кулаке.

Среди иллюзий и коллизий
один и вправду я дурак.
У Лисина повадки лисьи,
твердят... о, если б только так!

1991

АЙГИ

Все евреи любят Мандельштама,
Пастернака любят и Айги,
но Айги ведь не семит местами,
даже вовсе не семит Айги.

А французы любят Сю, Ростана,
Арагона любят и Айги,
но Айги ведь не француз местами,
даже вовсе не француз Айги.

А Россия любит в вольном стане
Льва Толстого, Пушкина, Айги,
но Айги ведь не русак местами,
даже вовсе не русак Айги.

Все чувашаи любят Иванова,
любят Сеспеля, а не Айги,
но Айги ведь не чуваш давно ли,
даже если и чуваш Айги...

1991

СЕНИЭЛЬ

Сениэль отколь? Из Зурбагана?
Что вы? Из деревни Саврашбусь.
Жизнь свою прожил почти погано,
то есть скверно — вот какой он гусь.

С детства занимался стихотворством
(делом заниматься не умел);
проявив завидное упорство,
в первые ряды попасть сумел.

Первый ряд не каждому даётся,
первым быть — обречь себя на казнь.
Первый ты? А мы тебя, уродца,
вмиг загоним в щель, чтоб — раз и квас!

Даже и последним там не будешь.
Так уделаем — ты понял, нет? —
что такое ряд навек забудешь.
Вот так вот... Покедова. Привет.

Да... Но сын чувашского народа,
парень из деревни Саврашбусь,
Сениэль — тарханского он рода.
Гордая порода, сволочь. Гусь.

1991

А.С. ГРИН

В Крыму, не в граде Старый Крым,
где прах покоится фантаста,
а в Евпатории двадцатых
творил наш Сеспель-пилигрим.

Нет, Сеспель, не двойник я вам,
но рифмоплёт довольно смелый,
я — из когорты Сениэлей,
я — из «Бегущей по волнам».

Тогда любил, сейчас люблю
и до скончанья дней, пожалуй,
любить я буду Парус Алыи —
себя всегда на том ловлю.

Звучит похоже «Сене Эль»,
то бишь — Край Новый, обновлённый,
весьма коммуной опалённый,
со словом звучным «Сениэль».

Вот и готов мой псевдоним.
Я пред тобой в долгу, Гринёвский,
то бишь — балда, моряк хреновский,
волшебник слова А.С. Грин.

Мечтатель вечный, не педант,
ты не отсюда, а оттуда,
бежит по свету — морю чуда —
душа поэта Фрези Грант.

На бездну не боясь ступить,
она одна всё видит, слышит
кто чем живёт и кто чем дышит,
поймёт вас сразу без обид.

И надо б каждого понять,
увидеть чтоб, вникая строго,
невидимого в нас как много.
Не скалься, смертный, — не паяц.

Сосед идёт, и ты иди.
Все как бы собрались на вече.
Друзья! О люди, добрый вечер!
Не скучно ль, не темно ль в пути?

Нет, ждёт нас девушка Ассоль.
Мне, рыцарю мечты, не ново
вдыхать и самому жизнь в слово,
но не туман Она, не сон.

Мы зря ль фантазией горим!
Да ведь Ассоль же — наши души,
которые тлен не разрушит.
И будет вечен Старый Крым...

1991

В СИНГАПУРЕ

То ль в Гель-Гью, то ль в Сингапуре,
то ль на боте, то ль на шхуне
загорелся трюм.
Что ж горело? Контрабанда.
Вся команда, словно банда,
разбежалась вдруг.

Гёз глазам своим не верил,
потому как был уверен
в верности южан,
но южане ведь — с усами:
от пожарища спасались
все почти визжа.

Вишь ли, такова культура.
И у них губа не дура —
покидая порт:
«Крохобор наш Гёз, — сказали,
указав на бот глазами, —
капитан наш — вор...»

Обобрали, не тушили...
Славный Гёз, хоть и двужильный,
мрачен и угрюм...
То случилось в Сингапуре —
не на боте, а на шхуне
выгорел весь трюм.

1991

КОРАБЛИ

Вы пришли из Зурбагана, Лисса,
из Гель-Гью и Каперны пришли
в гавани моей мечты и риска,
юности моей волшебство — корабли.

Бригантины, бриги и фрегаты
мчались в грёзы на всех парусах
в штиль и бури, песнями богаты,
кои и сегодня на устах.

Чайка-горе — эдакая птичка —
голосит над бездною морской.
И наивны мы, и поэтичны,
но зато крылаты и — с душой.

И сегодня, в этот летний вечер,
ровная пусть бродит полутень,
пусть печален мир, мечта на свете
дорога мне, как весенний день.

В горестях, в печали и тревоге
пусть сберечь мы душу не смогли,
всё ж идут к нам и идут, как боги,
юности моей волшебство — корабли...

1991

ОБЛАКА

Сон... Предрассветные облака...
Белые плывут фрегаты...
Счастье предошущает гад
так же, как и другие гады.

Хочется в грёзах этих мне
чутьочку ещё понежиться.
Чуда я жду в тишине,
плачет по нём душа-грешница.

Ночь на исходе... Пронзит
перед рассветом — обещано —
мир весь, музыкой зазвенит
благая весть, не зловещая.

Весть? Но о чём? И к чему
эти взывают видения?
Плачу я отчего? Почему
сладко всё и блаженно? Не гений я.

Сон... Предрассветные облака...
Пусть засветятся неудержимо.
Дух мой гордый, куда и как
ты устремляешься, скажи мне?

1991

ПРЕДРАССВЕТНОЕ

Дразнящая душа вселенной —
о вы, недостижимые облака
в часы мои предраассветные,
блистательно и просветлённо
все, все цепенеет мы как! —
и я, смуглый, и вы, белоснежные.

Проснуться бы наконец-то
застывшему в желании
проснуться, осознать бы
в пространстве-времени место,
себя в отношении здания,
построек, и вообще — усадьбы.

А лучше всего — в отношении
себя самого, не вселенной,
не времени и не пространства.
Моё всё достоинство — жжение
блистательной мысли нетленной.
Лишь мыслить я должен стараться.

И лишь в отношении мысли
себя возвышать должно в недрах
души мироздания пресветлых.
Любые подвластны мне выси.
Недаром всегда цепенел так
пред ликом чудес предраассветных.

1991

* * *

И те миры, и эти
мыслью создаются.
Ещё нам жить на свете
сколько остаётся?

Помыслим в этом мире,
братцы, напоследок
о людях глубже, шире —
кроме всех соседак.

Соседки мои злые —
страшно обижают,
нечёсано-босые
келью осаждают.

Ну так уж им мятежно!
То ли ещё будет...
Прости их, бог, сердешных,
бабы тоже люди.

Взбесился мир и воет.
Кончит пусть бесславно,
всеобщее родство я
всё же осознал вот.

1991

БЕСПРЕДЕЛЬНОЕ

Ну, мелькнуло мне как-то, сказал я:
(ослепило меня, озарило)
не глазами, не мыслию зрим мы,
а — за-мыслию, а — за-глазами.

Доказательство силы особой,
вне-пространственной, вне-матерьяльной,
я найду, я сказал, и не пьяный,
трезвый был стихоплёт, и не сонный.

Беспредельное! Как в тебя рвусь я!
Непонятно. Бездонно. Источник
ты всего: сил, движений... И точно:
для тебя мы являемся чушью.

Небо. Чёрная ночь. Звёзды, звёзды.
Я гляжу, я дрожу, я рискую.
Как беспомощен я, как тоскую,
а в глазах, а в глазах — слёзы, слёзы.

Ослепило меня, оглушило,
опалило, как есть — в откровеньи:
понял — дальше нельзя... дальше веет
прахом; дальше — предел, я — не сила.

1991

* * *

Небо синело глубиью,
звёзды кипели светом,
слово явилось сутью
сердца, его приветом,
пеньем души, всё выше
в выси парящей; с неба
свет я поющий слышал,
стоя средь тайн и снега.

Впал иль не впал тут в дрожь я,
с радостью чуял, с болью:
тайная тайна — божья —
выстрадана любовью.
Связаны все со всеми,
всё перевито Тайной.
Сказочный свет осенний
мною овладел тотально.

1991

ПЕСНЯ ДУШИ

Душевной свободы и лёгкости чувство
так сильно во мне всё растёт.
Его я не вынесу, не поручусь я
уж тут за себя — где исход?

Священное место — пшеничное поле,
высокое поле с луной.
Хожу, размышляю... Сияет на воле
божественный свет надо мной.

Сияя, поёт... Боже принял (так кажется)
меня под защиту свою.
И неизъяснимое вдруг открывается,
как вечная радость в раю.

Когда открывается всё, что имелось,
Святителя встретишь вдали.
Все песни земли — и томленье, и немощь;
лишь звуки — все песни земли.

1991

* * *

Благословляю, обнимаю,
сказал поэт, и я скажу:
весь мир в объятия принимаю,
благословляю, не стыжусь.

Не лгу, и потому не стыдно.
Корпел без веры, без мечты
я после всех томлений стылых
от лжи, душевной пустоты.

Преодолев и воль, и сушу,
свою, чужую злость и страх,
я понял, что возносит душу
и что её ввергает в прах.

Гонителей благословляю,
врагам заклятым гимн пою,
и, от восторга задыхаясь,
благословляю жизнь мою.

Духовное открылось зренье.
Восток в заре был тих и ал.
Души высокое паренье
я на рассвете испытал.

1991

ГАЛЛЮЦИНАЦИЯ

О, бесовское помраченье!
Мне стыдно, в угол загнан я.
Я что, укрытой грязи чёрной,
украшенной, не знал — свинья?!

Не знал — любовь толкали в омут,
играли с нею, сняв штаны,
шайтану сунули кривому,
готовили для сатаны?!

Шепчу бессильно, безнадёжно:
«О, мама», призываю, хлыщ.
И вдруг — холодный ужас: что же,
нет выхода? Да, нету, слышь.

И сжался, и затрясся, каясь,
дрожа губами, юн-джигит,
зажатым плачем окликаю
всё маму: «Мама, помоги!»

Пред переломом жизни, знаем,
нисходит дар иль благодать.
И вот из темноты жи в а я
одним лишь ликом вышла мать.

В чудесный лик смотрел я долго:
светился чуть, был ясен он,
ресницы вспархивали добро,
устало навевая сон.

Глаза — жалеючи и скорбны.
Дыханья веянье — легко.
Как ласково, богоугодно,
как близко всё и далеко!

Тем светом кротким осиянный,
я услышал: «Соколик мой...» —
и онемел весь, окаянный.
Мать стала гаснуть — свет родной.

Ни страха нет, ни удивленья.
Как в детстве, чистым, лёгким стал —
совсем без думок, прегрешенья.
И не прохвост, и не нахал.

Играет сердце несказанно.
И радостью я вознесён.
И мысленно перед глазами
стоит явление, а не сон.

1991

СВЕТ-ВНУШЕНИЕ

Красота осветлённая, ровная,
возносящая... Что сказать
этой юнице мне? Чернобровая —
осияла и отвела глаза.

Поклонился ей молча в ту сторону.
От неё свет исходит, маня.
Поклонился пути, по которому
поведёт она тихо меня.

Светит кротко и ласково, словно
говорит: «На всю жизнь я твоя».
Очень счастлив я был, право слово,
в этот миг, деве гимны творя.

Из потёмок уйти бы в дни дальние,
но греховное счастье моё
искупается горем, страданием,
на крылах вдаль уйти не даёт.

Низвергает меня свет-внушение,
поднимает опять до небес.
То — мученья любовью; в мучениях
прорастанье духовное есть.

1991

ЧУДЕСНЫЙ СМЫСЛ

Сообщаю вам не нарочно я,
красоткам вы не чета —
воистину непорочная,
прелестная чистота.

Глаза сияют звездистые,
нет — очи, а не глаза,
и кланяюсь я вам истово,
поклоны бью, так сказать.

Ваш свет в тиши — не тревожный,
ваш голос чудный — грудной...
Простая девушка, что же
наделали вы со мной?

Кто знал, что сие видение
получит чудесный смысл?
С той встречи духоту-смятение
смёл дождь освежающий, смысл.

В судьбе моей — небывалая,
но в связанности со Всем
вы — часть бесконечно-малая,
и я — лишь ваш сосед...

1991

ОНА

Очи, очи, о светлые очи,
что же это, куда повели?
И пленили меня, и пророчат
сокровенную тайну земли.

Озарили всего; освежела
вся округа; мрак сгинул совсем.
Будто сразу прозрел я душевно;
я почувствовал: связан со всем.

Не Франциск я Ассизский, духовность,
ты в избытке не прѣшь из меня.
А вошла ты мне в душу, греховность,
в виде страсти, всё вдруг изменя.

Всѣ обнять! — ликование и стон я
слышу в сердце, но плачу, увы,
всю мою духоту и истому
хоть и смыло грозою любви.

Много ль душу любовь озаряла?
Мало ль страстно и раньше любил?
Так любить, как любил назарянин,
я не создан, не созван я был.

Испытав и доверье, и низость,
возвеличился плотничий сын.
Божий сын... Как наш Сеспель он, Иус.
Я не буду тобой, Дамаскин.

Вдохновенный огонь мой негрубо
и негромко поѣт, как струна —
всей меня окружавшей округой
восхищён, над которой — Она.
1991

ВЕЧНОЕ

Прорыв случайный — отблеск света
из Лона Господа, как в прах,
бывает чрезвычайно редко,
бывает в лицах и в глазах.

В улыбку женщины вглядеться,
когда она бездумно так
часами грезит над младенцем,
старается поэт всегда.

Старается художник чуткий,
ваятель, композитор... Все
стараятся поймать миг чудный —
блеснёт тот отсвет и в росе.

Успех какой тут? Или — или...
Через страданье, через хмель
неуловимое ловили
Есенин, Моцарт, Рафаэль.

От неба — зёрнышко. От т у д а .
От неба — капля. Свет. Свет. Свет...
Нездешнее... Нас кто рассудит?
На наш вопрос кто даст ответ?

Как жили мы, что с нами случилось?
Лишь потому душа жива —
в глаза упали и остались
те золотинки божества.

А было столько мук, страданий!
И в Божий Свет всё отлилось —
зовёт, напоминает, Тайный.
И в сердце то отозвалось.

Неизъяснимый свет и кротость,
очарованье, чистота,
святая ласка, благодать, строгость —
манящие маячат там.

На небе — звёзды, божьи свечи.
А в людях — отсвет, божий страх.
В нас это и светилось, — вечное.
Светилось в сердце и в слезах.

1991

* * *

О жизнь моя, о призрак милый,
и унижение, и почёт,
и сон, и явь — всё мимо, мимо.
Куда летит всё и течёт?

Что впереди мы разглядели?
Что позабыли позади?
Умеет время делать дело,
ему не скажешь: погоди!

Ведь пропадём, куда нам деться?
Из нас весёлым кто слывёт?
На небо улетает детство,
и тут же юность приплывёт.

Порхает, вьётся лёгкой стаей
дней череда; я — как шальной.
Но вскоре юность улетает
туда ж дорогою прямой.

Мужаю, жизньню прельщаюсь,
безумствую, с ума схожу,
о, небо, небо! И... прощаюсь:
настало время, ухожу...

1991

* * *

Дрожу. Запуган я. Мне страшно.
Вскрик сердца чувствую на шее —
душевным криком вызван страстным,
души высоким напряженьем.

Молю, о дни, из петли выньте,
от верной гибели избавьте:
доколь голодным волком выть мне,
доколь клеймёным быть, о братья?!

И те, и эти ненавидят,
готовы съесть... душа болит вот...
И те, и эти мёртвым видят.
Дрожу. Бессильна и молитва.

1991

МЕССИЯ

Держава разгромлена чернью.
И голод, и холод в стране.
Во имя свободы вконец
забита свобода. И честью,
и совестью — торг как на дне.

И только лишь беды, лишь беды
накличут всегда болтуны.
Кто волю им дал? Это — мы.
То нами командуют бесы,
то псы самого сатаны.

И горе народа, страданье, —
путь к власти для них, капитал.
Бездушных и злых — напичал
их ядом коварства недавний
земли рулевой-капитан.

О, мрачная бездна! О, крест мой!
Пред господом вам говорю:
как много хапуг и воругов
центрально сидит и окрестно —
позор! От стыда я горю!

Взялись за Россию... Россия,
в тебе и мой бедный народ
(он тихий такой, не орёт)
поверил в Бориса-мессию,
глядит не назад, а вперёд...

1991

ИЗ ТЬМЫ

Не футурист я, не антихрист,
то бишь нисколько не фашист.
И я не коммунист, а тихий,
простой поэт; я свеж и чист —
не демократ-авангардист.

Я — не Айги, не Маринетти
и не Софронов; болтовню
мои стихи не признают.
И если те их жгли, то эти
морозят, душат на корню.

Мне пакостны всех видов «измы»,
чья цель, как понял я, — надуть
народы; звать, дудя в дуду,
иль к рынку, или к коммунизму.
Я не пошёл и не пойду.

Чего я не хочу — я знаю,
чего хочу — не знаю, нет.
И будущее наше — вне,
над хаосом, от партий с краю,
совсем не здесь, а в стороне.

«Изм» — преходящ, искусство — вечно,
политика — зловещий мрак,
а мрак поэту — злейший враг.
О, солнце, шлю привет сердечный
тебе из тьмы. Я жив. Я рад.

1991

ТАТАРСТАНУ

Татария! Мой Татарстан! Всё жив я.
О, родина, светлы твои усилья.
Я там родился, там и рос, учился,
расправил крылья.

Не верю я тому, что злость и грубость сушит
татар, и в том их узость.
Не верю и тому, что нежность не присуща
татарской музе.

Татарин тот, кто всех своих сограждан рядом
поставит равными, от ближних сих в ударе.
Кто разделяет, кто небратски косит взгляды,
тот не татарин.

Земля болгар: и Татарстан, и Чувашстан — все вместе.
И жить бы так всегда в родстве, без ропота и гула.
Перед Аллахом, перед Богом, перед Небом мы в ответе,
и все мы — гунны...

1991

ТИПШАР

Молились мы призраку — пилигримы, —
богам его душу свою отдав,
дорогою в никуда и пришли мы,
понятное дело, в никуда.

О, Сеспель наш пламенный, стыдливый,
обманутый призраком поэт, —
жесток твой выбор, но справедлив он —
ушёл в небытие ты в ответ.

Типшар совершил, харакири
чувашское, так отомстил
ты призраку; смерть принял сиро,
а честь свою защитил.

Молились мы призраку ненарочно.
И нам же, распявшимся к Ничто,
плевал мокротою он сочной,
теперь... сам заплёван... Ну что ж...

Все в маске мы были или в гриме,
и в страхе тряслась у всех душа.
Молились мы истово — пилигримы, —
никто не совершил типшар.

1991

ЗАЩИТА ДУШИ

На свете свободен лишь бог,
а то, что свободен сын божий —
легенда; а то, что — сапожник,
художник, поэт иль любой
из смертных, то — слух просто ложный.

Что есть злоба дня? Жизнь народа.
Что — мелочи жизни? Жизнь, жизнь!
Так, значит, поэт, жми, держись!
Но все мы ведь разного рода,
иной, сморщив рыло, бежит.

Где твой кислород, современность? —
спеша, вопрошает хитрец,
себя от «микробов» через
предательство, ложь и неверность
спасает — не бард, а делец.

И так защищает он душу
свободную; но — для кого?
Для тех «европейцев», чьего
куска удостоится тут же.
Ублюдок. Не боле того.

Для особых, бросивших почву —
язык и культуру, народ;
для бросивших Родину, род
иль их не имевших, чей почерк
всегда одинаков, суров.

Путём разложенья разрушить,
но не создавать — вот закон
у «граждан вселенной». Знаком?
Кто против пойдёт и нарушит,
тот уж не жилец, смертник он.

Ища элитарность, негений,
ты есть эгоист, славолюб;
абстрактно творя словоблуд,
о чём же в пространстве, средь теней
бормочешь? О чём? Зол и лют?

Бездарность не скрыть. Выпирает.
И бред твой разгадан давно.
Бескрылым взлететь не дано.
Безжизненный смысл умирает,
хоть и «авангард» — всё равно.

Предательство есть не защита
души, это — подлость, обман.
Немного тут нужно ума.
Не нужно и в Прагу тащиться
иль в лондонский зябкий туман.

Свобода! Какие напасти
страну ожидают средь сил?
А ты уж свободу убил —
расчётливой сумрачной касте
продался и душу сгубил.

1991

ОБЕЩАНИЯ

Горбачёву

Словно космонавты перед вылетом —
верили, что любишь нас в Москве.
Сколько к тебе преданности было тут!
Что же получили мы в ответ?

Только обеща́нья, обе-ща-ния,
мёртвый блеск блуждающих очес.
Я с досады бешенством, отчаяньем
был охвачен, гнев мой не исчез.

Я решил предать твои идеи;
я решил предать твои дела
смеху и анафеме, «партеец», —
ложь твоя проклятье родила.

Ложью погубил страну, советы,
вверг нас в хаос, тьму, небытиё.
Уж давно не шлём тебе приветы,
уж не то что вождь ты, идиот.

Гнев наш в беспредельной злобе зреет.
Предал нас ты первым, не вторым.
Как тебя отдать под суд скорее?
Как тебя загнать в тюрьму, не в Крым?!

1991

* * *

И те, и эти есть на свете,
все очень любят поднажать:
иль бьют, иль режут без ножа —
не по душе и те, и эти,
не принимает их душа.

От пули умер, с голодухи,
где разница-то? Смерть есть смерть.
Не прыгай, все твердят, не смей!
И о каком свободном духе
могла бы тут возникнуть речь?

Ты в чём повинен, работяга,
перед всевышним и судьбой?
О, как смеются над тобой,
мордуют, обзывая всяко.
И кто? Весь сброд нетрудовой.

А к власти рвутся дилетанты,
точнее — горлодралы. Да.
Им по херу твоя нужда.
Грабители! Вот там-то, там-то,
дорвавшись, жрут тебя... Беда!

1991

* * *

И чувства остыли, и мыслей не стало,
и как-то пустынно, и как-то темно,
а в сердце от грусти, от воронов стаи,
от крыльев бессчётных. от шума черно.

Я вроде нормальный, я вроде не блудный,
и вроде читают, и вроде поют,
так что же, так что же мне люди как будто
писать разрешают, а жить не дают?

Так как же? Так что же? Что жизни есть выше?
О сердце! О люди! Назло не умру.
Да я ведь ни разу не пробовал выжить,
ни разу, ни разу — живя на миру...

1991

МОЯ ТЕНЬ

Конь мой белый, глаза печальны.

На нём этой поздней ночью,
когда Сююмбеки окутана
туманом четырёх с половиной столетий,
к ней незаметно моя тень прискакала.

А прибыл я на День Великой Скорби.
И у самого шпиля башни прекрасной
коня своего не неволил.
И память, как любовь — барабан пустыни, —
в печальной душе гремела.

Конь мой белый, глаза печальны.

Я останусь лицом к камнепаду!
Пусть слетит он со стен цитадели,
пусть слетит он с печального неба.
Не беда, что то небо глухое.

И, подумав, собрался в дорогу,
взглядом зверя измеривши точно
весь тернистый мой путь до Москвы, я.

... Дикий нрав мой вольнолюбивый
был успокоен у Лобного Места.

1991

* * *

На языке мне неродном —
я знаю — я пою прилудно:
порой легко, порою нудно,
порой на звуке на одном.

Плутаю в дебрях языка.
Могильным хладом веет строгость.
Чудилы! Не ищите тонкость
в дикарском рёве чудака.

Не надо кукситься, жалеть,
мол, дурень портит настроенье.
Стихом своим, своим я пеньем:
«Я есть, — сказать хочу, — я есть!»

И что мне эха широта
моей поэзии превратной,
вибрирует оно, и ладно,
а как — то это ерунда.

И ежели кто в моей строке
серьёзно ищет что-то как бы,
скажу я так: стихи — забавы
на неродном мне языке.

1992

О ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

Путь жизни, а не смерти
лежал передо мной.
Я шёл и шёл и, верьте,
шёл прямо как на бой.

Не надо было биться,
я бился, но всё шёл.
А жизнь не голубица,
не масло и не шёлк.

Но не приемлет пира
звероподобных пут
путь чистоты, путь мира,
повиновенья путь.

Что есть путь жизни? Вера,
надежда и любовь.
Что есть путь жизни? Сфера,
где обитает бог.

И он есть наша совесть,
без бога жизни нет.
Позорной жизни повесть
всегда, всегда есть смерть.

Дарами жизни вечной
владеть даст только бог.
Он — в нашем сердце грешном.
И это — свет, любовь.

1992

В НОЧИ...

Лампада возжена. Горит моя лампада
среди тишины в ночи, и за окном — туман,
в тумане — фонари. Душа моя без лада,
разлад в ней, хочет, чтоб был сладостный обман.

Сижу. И вот себя привёл я в настроенье,
душою грежу, и мечтаю, и горю.
И дух ликует мой, и сердце в упоенье:
«Везёт же мне!» — я вдохновенно говорю.

Не старость это, думаю, пока не старость,
хоть время и ведёт исправно свой учёт.
Быть может, преждевременно пришла усталость —
чуть, малость, повисит, побудет и уйдёт.

Не зря же смог вернуть былых видений чудо,
и женщина мечты стоит передо мной.
И, не боясь греха, намёков, пересуда,
лелею и люблю в ночи сей образ мой.

Как истинный поэт, всегда хочу не прятать
и мысли, и слова, и чувства, и мечты.
На языке богов я воспою ту радость
и женщину мою — нездешней красоты...

1992

* * *

Не бедный я поэт, а неимущий.
Нам грошей много не дают,
предполагая, что уют
мешает петь задорнее и лучше;
и ищет соловей приют
у разных гурий и гадюк,
которая его терзает, душит.
Куда бежать: на север, юг?

И никуда никто не убегает.
Неся так крест свой, каждый друг
вершит тяжёлый, скорбный труд.
На месте все духовно погибают,
чуть позже и телесно мрут —
лишь существуют, не живут.
Тем часом демократы байки бают.
Поэты их не признают.

1992

ОБРУСЕВШИЕ

И не сеют, и не пашут,
в городишках все живут
обрусевшие чувашаи,
и, конечно же, не жнут.

Всё чувашское отставив,
русским счёл себя манкурт.
И не то что палки ставить,
а топтать нас взял он курс.

Насмехается подлюга
надо всем, что мило нам:
над тоскою нашей лютой
по свободе, по правам.

Издевается над словом,
над чувашским языком,
над культурой нашей новой
и над старой — целиком.

Принимая масскультуру
высоченной как Монблан,
из Москвы любую дуру
посчитает за талант.

Над историей народа,
над душой его стоит
как шакал свиной породы,
потерявший совесть, стыд.

Я за грубость отрицаем
этим людом, что ж, скажу
чуть помягче (понимаем),
успокойся, тихо, жук!

Обрусевшие чуваши,
обрусевшая мордва
больше всех руками машут,
терпят родичей едва...

1992

* * *

К тебе хожу как к другу много лет,
но знаю: ты не друг, а тайный враг, пожалуй.
Меж нами тёплых чувств и не было, и нет,
но проявил к тебе я снисхожденье, жалость.

Повысив в качестве почти что из Ничто,
я создал для себя своё подобье,
я сделал вид, что всё отлично, что
тебя я уважаю; доверяю — тоже.

И вот хожу как к другу много лет,
духовной жаждою томимый, словно Пушкин.
Но ты как сон: и не было, и нет
тебя на самом деле; ты — ловушка.

Когда-то уловив смятенного певца
печалей и обид, сыграл с ним злую шутку.
Наверное, ходить я буду до конца
к тебе, как знать, но как всё это жутко.

1992

О, РАВВИ...

Жду всю жизнь: вот придёт человек
и заглянет мне в душу, увидит
всё, что есть в том моём существе,
в те моменты, когда больше всех
нахожусь ближе к богу — провидец.

Я душою бессмертен, велик
в те моменты — так мало кто пожил —
и куда б пути ни завели,
опознаю его светлый лик,
прошепчу: «О, равви, ты — сын божий».

Но, увы, не придёт человек,
не заглянет мне в душу; богатство —
всё, что зреет в моём существе —
унесёт скоро времени ветр,
и останусь пустым я — болтаться.

1992

РАЗМЫШЛЕНИЯ

1.

Сижу безмолвно размышляя,
без чувства, без лукавства, я
об аде на земле и рае —
безжалостности бытия.

Вот кто-то вдруг коснулся свыше
души и дёрнул удила,
и, восхищаясь, вижу, слышу
неизречённые дела.

О бог! Меняюсь моментально.
Не в небе, не на лоне вод
есть сокровеннейшие тайны,
то — тайны сердца моего.

Читать их, в свет и беспредельность
проникнуть — это всё равно,
что дерзко заглянуть за вечность.
Сие нам, смертным, не дано.

Но удивительное дело:
себя являя молодцом,
душа стремится за пределы
пространства-времени; лицом

к лицу сообщаясь с вечным, бредит
огнём небесным, ждёт его;
сгорев как феникс, хочет встретить
миг обновления своего!

2.

... Был погружён я в созерцанье
чувств беспредельной глубины.
Кто нашей сущности зеркало?
Кем в косность мы приведены?

Внутри всё тёмное расплавив,
в одно мгновенье свет создав,
над адом на земле расправу
мы совершим, и — навсегда.

Не обладающие верой,
не знающие бога, жизнь,
такую дивной переменой
в себе — всех грешных рассмешим.

Фантазии на эту тему
забудь, наивный, уничтожь.
Но без фантазий нет и дела,
пусть рассмешим всех, ну и что ж?

Мертва — толпа, жива — идея.
И на себе я докажу,
что непреклонно убежденье,
что путь свой честно прохожу.

1992

* * *

Иду в мире божьем печальник со стажем,
и как-то чудесно, и как-то чудно,
несу тяжкий крест свой, дорога всё та же,
теперь путь мой ясен, теперь решено.

Его понесу до Голгофы до самой,
и есть у меня свой Пилат, Агасфер
и толпы, кричащие мне не осанну,
а слово проклятья, рыча словно зверь.

Я с вами прощаюсь — дорога всё та же —
пусть буду я распят, замучен судьбой,
воскреснув, свой крест понесу всё туда же
в любую погоду: в мороз, в дождь и в зной...

1992

* * *

Сколько скорби, мой друг, сколько скорби!
Сколько злобы: вредят, предают,
отвергают, смеются и скоро
заплюют, видно, в отчет краю.

Сколько радости, друг, счастья сколько:
незапятнана совесть, душа —
невиновен пред богом, и только.
Не себя, а врагов так мне жаль...

1992

* * *

Или́, или́, лама́ савахфа́ни?*

Кого любил, те ненавидят люто.
Кого спасал, толкают в гроб, иуды.
Спаси меня, о бог, и сохрани.

Спаси меня, о боже, сохрани.
Не на людей бестрепетного клира
возложены все беззаконья мира.
Лишь я страдальцев слышу и раним.

Лишь я страдальцев слышу и раним,
один воспринимаю бога богом
и стражду, изойдя кровавым потом.
Спаси меня, о боже, сохрани.

Спаси меня, о боже, сохрани.
Но умер я, издох, победно крикнув:
«Свершилось!». Обвиненья все отринул.
Или́, или́, лама́ савахфа́ни?!

1992

* О боже, о боже, что же ты меня оставил?
(древнееврейск.)

ИЗ ВЕКА В ВЕК

Ах, жизнь! Ах, день! Ах, суета сует!
Извечная вражда, а не любовь друг к другу,
из века в век, из века в век идёт по кругу,
не мил становится порою белый свет.

Друг не с луны упал к нам невзначай?
О, не вздыхай, не плачь, не огорчайся
и недовольством нас не омрачай —
не ты один сын скорби и несчастья.

Я видел худшую из всех скорбей
и самое печальное из бедствий,
что удручает, гонит повсеместно
отверженную душу всех кровей.

Паденье внутреннее бог простит,
но сам ты не простишь: горят отмщеньем
отчаяния неисцельность, стыд
и чувство самоотвращения.

Ото всего, быть может, отчуждён.
И низость, и виновность, и безумства
в твоей душе как ураган несутся.
И ты — приговорён и осуждён!

1992

* * *

Меня предашь ты потому,
что одолели искушенья
твои тебя по одному —
и тонешь ты в грязи по шее.

Ты потому меня предашь,
что обманулся в ожиданиях —
повергнутый не может дать
тебе того, о чём мечтал я.

Предашь ты потому меня,
что чистота моя безгрешна,
и вынести укор, унять
себя не сможешь, вздоря вечно.

Меня предашь ты потому,
что тень при лучезарном свете
всё более темна тому,
кто на земле за нас в ответе.

Ещё предашь ты потому,
что я уже давно читаю
все тайны сердца; посеми
торопишься продать, считаю...

1992

* * *

Как редко видим подвиг самоотречения,
как часто видим злость и ропот непременно;
как издеваются над светлым отношением
между друзьями, между братьями отменно!

Ах, для чего, ах, для чего увидел день я
моей досады — наших уз открыл непрочность?
А отчужденье переходит в отпадение,
вражду и ненависть. Ты — сын тщеславия порочный.

Ты — сын неверности порочный, зело алчный;
о, низко-мрачная, угрюмая душонка,
с тобой связался я когда-то неудачно,
и неудачно же отвязываюсь — в шоке.

Негодование и бешенство познал я.
Прикрыть низких побуждений — твоя догма.
При полном свете своего самосознания
ты ослепляешь себя ложными предложениями.

Ты — ненавистен, неразумен и противен,
величия царственного требуя, и — прочего.
С душой убийцы, ты задумал, эка диво,
в пророки лезть; ты — сын погибели порочный...

1992

* * *

Гнуснейшая душа! Бушуют в ней и зависть,
и алчность; чистотой не дорожит,
запятнана грехом смертельным; давась
в смятении одуряющем, дрожит.

Дрожи, дрожи и торжествуй, как дьявол
над человеческими силами,
одно короткое мгновение хотя бы,
пока творим в народном стиле мы.

Дрожи и проявляй неблагодарность —
за доброту хулою отплати
и ненавидь меня... Но «богом данность»
не обретается, как не крути.

Что хочешь делать — делай ты скорее,
твой гнусный замысел вполне созрел,
не лъсти, не лицемерь, гляди бодрее,
и не дрожи; но ты дрожишь, как зверь.

Дрожи, дрожи и торжествуй, как дьявол
над человеческими силами,
одно короткое мгновение хотя бы,
пока творим в свободном стиле мы...

1992

* * *

Похороны это или свадьбы?
Жизнь как сажа, стало быть, бела.
В сыне человеческом познать бы
сына божья — вот бы жизнь была.

Свет сиял во тьме, но не постигла
тьма его — и в душах так темно,
что не в силах никакая сила
подбодрить нас, мрачно всё равно.

Откровенья свет не воссияет,
не возникнет из тех истин он,
по которым демократ стреляет,
как по воробьям, со всех сторон.

Невозникший свет не сообщится
через тихое посредство той
жизни праведной, которая лучится
перед всеми скорбью золотой.

Об ожесточении сердечном,
о неверьи к курсу, кораблю,
о растленьи совести, о вечном
помраченьи разума скорблю.

1992

* * *

Клин тут, куда ни кинь...
Мы без работы. Диплом
не отдаёт уж теплом —
что остаётся нам, блин.

Как же нам быть, молодым?
Жить? Но ведь жизнь — дом, семья.
Нет ни жратвы, ни жилья.
Всё, во что верили, дым.

Нам остаётся весьма
грубо побить вас, друзья, —
ценности ваши изъять.
Светит нам, грубым, тюрьма.

Ясно, живут и в тюрьме.
Ладно, раз нам, молодым,
вашего подвига дым
кажется дымом в дерьме.

Нет, не спою, не горазд,
песню тюремную я.
Баб тут не видим, князья,
каждый из нас педераст.

Зона ли мне дом родной?
Нет! Дом родной далеко.
Сердцем я там целиком.
Мама, я жив, мальчик твой...

1992

ОЛЕГУ ОРЛОВУ

Прёт грубое сегодня сплошь и рядом,
вульгарное царит — и водит нас дурак.
Поэт Орлов, тоскующий в тюрьге,
за что сидишь? За правду или так?

Я принял твой привет, душою принял
твоей души и значимость, и блеск,
но как понять мне: гордость иль гордыня
дают в тебе сей симпатичный всплеск?

И я уйду во мрак... и все уйдём мы...
А надо ль торопиться, дорогой?
Забудь ты, плюнь: политика — лес тёмный.
Какой же ты политик, милый мой?!

Ты знай свою деревню или город.
(Не знаю — чей ты и откуда ты).
Воспой луга, поля, леса и горы;
воспой деревья, травы и цветы.

Тогда, уверен я, уйдёт убогость
из царства слов; но больше о душе
пиши... и обязательно — о боге.
И будет отзвук... Будь! Адью, мон шер!*

1992

* *Адью, мон шер!* — до свиданья,
мой дорогой! (франц.).

* * *

Растерянность, и голод, и распад...
И кажется, что вынут некий стержень.
Всё рушится. Была держава. Где же
она теперь? Где цель? Где грёзы спят?

До грёз ли... От всего теперь отказ.
Тянул я свою лямку ежечасно
и ежедневно — к лучшей доле, счастью;
мечтал увидеть их хотя бы раз.

Труды мои, надежды, всё — тщета.
Идёт всё прахом. И зачем живу я?
В стране свирепствует, надменно торжествуя,
физически, духовно... нищета.

Блажен ли нищий духом? Не блажен.
И в сердце храма сроду не построит,
построит — на земле. Чего ж храм будет стоять?
Да ничего. И будет он сожжён...

1992

* * *

Жил ли я? Не жил, а выживал.
Вот опять пуста моя тарелка,
пуст карман, нет денег у поэта,
впрочем нет их и у вышибал —
перестройка, перепалка, перестрелка.

Я не вышибала, не монтёр,
не таксист, не «мусор», пасть закрой-ка,
пасть порву, я, милый, не шахтёр,
и не тайный муж, не сутенёр —
в перестрелке, в перепалке, в перестройке.

Главное — не вор, не спекулянт,
важно именуемые, эка,
бизнесменом. Не грабитель века.
Смерть голодную мне за стихи сулят
перестройка, перепалка, перестрелка.

1992

У ВХОДА

... у гробового входа...

А.С. Пушкин

Смутно время. Сумрачна душа.
Безнадежна. Мёртвый свет у Входа
кружит уж. И мрак, и непогода
тоже — в этом сумраке — кружат.
Суть моя чуть теплится, дрожит
и ничем уже не дорожит.
И как будто: вот он — час исхода;
вот он — я, которому не жить.

Не прозренья ль тайны ты несёшь,
сумрак мой? В природе растворяясь,
покидаем мир. В ворота рая
как войдём, постигнем сразу всё.
А пока о чём мне петь, о чём?
Не о том, что всё нам нипочём?
... На прощанье воя в час исхода,
воем мы у Входа ни о чём.

1992

VIA DOLOROSA

... роза-дитя

Г. Айги

Бог не даст, откуда — дитя-роза?
Откуда — Иисус новый иль Давид?
Скорбный путь мой — *via dolorosa* —
моё подобье — сын — не повторит.

Оттого — тоска, никчемность в жизни;
не иссякает боль, не сходит грусть.
От любви к Нему — строка ложится;
от боли — горе разрывает грудь.

Свет из боли... Снится же такое...
Мерещится... Мерцает... Берedit.
Всем смертям моим могилу роет
сиянье сына — призрак — впереди.

Но... моё подобье — сын — ведь это
утопия, как дым, как коммунизм.
Дети, дети... Лучше жить бездетно,
чем наплодить своё подобье-риск.

1992

ВЕРХУШКА

Ах, ты, шатия, ты, братия, вся обрусевшая;
ах, верхушечка ты наша разжиревшая,
середь русской знати всё шатаешься,
нас и за людей-то не считаешь ты.

Нету, вишь, от коренных чувашей толку.
Терпишь нас поскольку и постольку.
Знатным людям наши речи неприятны —
вид наш раздражает, голос бесит, вероятно.

Брат по духу и судьбе вот горе мыкает,
голодовку держит, а манкурт мне в рожу тыкает,
мол, неправ чувашин, сам во всём и виноват он,
и поэтому вину всю на себя брать надо.

Я, всю жизнь свою теснимый и гонимый,
говорю тебе, мерзавец, благодетель мнимый,
ты, премьер ли, кто ли, всё одно: грабитель,
наших душ нетвёрдых отравитель.

Глядя на тебя, бормочут как в психушке:
«Сгинь, язык чувашский, чтоб я стал верхушкой.
В гроб загнав, чувашский дух рассеяв,
ты вовек над нами будь, Рассея...».

1992

ПРАВИТЕЛЬСТВО

Игорю Северянину

Ведь срам какой! Всё хуже жизнь и хуже!
Куда нам дальше — на краю почти?!
Поэтов истинных не чтит верхушка,
тем самым и себя она не чтит.

Признав себя, великого поэта
признать не удосужившись, шуты
и на себя накладывают вето
к признанию — псы безделья и тщеты.

О Северянин, как ты прав, о гений!
Правительством назвать возможно ль их?!
Кругом всё голодно, криминогенно, —
не созидать, а рушить все взялись.

Правительством назвавшись, дым пустили
в глаза нам, простакам; но должна пасть
позорно эта власть в народном стиле;
по правде — никакая и не власть.

Народ российский, видимо, ты спятил —
и не мечтаешь уж о днях иных.
Народ чувашский, выходи из спячки
и заступись за гениев своих...

1992

НЕ ПЕЧАТАЕТ

Нет, не печатает Аксу,
на мне поставлен крест:
«Кто? Сениэль? Все вздор несут.
Таких и знать нам грех».

Так вот уж тридцать с лишним лет
районная печать
не хочет мне сказать: «Поэт»,
во мне меня признать.

С тех пор — скажу я без прикрас —
издал тринадцать книг.
И с музою ходил не раз
на смерть, не на пикник.

Неужто я не я опять?
«А кто ж, чёрт подери?!» —
кричат Казань и Ашхабад,
Москва и даже Рим.

Моим стихам и Минск был рад.
Душа моя чиста:
мне дорог каждый столичный град,
и ты, райцентр Чистай.

Баку печатает, то бишь...
И впрямь, такой абсурд:
меня печатает Париж,
но только не Аксу.

1992

БУДТО

Вы есть будто.
Меня нет будто.
Ваше самомнение
больше вас самих будто.

Обо всём этом
кто скажет?
Наверно, не я.
Меня здесь нет.

От вас далеко плутаю —
вас во гнев ввергаю.

Выть об этом
мне хочется будто.
Выть хочется будто —
но не вою.

Вы мне нравитесь
будто.
Я вам не нравлюсь
будто.

Шутить об этом
мне хочется будто.
Шутить хочется будто —
но не шучу.

Вы есть будто...

Нужное слово хочу сказать —
ненужное срывается.
Уместное слово хочу вымолвить —
неуместное выпаливается.

Сам вроде: «Простите», —
хочу сказать вам,
«Плюю!» — кричу будто.
Я расстраиваюсь будто.

Ваше самомнение
больше вас самих будто.

Словно кусок хлеба,
прощение
вымолить хочу будто,
вымолить хочу будто —
но только зубы скалю будто.

Ни один даже не шевельнётся,
ни один не хочет понять,
ни один...

«Простите!» —
хочу выкрикнуть будто —
только зубы сжимаю будто.

Горячий гнев мой,
буйный гнев мой,
неудержимый гнев мой
забурлит, как вода в котле,
и вдруг,
пролившись через край,
совсем притихнет.

Вы есть будто.
Меня нет будто.
Ваш гонор
больше вас самих будто.

1992

ОСЕНЬ

Оставляя меня в должниках,
угасает мечта,
и, может, впервые
я вздрогнул от жалкости

её деревенского вида.

О, как грустны дожди,
словно их сочинили
там на небе в миноре,

о, как слёзы дождя
сиротливы и тихи под вечер,
словно плачет округа

о в ночь уходящих.

И росинки
летят и летят к нам на землю,

забывшим о боге...

1992

СТОНЕТ ВЕТЕР

Одно бесконечное горе,
горе и страданье,
страданье и боль.

Стонет ветер...
Стонет ветер в ночи...
Стонет ветер в ночи кромешной...

Жалко. Ах, как жалко.
На что жалуется?
Кого хочет разжалобить?

Стонет ветер...
Стонет ветер в ночи...
Стонет ветер в ночи кромешной...

И всеобщая беда
огромной чёрной птицею
витает над городом

... в ночи кромешной...

1992

КРИК

Разрыв и гибель —
вот судьба поэта
истинного.

... Мы любим матерей.
Мы любим свет и тишину.
Детей мы любим.
А больше всего
мы любим
себя.
И больше всего
та любовь —
из боли.
«Больно! — кричим мы. — Больно!»
Молчание — страшно.
А крик — смертельно.
И в этой бойне людей
весь путь наш —
тоска по чистоте.

В итоге же — крах...

1992

БАЛЛАДА О ПОЭТЕ

Горел он.
А вы не горели.
Вы и не думали гореть.
Вы даже и не тлели.
Не зажглись.

Он горевал.
Вы радовались —
ели и пили,
шёлк на себя
натягивали.

Весь сгорел он.
Ничего за это не получил
кроме пинка и тумаков
и преждевременной
старости.

Горюет.
Но горем ли делу поможешь?
Нищ и наг и безвестен.
Но он горел.
И сгорел весь.

... То, что здесь я сказал,
ангел-хранитель подслушал,
и о поэте печальном
тотчас же позаботился бог —
взял к себе.

1992

СНЕГА

Зима. Снега. Снега.
Душе как утешенье —
и белизна, и чистота
(вздых о прекрасном,
которое — радость).

Снега, кругом снега.
Укроюсь в сон, укроюсь
как в простыню, и буду
в блаженстве
(не от смерти — не в саване).

Жизнь пуста, но, увы,
не ропщу я на бедность —
глянь как много
сияния света
(от снега?!).

И поэтому — шёпот: «Снега».
И снег, как душа,
всё дальше и дальше
пребудет и чудом, и светом
(пока не умру)

в безмолвии белом...

1992

ЗАБУДУТ

Забудут нас,
и всех забудут
на этом свете.
Отриньте зависть,
не клеветайте,
извиваясь змеёй.

Умру я, и вам останется:
след, еле памятный,
ушедший из снов ваших и из слуха;
ваша усталость от негодованья и желчи;
радость ликования
по моему отсутствию;
и — плач...

Плач от тоски,
что меня больше нет
и нет смысла завидовать,
и к тому ж клеветать.
Еле чувствуемый след
вас не станет тревожить,
не раздражит.

Умру я, а вы останетесь.
Потом уйдёте
и вы...
Останется пустота
между нашими
могилами.

1992

* * *

Бывает час, свободы час —
ото всего освобождаясь,
идёшь ты в сторону заката,
где в травах — жимолость и мята,
в оврагах — тишь и неба часть.

Уходит день, прощай, прощай!
Уж лето позднее, не май,
мгновенье гонит за мгновеньем;
и вечера прикосновенье
мой в тень окутывает край.

Жизнь убывает... Ах, друзья,
и грусть знавал, и радость я.
Что вам сказать мне на прощанье?
Вы не сдержали обещанья,
лишившись к верности чутья.

Вы бросили меня. Ну что ж?
Я рад — на вас я не похож.
Прощайте! Темноты и света
на грани говорю, ответа
не жду ничуть, привета — тож.

... Затихли звуки в царстве бед,
исчез и свет, далёкий свет,
упал в короткой схватке с мраком.
Стою в предчувствии напрасном.
Гляжу туда, где света нет...

1993

* * *

Путей извечна череда,
её изменишь как?
Свою другому передать
нельзя наверняка?

Свой путь пройдёшь ты только сам,
ты сам, никто другой.
Бог даст ум сердцу, свет глазам,
даст щедрою рукой.

Мелькнёт мгновенье — отберёт
безжалостно назад.
И жизни этот оборот
неотвратим и свят.

Свой круг у каждого, у всех,
и чистый белый лист.
Любовь не удалась совсем,
надежды не сбылись.

Вращайся и пиши свой путь —
дней безутешен бег.
Следы минут не повернуть,
не повернуть вовек.

Хоть плачь, слезами изойди,
не спи хоть до утра,
здесь — горесть, за окном — дожди,
промозглые ветра...

1993

* * *

Как музыка мне тишина...
Откуда вдруг пала она
и душу смогла разомкнуть мне,
тепла, милосердья полна?

Вот вижу я синий рассвет,
всем сердцем люблю этот цвет,
он ближе душе с каждым годом —
от нас убегающий свет.

Предвестники летнего дня —
проснулись синички, маня
к себе своей песенкой тонкой.
Я грустен в сетях бытия.

Пустой мне давали обет.
Поряdochных, видимо, нет
людей в этом мире тревожном...
Я грустен, о синий рассвет.

От злых иль улыbчивых глаз
не прятался я в горький час,
сам злым иль улыbчивым не был,
а был твёрд душой всякий раз.

1993

* * *

Чем старше, тем глупее я и строже.
Ужели для прозрения нужна
вся жизнь? Печаль и радость и вина
взрослеют вместе с нами, видно, тоже,
но ясность в них пока что не видна.

Просчёты наши были — заблуждения.
В кого мы верили до сих, в чего?
«Неужто вновь он умер, но — живой?» —
устало вопрошаю каждый день я.
Как тягостно всё это, боже мой.

Должно быть, мир перевернулся снова.
Как истово, как нежно ищем мы
тепла у радостей среди зимы
и верного единственного слова —
наивные, но светлые умы.

В запальчивости грешной, негодуя,
сбравшись вместе, дураки, всю ночь
свою вину стараясь превозмочь,
бог весть кого виня, кричим, бунтуем, —
развеселим, как видно, кого хошь...

1993

ЧАСЫ ПРОЗРЕНИЙ

Николаю Пейкову

Спешили всё куда-то, суетились.
Куда? Зачем? Кто знает. Никуда.
Все, внешне современниками числясь,
душою жили в прошлых городах
и грезили... о будущем величьи
булгар и всей булгарской стороны.
Меня с ума сводил м о е й страны
неповторимый аромат столичный.

Нас много было, мы не знали это,
теперь вот знаем, хочешь — сообщу?
И свет от тени, истину от бреда,
ярмо от воли разом отличу.
Вернуться к прошлому вполне созрели,
и наши помыслы чисты, чисты.
Пришли к нам наконец часы прозрений,
ничем не заменимые часы...

1993

У СВЯТОГО КЛЮЧА

В мгле столетий обычай возник...
Летом, в симеке, пращуры наши
со всех мест шли к Биляру — чувашаи.
Под горою Биляра — родник.

Поклонялись ему и молились.
В жертву живность воде приносилась.
Пепелищу родному клялись,
что внутри у них есть ещё сила —
супостатам войну объявить.

Умывались и брали с собой
и хранили весь год как лекарство,
обходились они без знахарства —
все болезни лечили водой.

Сим примером и русы пленились,
и татары тут не поленились,
стали все поклоняться, лечить.
Их чувашаи всегда сторонились,
чтобы с гордостью в даль отходить.

Это — дух. Был убит, но воскрес.
И шумит, и журчит, бьёт, клокочет.
Потому и святой. Он не хочет,
чтоб его проклинали с небес...

1993

НА БИЛЯР-ГОРЕ

Андрияну Николаеву

Исчезли века и империи.
Не таяло в небе облачко пыли.
Шуршали листы и скрипели перья.
И орлы надо всем парили, парили.

Век за веком! О, лиц вереница!
От шумеров ли в гунны уходим,
иль из гуннов в болгар превратимся,
род свой древний от смерти уводим.

Люд простой! Предводители! Воины!
Эй, сувары-булгары, чуваш,
ведь украдены были, присвоены
все пути ваши, чаянья ваши.

Их крадут и поныне... Удары
враг наносит нам в самую душу.
Не сумев истребить нас, татары
отнимают историю, рушат.

Без истории кто мы? Не нация.
Не народ... Оманкуртить хотят враз
и рассеять, рассеять... В протрацию
всех ввести, чтоб топить как котят нас.

Притерпелись што ль, сжились мы с болью?!
Иль в бессилье ртом воздух хватаем?
С гордым духом и с гордой любовью,
как орлы, то не мы ли витаем?

Мы! Лишь с виду — йываш,
то есть смиренный,
а внутри мы — чуваш!
Мы! Всемирно!

1993

ВАЛЕМ ХУЗЯ

Почитаемый всё время
среди болгар как царь-патша,
был он шейх, философ древний,
Валем — Маалюм Ходжа.
Был заступник и вожак.

Вождь духовный культ ислама
насаждал, как Магомет,
ревностно, умело, славно,
стал святым отцом тех лет.
Дух его есть киреметь.

Почитание умерших
в почитание святых
мусульманских, околевших,
превратилось для одних,
для других — в удар под дых.

Но в накладе те и эти
не остались — божество
более семи столетий
в душах светочем живёт,
всё к добру, к добру зовёт.

У Святого где могила?
На Биляр-горе, друзья.
Духом бесподобной силы
обладал Валем Хузя —
богатырь! Ни дать ни взять.

1993

НОЧНЫЕ ТЕНИ

Когда, сверкая бледными лучами,
и на меня луна роняет луч,
когда я замолчу и слушаю молчанье,
ища в нём обещанье, нежность, грусть,
тогда услышу яркое звучанье
неслышных песен ночи, скорбных пусть.

Тогда незримые увижу тени.
Они, храня наследие времён,
живут донине, как на самом деле;
незыблемость традиций — их закон.
Века, тысячелетья пролетели —
мой буйный, сильный род был сохранён.

Ну а теперь? Куда ж теперь? И как же
всё понимать: остыла кровь, душа?
Ума не стало? Где ответ? Кто скажет?
Объятые недугом, мельтешат
потомки гуннов — поколенья наше:
из рая в рай, проклятые, спешат...

1993

СПИТ КАМА

Спит Кама ночью, тихо дремлет.
На устье пала тишина.
Как погляжу на ширь я, трепет —
на сердце... Кама тихо дремлет,
и в дрёме музыка слышна.

То — юность тайно мне играет
на скрипке из глубин годов
о счастье... Сердце замирает...
Так тонко музыка играет...
И я вновь юным стать готов.

Спит Кама, на воде — дорожка
от светлой, яростной луны.
Уйду я. Постою немножко
и удалюсь... Прощай, дорожка.
Прощай, простор. Прощайте, сны...

Но скрипка так же всё играет.
Стою, как перст, я на юру.
От счастья сердце замирает.
Так свято музыка играет.
И я — живу. Я — не умру...

1993

* * *

Тише, господа, тише...
Молчите, я так хочу...
Пуще кричат, поди же,
в ушах и голове — шум.

Вспыхиваю печально
среди духоты людской.
Ах, как хочу молчанья
в аду городском.

Знаю, знакомы очень
цвета убывающих дней.
Тьма наступает ночи —
нам до смерти страшно в ней.

Сны подойдут кошмарно,
и в них — молчаливый укор,
горе, а радости мало
и прежде, и до сих пор.

... Пляшут жеребцы лихо,
за пиво приняв мочу.
Тихо, господа, тихо...
Молчите, как я молчу...

1993

* * *

О, как бездумно ходим-бродим
и безоглядно тратим мы
недели, месяцы и годы:
за этой жизнью будто (вроде)
есть жизнь другая и — без тьмы.

А в этой — тьма, ни зги не видно
ни позади, ни впереди:
то ль дым кругом, туман, дожди,
то ль чёрт с терпением завидным
нам мглою душу бередит.

Досталась людям счастья кроха,
расстались быстро с ней без вздоха,
не стали малое беречь;
а время будет течь и течь,
и будем все вздыхать и охать...

1993

ОБМАНУТЫЕ

Весенние вновь отшумели воды.
Вновь небо ясно и цветок душист.
Бессмысленно утраченные годы!
Бессмысленно растраченная жизнь!

Надеждою уж где нам ослепляться?
Раскаяньем нам дело не спасти.
Пространства стали узки — разгуляться,
теперь в хвосте нам до конца плестись.

Успехам мы своим ведём счёт давний,
навстречу им, как прежде, не идём.
Грудь смертная тоска щемит и давит;
подняться б снова нам, да крут подъём.

Подняться снова? Это — преступление.
Пусть вянем потихоньку, таем пусть.
Без радости, печально, иступлённо
страна к свободе пролагает путь...

1993

* * *

Живу один, побитый как собака,
не понимая самого простого:
друг нынче ровно ничего не стоит;
и всё ж дружу с друзьями я, однако.

Играю в дружбу. Есть тут что-то лисье.
Что выбрать? В одиночество впадая,
я жду. И ожиданье выбираю
как средство-пламя, чтоб сжигать дни-листья.

Но это, к сожаленью, — обречённость.
Хоть все обречены на белом свете,
одно мне душу греет всё и светит:
порядок соблюдают здесь, законность.

Когда царит и правит беззаконье
в стране безумцев, и тому мы рады:
и малый отблеск — радость нам, отрада.
Меняемся мы, вострепнувшись, в корне.

И это вот чего-нибудь да стоит!
Так говорю вам, возле лесопарка
живя один, побитый как собака,
не понимая самого простого...

1993

У КОСТРА

Мяётся ум, душа устала,
повелевает ими страх.
Я побелевшими устами
шепчу проклятья у костра.

Что ни возьми — уныло, косно,
и застит разум, как туман.
Быть может, рано, может, поздно
встряхнуться всё ж удастся нам?

Над головою — дождь и ветры.
Как осень, память — в голове.
Сомненья погубили веру,
что не забуду я вовек.

Лишь беды, беды — в мраке ночи;
и в свете дня добра не жди.
Отпущено судьбой немного
мне лет, я чую, впереди.

Умру, и в мире пусто станет,
не будет больше ничего...
Я — у себя: я — в Татарстане.
Дождь перестал. Рассвет — вот-вот.

1993

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Ах, вспыхнуть бы сжигающим огнём!
Не сдерживая чудного волнения,
второе б праздновать своё рождение!
Ах, расцвести бы в творчестве своём!

От жизни пасмурной не жду тепла.
Как трогательна мне наивность веры
в хорошую погоду — скудной мерой
отсчитана она давно была.

Иль дни её теперь не сочтены?
Неумолимо мне незащищённость
души моей усталой, обречённо,
твердит, что мы обуза для страны.

Не то ещё увидим на веку.
Поэт — душа народа и... обуза.
Душа и совесть... Ах, какая уозсть
у этих лбов, торчащих наверху!

Эх, вспыхнуть, расцвести бы... Вечно свят
да будет, говорю вам, час расцвета.
Со смертью опрокинув споры, к свету
и в пору ту шедевры полетят.

Никто, никто красу не обойдёт
молчанием — и хрупкость, и загадку
повторной вспышки... Как ни тштитесь, гадкие,
упрямое цветенье не умрёт!

1993

* * *

Людей порядочных на свете мало.
И то, что добрых больше, просто муть —
звучит неубедительно, туманно.
Я это не пойму и не приму.

Живя среди жулья довольно дружно,
бывало, я скитания любил
и, уезжая, часто водку пил
с кем попадая, а с кем — и вспомнить трудно.

Я вскидывал предчувствия дороги
как ношу, ни на миг не забывал:
удача улыбнётся лишь неробким,
а робким уготован крах, провал.

Напутствий не выслушивал серьёзно,
подвоха ждал таинственно и грозно —
ведь как ни уважай жульё, ни чти,
а откровенья от него не жди.

В печали предстоящие вдавался
поверхностно, а слёз вообще не лил.
И потому приятно расставался
всегда с друзьями — водку даже пил...

1993

* * *

Поднять нетрудно, тяжело нести.
Раз вышел с грузом — донесу. Мой стиль.

Лихого сколько было в те года!
А ныне... ныне — гибель, чехарда.

Мотался долго, горечь знал, беду.
Кого винить — никак не разберу.

Скажи, что лучше троп, что вдаль бегут?
По сторонам — цветы, пчелиный гуд.

К заветным рубежам меня вели
сиянье дня, дыхание земли.

Нет, не забыть мне грусти прошлых лет,
с трудом запомню гнуса разной бред.

Но без тепла не вспомнить мне ни дня.
Всем, всем поклон — уважившим меня...

1993

МЕСЯЦА СВЕТА

Ах, месяц опять за окном ярко светит...
Приметив его, неприметно я речь
о чём поведу? Не согреть уж месяц,
как раньше, меня, не сумеет зажечь.

Раздумчивы стали мы — что нами движет?
Раздумчив весеннего месяца свет.
Финал с каждым годом становится ближе —
вот что разъедает нас, выхода нет.

Забудется месяца свет, вечер мая.
Забудется Бог, Иисус, Вифлеем.
Забудется жизнь — не шучу, не пугаю;
впадая в истерику, душу не ем.

Не радует душу — такой ли был месяц?
Такой ли был свет? И такая ль — весна?
И чувство такое, что скоро повесят
меня и вас всех... извините меня...

1993

ТОСКА ПО СЕСПЕЛЮ

Зарыт был как собака, плакать хочется, —
сказали: потерял товарный вид.
В дух переплавившись, телесно кончился —
сказали: удавился от обид.

Нет, не повешусь я — уж пусть повесят.
Не застрелюсь — пусть расстреляют. Пусть
оповестят по городам и весям,
что не смогли меня убить тоска и грусть.

Но как тоскую по тебе, о пламень,
пожравший Сеспеля, о ад сплошной
в нём разыгравшийся! Твержу упрямо:
«Ах, мне бы это всё», и — сам не свой.

Завидная судьба: уйдя как Иус,
не уходить, а оставаться навсегда
здесь на земле, что смертным только снится
и не осуществится никогда.

Судьба моя, за светлыми холмами
высокий юноша вселенной к нам
идёт, и побиваем мы камнями
ещё в пути его. О, стыд и срам!

Тоскую по светлейшему, о Сеспель,
и говорю ему: приди, не уходи.
Меж зла нам и добра смиренно сесть бы,
но человек не хочет — туп и дик.

Чуть зазевайся, запросто повесит,
слух пустит: удавился от тоски.
... Все ль знаете по городам и весям:
не умер Сеспель, Сеспель только спит?!

И спит он, как вулкан, как Этна, как Везувий,
в чувашских генах, богом не забыт.
Сыграли шутку с ним и бытие, и быт;
но как проснётся — будет всех грозовой
уж тот, кто как собака был зарыт...

1993

ВЫДУМАННЫМ ГЛАЗАМ

... моей несравненной — поэзии Сеспеля...

Тот, кто выдумал вас,
спит давно вечным сном.
Просит он об одном,
тот, кто выдумал вас.

Вы горите всегда,
им любимые звёзды.
Не в насмешку он создал
над собой вас тогда.

Просьбы той глубина —
потрясает сердца.
В ней — сиреневый сад,
свет и голубизна.

В ней же и — тайны синь,
откровения зелень,
чтоб глаза в нас глядели
сверхестественных сил.

О глаза, кладезь глаз,
оплевали вас мы,
я шепчу вам из тьмы:
мне обидно за нас.

Новь к нам так и нейдёт,
затхлость не изгоняет.
Песнь терзанья терзает,
сил нам не придаёт.

А глаза говорят,
что они — не глаза,
а дух Сеспеля сам.
И горят, и горят.

И горите всегда,
вы, любимые звёзды.
На века вас он создал,
он и сам — как звезда...

1993

АЛЕКСАНДРУ ЛЕЙФЕРУ

Ах, Лейфер, друг, чувашаи — не хазары,
не степи здесь, и кубас — не домбра.
Шуты заполонили Чебоксары.
Простой еврей, не жди от них добра.

Большое сердце ты имеешь, Саша,
и ум, скажи: почто из века в век
из-за одних другие тяжесть ташат,
и гибнет, аки пёс, наш человек?

Христа, предав, распяли фарисеи.
Иуда удавился, защитив
и честь свою, и честь простых евреев, —
исполнил совести императив.

И петля та потом всё туже, туже
затягиваться стала, знаешь сам.
И вы, и мы — все инородцы, друже,
и все разделены на полюса.

Шуты заполонили Чебоксары.
Простой душой, не жди от них житья.
Мечту о братстве, помня о хазарах,
не в силах, нет, лелеять, нежить я...

1993

* * *

Стаи виршей моих стали счастьем.
Так стаи волков или воронов стаи
становятся счастьем для трупа.

Так судороги
становятся счастьем для тела
(когда оно и загнётся).

Стаи виршей моих
заменяют друзей и подруг и семью.
В кафкианской дали —
и предки, и супружество, и потомки.

Искусственный, жалкий — для всего
существует заменитель:
для предков, для супружества, для потомков —
стаи виршей моих...

Стаи виршей моих —
без предков, без супружества, без потомков,
но с неистовой жадой
и предков, и супружества, и потомков.

Но предки, супружество, потомки —
для живых, для живых, не для мёртвых.
А я, мёртвый давно, пропадаю
из-за безотрадности страшной

стай
виршей
моих...

1993

* * *

Айги — роза-дитя.

Сын, пока не родился,
портит фигуру;
рождаясь, приносит муки,
потом разделение привязанности,
прибавку хлопот.

И он —
новый мужчина:
его восход — это закат отца,
его молодость —
отцу на зависть,
его друг — враг отца...

И отец завещал
ейкровать
второсорт
завещал
второвать
кровещал

И —
не снимая платка с головы,
умирает мама

на постели

на уровне глаз (Джойс, Айги).

1993

* * *

Маняще. Нежное слово.
Взгляни: уж меркнут звёзды. Взглянула?
Синицы, щебечущие ответ.

О, роза! Красночетайская.

Утро брезжит.
Монета звякнула.
И звук чистый, долгий, вибрирующий.
Медленно замирающий звук.

Зов ночной в лунном свете:
вдали, вдали.
Я так печален...
Слушай! Жемчужины: когда она.
Рапсодии Листа.
А вы не?
Чёрные.
Нижние октавы.
Давайте же, Гена, давайте!
Гроыхните сокрушительные аккорды.
Когда любовь горит.
Война! Война!

Барабанная перепонка.

Выдул.

О, Айги, несчастная душа.

1993

* * *

Я отплакал забыл как клубился тот лес
очагом из любви!

а я
по снегам-как-идея-снегам
вижу — иначе бредущих: сияньем
(хотя бы из болей
в остатках!):

что же! — конвойно-как-знаками-муки:

розы! — в-крови-по-снегам-и-в-удушье-вы-розы

(дитя-лицо-давно
лицо — бывает же — открытою
душою — было — да
возможно центром
я забыл) —

возможно — задницей, бывает...
только — не головой — роза

вечер
а розы
несчастья людей не огромны на то и
название
слишком уж тусклое

утешение: розы

и: отцветают розы

розы с конца

утро: метро: утешение

место: пивной ларёк

Когда нас никто не любит
начинаем
любить матерей.

И —
не снимая платка с головы
умирает

на постели

на уровне глаз (Айги, Смерть, Облака)

1993

ВО ВСЕ ВРЕМЕНА

Нас со света сживали вы —
жгли, убивали, морили —
и удивлялись: «Они нас не любят».

Нас ослепили —
и с отвращеньем шипели:
«Слепые чуваша».

Нас лишали всего, обирали до нитки,
и с отвращеньем бубнили:
«Скупые чуваша».

В болезнях, без еды, без одёжки,
мы мёрли иль плохо росли.
Вы с отвращеньем, наглея, кричали:
«Ублюдки! Киреметники!»

Мы жили в своих оврагах
и дрожали, молясь, —
вымирали.

Вымирая, мы пели
сто тысяч своих песен;
вымирая, вышивали
сто тысяч своих вышивок —

при лучине.

В них мы рассказывали:
о боге, который нас забыл;
о друзьях, которые нас бросили;
о врагах, которые нас окружили
и — душат.

И... —
о красоте мироздания.

... Во все времена
мы трудились неистово,
и это спасло нас.

Что уж тут обижаться:
да, не любим мы вас и, пожалуй,
не будем любить...

1993

ТАЙНАЯ СВОБОДА

Безначальная стихия, звук-волна
и поэт в согласии живут:
снят покров, открыта глубина,
чужеродный принят в душу звук.

В напряженье, трудно он рождён.
Чем протяжней, гармоничней, тем
неотступней слух преследует — о чём
скажет вдохновение затем.

Внешний мир! Звук здесь — прими его:
в форму слова заключённый, взвизг
славный получился, боевой,
яростно мятежный... Страх и риск!

Неспокойно и неровно жизнь пойдёт.
Испытав сердца гармонией, поэт
непрерывно к краху подойдёт.
Не поймут его, ему спасенья нет.

Отняты покой и воля — не твори.
В мёртвом воздухе — предсмертный вздох.
Тайная свеча свободы, не гори,
чтоб поэт весь исстрадался и подох.

Не грусти, нет в гибели беды,
гимны пой и сердцу, и уму,
ведь таинственное назначение ты
выполнил — мир праху твоему...

1994, апрель

* * *

Он кто — поэт? Скажу по существу:
он — сын гармонии, мастак в своём вопросе —
заботы суетного света бросив,
открыв глубины, принял в душу звук,
привёл в согласие звуки и слова...
Могуществу сопротивляться этой
гармонии, внесённой в мир поэтом,
нельзя — никто не станет рисковать.
Гармонией испытывать сердца —
производить отбор какой-то в грудях
людского шлака. И — так точно, круто,
что смертный — червь, а гений — бог и царь.
Ошибки быть не может тут. Как сметь
от знака уклониться иль от имени,
отмеченного-данного родимой
поэзией? — они как грех, как смерть.
Клеймённые позорной кличкой «чернь» —
Его гонители, живые трупы.
... Вот почему Поэту вечно трудно
при них в живых остаться, Совесть, Честь.

1994

ЧЕРНЬ

Не знать и не простонародье,
не демон и не ангел — чернь,
дельцов и пошляков отродье.
Её ты не проймёшь ничем.

Бездушье ею руководит,
бескрылость. Где ж духовность тут:
не слышат и не видят вовсе
гармонию и красоту.

Гармония не хлеб, не водка,
и красота — не колбаса.
Искусство — это дурость (вот как!).
Не чудо и не чудеса.

К чему кривляние без пользы?
Страну спасёт товар, базар.
Взыванье к милосердию — поза.
Плач по Христу не нов, а стар.

На свете истинно лишь деньги,
всё остальное — дым, мура...
Подобный трёп здесь каждый день мне
поют — ложись и умирай.

Не зверь, не ком земли, а олух,
а чернь сегодняшнего дня,
морочит в институтах, школах
и в академиях меня.

Была цензура — без цензуры
теперь морочит: всё равно
преграда прочная — как дура,
в суд тащит власть. Хитро! Чудно!

Большой и малый — все морочат.
И каждый судит по себе.
Гармонию угробить хотят
наперекор богам, судьбе.

Лишь не морочат домочадцы.
Они с гармонией дружны.
До олухов не достучаться —
мои стихи им не нужны.

1994

* * *

Пру один по тёмным переулкам.
Запоздал я малость, видно, что ж?
Где-то чей-то шаг за мною — гулко.
Сердцу жутко что-то, в сердце — дрожь.

Сном каким-то между мной и вами,
среди сидящих запертыми тож,
то клубком, то мелкими волнами
будто бы кругом проходит дрожь.

Все бегут скорее и скорее,
будто всех вот-вот накроет дождь.
Страх тaitся по ночным аллеям.
Сердцу жутко что-то, в сердце — дрожь.

Прёшь по улицам знакомым, словно
у себя и то не господин,
прёшь и даже как-то неудобно:
все вдвоём, а ты вот так — один.

Убегаю от кого в прогулке
как во времена лихих годин?
Властвует в округе бег мой гулкой.
Я теперь взаправдашне один.

Как поймают, точно, сбреют бороду —
шкуру не спустили ж, и хорош.
Пру один по дрыхнущему городу —
жутко, братцы, жутко, в сердце — дрожь!

1994

ДУЭЛЬ

Мир — дик. Гроза не миновала.
Грохочет гром над головой.
Позор неслыханный провала
предупреждает голос мой.

Его верхушка не приемлет.
Не выиграть мне и не встать.
Такое терпит еле-еле
любых времён любая власть.

Что делать, ежели всесветно
дурак средь умных — тамада,
а человек весьма несредний —
он на задворках, как всегда.

Утешу чем себя я ныне?
Мир губит превосходство зла.
Осмеян, отчуждён — в низине,
в дыре поэт, хлопочет зря.

Но так ли всё? А ведь неправда,
что взяло верх одно дурьё.
Обыгран ход, то и отрадно,
что рвутся умные вперёд.

Нет, не они во схватке пали,
не восторжествовало зло,
и вороньё среди развалин
не их терзало и несло.

Дурак лежит во прахе словно,
не зная как подняться, лют,
а мимо движется сурово
с презрением голодный люд.

Подох дурак иль встал — не важно,
никто того не замечал,
а Сениэль вещал, мать вашу,
скучал, ворчал, озорничал,
роман писал, не ведал горя,
дела его не глохли, шли.
И осаждала, тараторя,
его девица Натали...

1994

ЗОРИ ЮНОСТИ

Зори, зори, ах, милые зори,
жизнь уходит, а вас не забыть!
Зори юности, в вашем я взоре
угадал свою глубь, свою высь.

Всё такими же вас принимаю,
силой чувств возвращая назад.
И с себя груз годов я снимаю —
юным пылом сияют глаза.

Я люблю вас — люблюсь часами,
не сводя зачарованных глаз.
Ах, какими мы были глупцами,
торопя безоглядно вас!

Что же в зорях иных мы искали?
Но я знал, но я знал всё ж о том,
что, пройдя иллюзорные дали,
мы пустыми вернёмся в дом.

Будем плакать, жалея о прошлом,
осуждая свой каждый шаг.
И покажется, будто нарочно
гнула жизнь нас так и сяк...

1994

* * *

Судьба — это грозное слово,
и грозное слово — любовь.
И оба — проклятие словно:
без лишних колдующих слов.

Связать мыслей путь я не в силах
всю ночь средь нескладных трудов:
не те, видно, ритмы носил я —
в них душу вложить не готов.

Сижу и балдею — вот попытка!
Как будто без ног и без рук.
Нежданно, негаданно, пылко
охвачен волнением был вдруг.

То значит: балдеть-то балдей ты,
но сумрак гони из себя.
Владей, вдохновенье, владей же,
владейте, любовь и судьба.

Судьба — это гордое слово,
и гордое слово — любовь.
И оба — заклиание словно:
без лишних колдующих слов...

1994

НА ОДНОЙ СТРУНЕ

Нищ, как церковная крыса,
у меня ничего нет —
выпало выживать и грызться
в отвратительнейшей стране.

В той, в которой моя родина,
что и родиной не назовёшь,
в ней чучмек я, уродина
третьесортный, почти что — вошь.

Спасу не было — хоть куда иди ты,
бог был глух, как всегда, сердит.
Просвещённейшие бандиты
нас душили, царь — главный бандит.

А у вождей малограмотных
я был в колхозе раб.
Взяли верх теперь охлократы —
ужас это какой-то, крах!

Тысячу лет мы под прессом,
тысячу лет — в огне.
Будущего нет, прогресса,
в отвратительнейшей стране.

Верил в тебя я когда-то,
матерью второй называл.
Пьяница. Что ни день — поддата.
Отняты родительские права.

Сын я тебе? Пасынок? Кто я?
Ясно, нет: рабочий скот.
Время болгарское, золотое,
где же, где ты, и — мой народ!

Суздаль, Рязань и Владимир,
вы виноваты в том,
что, погрязая в рутине,
Змия впустили в дом.

Долго щитом мы были,
звали вас, вы не пришли.
Тати всех поодиночке били —
вешали, рубили, жгли.

После, на Москве укрепившись,
басурманами обзывая нас,
русский дурак нам грамоты пишет:
мол, сдаётесь или — война.

Вместе одолели хана.
Пала на века Казань.
Сто лет московского нахала
нам бы не видеть в глаза.

Горе нам всем! Людоёда
мы на себя навели тогда.
Вот с того дня и — беды.
Вот с того дня и — нужда.

Жить — нет прав, умереть — есть право,
то — единственное из прав...
Эк, куда повернул, и — правда,
и, конечно же, я неправ.

С горя ль играл в час весенний
плохо на одной струне?
Хуже сыграл, чем Есенин —
в отвратительнейшей стране...

1994

* * *

Страшнее нет неволи, заточенья...
Лишение свободы мне всегда
утрату разума напоминает чем-то,
но разум — не свобода, если так.

Без разума — живут, а без свободы —
зачахнут; особенно те творцы,
которые стихийно беззаботны
и гениальны — жертвы, не борцы.

Сотворена — единственна, едина —
поэзия-вселенная, и сын
гармонии ничтожно вязнет в тине.
Он без повадок волка иль лисы.

И потому наивен в мире этом,
беспомощен. Он «не умеет жить».
Есть много средств, чтоб оковать поэта,
унизить его гордость и сломить.

От пут судьбы куда бедняге деться?
И гений чахнет в суетных делах.
Он с пробуждения сознания, с детства
свободен был, а сгинет в кандалах.

1994

* * *

Восторг души моей,
то радостный, то грустный!
Я слушал зачарованно
неотразимо чудный
язык поэзии,
язык твой очарованный,
Поэт! Богами милосердными
дарованный.

О, Пюлех, бог судьбы,
каков мой будет жребий?
О, Провидение!
Опять, опять отребье,
а не цвет наций
перехватит счастье
командовать Россией,
как бывало часто.

«Врывайся в жизнь!» —
нас призывали раньше.
Врывался я,
но чуял, что дурачат.
Довольно долго,
сам того не зная,
не в гуще шёл,
а топал жизни краем.

Чтоб мог сказать,
иметь на это право:

«Отныне я поэт», —
я жизнь свою исправил.
Вслед гению
восславил я свободу,
свободу и любовь,
как гимн, внушал народу.

1994

ПРОГУЛКА

Мы, прогулку нашу продолжая,
вышли на вечернюю зарю.
Я, хоть ты и странная, чужая,
о любви с тобою говорю.

И, пожалуй, сам я тоже странный,
и не менее тебя чужой.
Видел я людей, народы, страны,
но впервые встретился с такой.

Все мы были юны, все кипели:
стыла, глохла страсть, ища приют.
Раньше мне другие речи пели,
а теперь смиренную поют.

Возвышая мысли, открывая
даль, зарницы пляшут на лесах,
а душа такая молодая,
несмотря на иней на висках.

Нам грозит разлука, счастья нету
ни вдали, ни здесь — вот чудеса,
и земной наш путь недолгий в небо
смотрится, уходит в небеса.

Я теперь — поэма без значенья.
Я теперь лишь тлею, не горю,
злые силы чувственных влечений,
канувшие в тихую зарю...

1994, май

* * *

Тонкая такая грань:
жизнь и смерть. Небытие.
Песня, от душевных ран
тягостно в нутре моём.

Все уйдём, уйду и я
в землю, потому как раз
каждая родная пядь
песней вызрела у нас.

«Любим землю!» — смертных сонм
повторяет тысячи лет,
и в неё ложится он,
чтобы в почве стал скелет,

чтобы прах наш, наша пыль
стала облаком в веках.
Горсть за горстью! Стало быть,
стоит жить нам, как-никак.

И любить её, любить!
Песня, в землю я влюблён,
чтоб в веках жить-не тужить,
обретя свой вечный сон...

1994, май

ЛУННЫЕ НОЧИ

О ты, юность, о лунные ночи!
Как мне грустно, как снова луна
в ночь весеннюю, в юность уносит
мою душу, печали полна.

Неужель не всё сгублено, роздано —
сохранилась душа на беду?
Неужель жив ещё и под звёздами
всё имею свою я звезду?

Плачь, душа, но не плачь о минувшем,
запропавшем, как ласковый свет.
Вероятно, все дряхлые души
были дряхлы с тех памятных лет.

Радость, радость, не чувство печали
душу радует, в юность маня,
где вы юным меня повстречали,
соловьём щебеча, привечали,
молодым проводили меня.

Уж не будет цветения ярче
и любви — соловьиной, светлей.
Пусть рыдает душа, пусть поплачет,
о минувшей любви своей.

Знаю я: не задержит над садом
нашей памяти света судьба,
люди отжили, нам ещё маяться —
ждёт конец, нет путей отступать...

1994

КРИКУНЫ

Пустословье кругом, не идёт жизнь нормально,
из каких дыр, щелей прёт всё это, бог весть.
Их всегда много было и будет немало,
и сегодня вокруг крикунов много есть.

Погубили страну, голод, смуту наслали,
не в почёте ни ум, ни защитник, ни труд.
И козёл отпущенья для них — вождь наш Сталин.
Он один врёт, казнит, остальные — не врут.

Помню, в частности, здесь, на Парнасе, кричали,
где и я с краю встал, падал, но устоял,
здесь кричали во сне, и права все качали,
и ушли... стала тишь... Думал я: кончен бал.

Но ошибся. И вот скоро свежие тучи
крикунов появились, как дым, мошкара.
Нет обкома теперь, власть другая... глаз пучат
перед ней... и уйдут, и ушли в аккурат.

Всё одно: целомудренны были, развратны,
труд любили иль палец о палец — ни в жись...
Даже дело не в том, что ушли невозвратно,
дело в том, что, уйдя, ни одни не зажглись.

1994

СНОВИДЕНЬЯ

Я не умер, я просто уснул.
Есть граница меж мраком и светом,
и во сне точно помню об этом.
И во сне — мыслей полный разгул,

чувств полночных удар и игра...
Обнимаясь с тобой, молодой,
ни убежища я, ни покоя
не имею во сне до утра.

Чур меня! Лихоманный озноб,
бред полночный, небесная кара!
Тянет сладким, смертельным угаром —
провалился на месте я чтоб.

Лезет, вертится разная гнусь —
самолюбье, обида, проклятье.
И ничто не поможет, о братья,
мне, пока не очнусь, не проснусь.

В моё сердце, свернувшись змеёй,
поселилась любовь роковая.
Обнаружилась связь вековая
меж тобою, усопшей, и мной.

Обнаружилась кровная связь.
Задрожала слеза на реснице.
До сих пор и во снах мне не спится —
вот какая живучая страсть.

1994

ВЕРЬ...

Жизнь нашу корёжа,
совсем уничтожит
судьба! Я о том
скажу вам с трудом.
Не верится даже,
что я умру тоже,
что все мы уйдём,
навек отойдём.

И нет утешенья:
бог отнял движенье —
ты замер, в ушах
сны смерти шуршат;
не жди одолженья.
Но верь в продолженье,
живя не спеша,
ты тайно, душа...

1994

* * *

Здравствуйте: я — ваша тётя!
Коренные русаки,
от кого чего вы ждёте,
в города бежите — стойте,
скакуны и рысаки!

На селе кто будет строить,
кто — пахать, кто — сеять, жать?
В гневе рот кривить не стоит,
это дело не простое —
хлеб! И нечего бежать.

Сельский житель двух губерний
(Нижний Новгород, Симбирск)
на чувашей смотрит, бедный,
как на слуг своих зловердных,
сам же — не проворен-быстр.

Старички тут и старухи
доживают дни свои.
Потому — застой, разруха,
гниль, совсем уж пали духом.
Бог им счастья не сулит.

Раньше помогли норманны.
Как теперь век коротать?
Господа, эт ненормально:
Саши, Фёклы, Вани, Анны,
пьёте много в городах.

Пейте — дело разумеите.
И зачем так много пить?
Головы свои имейте,
на варягов не надейтесь,
хватит нить вам, надо жить!

1994

СТАРИК

Я не видел тебя,
я не помню, когда тебя видел.
Промелькнули, как сны, —
и ушли в вечность юности дни.
Заявлялась когда,
где и с кем, почему, в каком виде?
Я не видел тебя,
я не помню, когда тебя видел,
если видел —
от встречи повторной, Христос, сохрани!

Не мечтал ни о ком,
я не помню, когда и мечтал я.
Я состарился, друг,
своё сделали дело года.
Утомлённое чувство
остыло совсем — силы тают.
Не мечтал ни о ком,
я не помню, когда и мечтал я,
мнится, что —
никогда...

1994

* * *

Время новое коммунизм снесло.
Пакость новая зародилась тут же:
спекуляция, как вселенское зло,
стала шире в стране и глубже.

Грабят — идёт тотальный грабёж.
Подлому дана свобода
рыться в стане бывших рабов
так называемого народа.

Будет ли когда голодному кус?
В скором будущем, мнится, не будет.
Губится в трюме драгоценнейший груз —
гибнут, тонут рабочие люди.

Гений стонет: о боже, бог,
страшно твоё испытанье,
как ни смотрел, рассмотреть не смог,
что впереди?! И никто не знает.

Люди многие впали в беду —
всюду пьяниц и бомжей отряды.
Всё равно я в кабак не пойду,
оппонентов моих не обрадую.

Где, я спрашиваю, свет и земля?
Где нас носит, о мать-Россия?
Я не сойду с моего корабля —
с нами бог, небесная сила...

1994

СОЛЖЕНИЦЫН

Ушёл ушедший и пришёл пришедший...
А Он был выдворен, не уходил.
Ох и артачились в Кремле вожди —
как нынешние, так и те, прошедшие.

«Солжец и власовец литературный,
он — отщепенец; попросту же — враг», —
нам в уши выли, ну а мы-то, дурни,
чуть было не поверили херам.

Но что-то тайное внутри шепнуло
нам о пути, который — в никуда
иль — в жуть, которая толкнёт нас в даль —
во времена Нерона, Калигулы.

Семь лет светило мне — тюрьма, решётка —
за то, что перевёл Его стихи.
Я действовал решительно и чётко
среди веяний тех лет, среди стихий.

А нужно бы — решительней и чётче,
как Он. Он изгнан был, не уходил.
В Кремле теперь — цыгане, не вожди...
Ушёл ушедший и пришёл пришедший.

1994, июнь

УКОР

Брось разглагольствовать о трёхсотлетнем иге,
ты, пьющая вот уже тыщу лет
все соки наши, нашу кровь, — как книги,
так и газеты твои врут, в них правды нет.

Ты будто смотришь кроткими глазами
сквозь многовековой могильный тлен
из глубины своих земных сказаний
и неземных мотивов и легенд.

Ты говоришь, что были грозы, были беды,
что пёрли басурманы, за ордой орда.
И что в сожжённые кровавые рассветы,
как в бездну, плыли сёла, города.

Все смертны мы, покорствуем все року.
Благослови нас бог и — наша мать:
большую эту скорбную дорогу
нам выпало всем вместе испытать.

И лик икон твоих задумчивых, печальных,
душой воспринимая, расплескать боюсь,
над всеми инородцами начальница —
московская безжалостная Русь!

1994

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

Вновь дьявол в кураже; я знаю,
его ты в силах одолеть,
о Чăвашьен, страна родная, —
ты есть, была и будешь впредь.

Сыны и дочери — здоровье
твоё и дух твой — так сильны,
моя чувашская сторонка,
что вновь из праха встанем мы.

Враг лжёт, возможности сужая:
привержен жизни твой простор,
моя республика; в державе
будь равноправна средь сестёр.

Нам поднимать тебя трудами
тревоги нашей и любви;
пускай, страдалица родная,
они живут в твоей нови.

В ком сердца нет иль сердце — камень,
бежит за долей в край чужой,
а для меня, дышу покамест,
она — в Чувашии родной!

1994

К СВОБОДЕ

Твой свет приняв, познал я силы сладость,
но радоваться этому не мог;
ведь сильных мощь — она ещё и слабость,
могущественный чаще одинок.

И в силе той тревожно и недужно
я столь успокоенью буду чужд,
покамест сам, свою очистив душу,
свеченьем собственным не засвечусь.

Немыслимо расти и подниматься
вне света твоего любой судьбе.
Душе повелевая не сдаваться,
сильнее ты, чем кажешься себе.

Я слит с тобой надеждами благими
и, если мне признание суждено,
то лишь — когда твоё возвышу имя,
всем показав, сколь солнечно оно.

Свобода! Скольким же ты неизвестна!
С сомненьями к тебе не стану лезть:
любовь к тебе моей считая честью,
боюсь, что вдруг тебе она не в честь...

1994

В ДЕРЕВНЕ

На луну опять не наглядеться!
Снова крыши, словно крыши детства —
лунное, холодное стекло...
Спит село.

Звёздные лучи — как бы волокна.
Тени изб вырастают в тишину.
Свет погас давно. Чернеют окна.
До утра, наверно, не усну.

Игрища недавно отзвучали.
В роще свищет соловей опять,
словно парню, не давая спать,
тронув струны медленной печали.

Не гони, ну дай же передышку!
Клясть кого мне — бога, сатану, —
жизнь? Давно ли в детстве нам штанишки
мать латала? Что теперь? Тону...

Отжил. Не воскреснуть в песне, в строчке.
Ах, безумец! Вон чего хочу...
Скорбная моя, зайди в платочке,
мама, умер я, зажги свечу.

1994

ЗАКАТ НАД ЛЕСОМ

Кровавый закат, как огромная птица,
витает над лесом, дню гибель неся.
День умер, но завтра он снова родится,
а мы вот умрём — нам воскреснуть нельзя.

Хоть тонко хихикни, хоть рыкни свирепо,
хоть лъсти неизменно, хоть рьяно злословь —
окончится путь наш... Багрянится небо.
К душе прикоснулась закатная кровь.

Мой жизненный путь, да ведь разве скакун ты?
Помедли чуть-чуть... задержись... погоди...
Не медлит, не ждёт, не даёт ни секунды,
и сердцу не долго работать в груди...

Дрожишь ты дрожмя, о душа. Моя воля
не может теперь за себя постоять.
Неведомый страх, не знакомый дотоле,
тебя обуял, и дрожишь, не таясь.

...Меня предавали не раз, но любовью
покуда наполнена вечно душа,
к друзьям неподкупным дорогой любой
приду я — всегда будет слышен мой шаг.

1994

НОЧНЫЕ КОНИ

По поднебесью кони летят.
И гривы о спины бьются.
Луна проплывает — ладья, —
кольшется небо люто.

Просторы неясны; скалы
уснули — темно и тихо.
Подумалось: когда ж скакал я
вот так же быстро и лихо?

(Не надо никаких слов искать,
и брось изнывать-горевать,
ах, чёрная моя головушка,
не светлая голова).

И небо — океан бездонный —
не скажет тебе об этом.
Эх, кони как мчатся, кони!
И я — в восторге, бедный.

Косматые раскинув гривы
в полнеба, океан переплыли.
Горбясь друг за другом, живо,
стремительно на восходе скрылись...

(А где оно — путное слово-то?
Ты брось изнывать-горевать,
ах, чёрная моя головушка,
пресветлая голова.)

1994

* * *

Ясно: это весна. Свет и тени. Хорошее
время года. Тепло и капель. Тишина.
Скоро вдруг — ветер с юга, грачи и всё прочее,
и — метель. Словом, ранняя это весна.

Этот лес... Этот луч, проникающий всюду,
убыванье снегов, прибавление дня.
Погляди! Как похоже всё это на чудо,
как всё это роднит с божьим миром меня!

Я уверен, весна доброй феей мне будет,
будет дружной весна, станет радость дарить.
Я спокоен, я жил без предательств и блуда,
дар свой свято хранил и дружить, и любить.

Вот уже вся в цвету, вся сияет... Природа,
как и ты, мы блистаем, цветём и поём.
О весна, как и ты, к людям юность приходит
и уходит, с судьбой оставляя вдвоём.

Что с того? Пусть слезливая хмурая осень
и тревоги, и беды к нам вновь принесла:
будет снова весна, будут тысячи вёсен
на земле. И ещё, и ещё — без числа...

1994

* * *

Я приветствую день, наступивший победно;
день осенний на миг показался весной.

Я не знаю, о если бы знать мне об этом,
что же будет, что будет с тобой и со мной?

Да, грешил я, соблазн обходить трудно было,
что скрывать, и тебе приходилось грешить.

Не тебя я любил, не меня ты любила,
и нам вряд ли возможно друг друга любить.

И не требуй, святая, иных размышлений,
не гадай при цветении неба и дня
ты о нас, представительница поколений, —
не отметил нас бог: ни тебя, ни меня.

Ты не веришь. Ты ловишь меня в пессимизме,
мыслью глупой, мол, порчу живые мечты,
ничегошеньки не понимаю, мол, в жизни,
мол, и даже себя я не понял почти.

Не боюсь, всё приемлемо, что ж тут такого,
будь то светлый простор, будь то чёрная мгла.
Что же будет? Вопрос не совсем пустяковый.
Ты не думай, в себя ты влюбить не смогла...

1994

* * *

Что будет со мною?
Как взглянешь, весьма тупиково
покажется это,
за этим лишь чёрный провал,
но смысл оставаться
на этой земле бестолковой
всё ж есть, и скитаться,
плутая, на птичьих правах.

Бывало похуже,
а я выбирался, не падал.
Бывало такое,
чего и придумать нельзя.
Прошёл через всё я,
увидел все прелести ада,
скользил, спотыкался,
по лезвию бритвы идя.

Что будет со мною?
Вы знаете, боги, скажите:
случится, наверно,
такая большая беда?
Свет тускло мерцает,
предвечный, в моей тусклой жизни.
Не вспыхнет он боле,
покинет меня навсегда.

1994

* * *

Рассвета синь. Синичка. Я тронут до слёз
её приветствием в преддверьи дня.
Я жду этот день, но странный вопрос,
проклятый, насущный, сжигает меня.

Что нас ожидает? Что будет с нами?
Неужто сотрут нас с лица земли?
Свобода должна была быть наше знамя,
но нет его — давно растоптали, сожгли.

Есть тень его, мишура, подобье.
Чуваш, ты не рыпайся и не плачь,
вот флаг тебе, на, играй на здоровье,
вот герб даже, радуйся, а вот калач —

с полынью, правда, с лебедой, горько,
но ты доволен будь, шалить — ни-ни,
а то Ичкерией запахнет — громко
бабахнем из Москвы, и вмиг почернеют дни.

Не требуй ничего, кроме тяжкого вздоха,
животворящего, как живая вода,
считай убеждённо: всё идёт не так уж плохо,
в ярме, в кандалах, случается, — не беда.

Ты жди: будет день, мы ведь тоже стареем,
подохнем и мы — палачи, но ты нас жалеи,
добром поминай, ни о чём всерьёз не жалея,
и не проклинай, зла в душе не имей...

1994

* * *

Летят снежинки с неба — лепестки...
Смеётся в комнате тихонько фортепьяно.
Стучат часы размеренно и рьяно,
неумолим тот счёт и давит на виски.
Он жизнь мою берёт на свой учёт, —
жестокый механизм, усталости не зная.
И время, как песок сквозь пальцы, протечёт,
а пальцы вальс Чайковского играют.

Начало есть и есть конец пути
у нас у всех, всё завершится прахом.
И, кто оплакан, кто и не оплакан, —
уйдём туда, откуда не прийти.
Я, видит бог, изведал всё и вся
и прожил жизнь, пожалуй, не напрасно.
Познав и радости, и боли бытия,
высоко утверждаю: жизнь прекрасна!

Узнал иль не узнал я многих тайн?
Узнал, но не настолько; вот узнал я,
что переплыть любовь — всей жизни мало,
воистину, она — безбрежный океан.
Пусть мнится мне, на том себя ловлю,
что вышел весь, лишь повторяюсь снова,
но, непутёвый, всё ещё люблю,
хоть это вовсе для души не ново.

1994

* * *

Всё в жизни бывает;
то гибельно, что ложно:
в коммунистическом крае
другое невозможно.

На красный цвет по-бычьи
глядим, насупясь,
сменив обличье —
демократы-суки.

Смысл здравый в загоне,
раз стал ты демократом.
Ты — вор в законе.
Ты — сплошь и рядом.

Посыпались с выси
дожди реформовы.
Кто здраво мыслит,
тот сгинь в Лефортово.

Цвет белый прославляя,
бред жалкий перевозогаем;
цвет красный отвергая,
народ свой добиваем...

1994

* * *

Я будто тону. В чём же дело?
У бездны стою на краю
и, чувствуя мощь во всём теле,
всё ж чувствую гибель свою.

С распахнутой настежь душою
судьбе доверялся легко.
Несчастье случалось большое,
и скорбь тут, и слёзы рекой,

я мог, тем не менее, стойко
всю тяжесть утрат перенести...
К себе относились мы строго,
мы знали и совесть, и честь.

Мы из положенья любого
умели всегда выходить.
И ненависть мы, и любовь мы
любили — любили мы жизнь.

... Судьба ничего не сказала,
со мной завершив разговор.
И только глазами, глазами
свой вынесла мне приговор.

1994

* * *

Мой голос, о тебе тоскуя,
грядущий новый Сеспель, тих.
Талант большой — он строго с нас взыскует,
заметит, может, всё ж мой слабый стих.

В бесчисленных мирах витает гений,
для духа свет наш белый — не предел.
Но я не лучший был из поколенья —
достичь высот и скромных не сумел.

Неужто и миры, миры тесны им —
взыскующим и мысли, и душе?
Вмерзают в лёд цветы моей весны, и...
и не горит, а тлеет жизнь уже.

Не я ль кричал всегда, что сын гармоний
не кто иной, а я, я, я!..
Теперь же из каких, скажи, агоний
звук извлечёшь единый, жизнь моя?

Уйду я скоро; уходя, тоскую;
и, чтобы как бы для живых свеча,
мой голос, замереть рискуя,
среди ночи тихо прозвучал...

1994

* * *

Вам — дань, мятежные умы,
и уваженья, и любви,
пока горит в моей крови
огонь свободы и сумы.

Я — нищий! Только — не душой.
Уж извини ты, нувориш,
я честный малый, не вор, вишь,
и, говорят, поэт большой.

Но скажет истинен иль нет
творец — не кто-нибудь, а бог,
и бог тот — время и народ.
И время, время всех сильней!

Идёт, идёт оно, бежит,
вокруг стоит стоймя содом,
и вся Россия, и мой дом —
заклятый, тягостный режим.

Навязчив ночью он и днём.
И в этом нет вины на мне.
Об этом вам и всей стране
кричу не мстительным умом.

1994

* * *

О, как зловещ стук часов среди ночи,
как ненавистен времени бег!
Жаль мне себя, затуманились очи;
жалко и вас в храме светлых небес.

Рок, говорим мы, о братья и сёстры!
Это — судьба и положенный срок.
Меч, говорим мы, над жизнями острый.
Это — нас всех ожидающий гроб.

Не злопыхатель, не мшу, не пугаю,
сам, задыхаясь средь лжи и тревог,
дошлых не жалею, злых попугаев, —
но отмолчаться, простите, не смог.

Жизнь такова, перекося невозможен,
точно рассчитано всё тут всегда.
Плачьте, рыдайте — никто не поможет,
полный абсурд — обсуждать, заседать.

Мир, странный мир в дух покой не вселяет.
Видимо, создан он не для меня.
Трачу я сердце, всего я себя и...
жизнь, чтоб понять этот мир и принять.

Но как поймёшь и как примешь? Задача
сложно-сверхтрудная в наш подлый век.
Воры и б...ди о счастье судачат,
мне безразличны их радость и бег...

1995, январь

* * *

Люди лживы. Лживо большинство.
Хоть обидно это, но скажу я,
что любой прямых, хороших слов
не находит, кроме лживых, — жутко.

Врёт, и беззастенчиво так врёт,
вид такой имеет, что мне стыдно
за него и за весь мой народ,
боже... Мозг немеет, сердце стынет.

Перемелется? Исчезнет ложь,
угнездившаяся в блудных душах?
Никогда! И впредь бесстыдно, сплошь
будет врать любой и каждый, — ужас!

Дескать, кто, скажите, доказал,
что есть истина? Какая тётя?..
Что дозволено нам и нельзя?
Чудаки! Ответа не найдёте.

Всё дозволено. Обман и лесть,
глупость вздорная, цинизм и драка.
Всё дозволено. И только здесь,
здесь зарыта истины собака.

1995, январь

* * *

Всё гибнет. Атмосфера удушает.
Пожалуй, прожил я своё, всё кончилось.
Обманывать не надо, утешая,
себя, что всё, мол, впереди. Всё кончилось.

И кончилось давно, а не сегодня.
Путь к пропасти продолжился недолго.
Путь к пропасти — не светлый, не свободный.
Он — пройденный напрасно и без толку.

Народ трудился, воевал бесстрашно,
назвать бессмысленным всё то — непросто:
ах, сколько сил, ах, сколько сил растрчено!
И сколько слёз, и сколько крови пролито!

Стал задыхаться, сам собою тухнет...
Стой, погоди! Народы, погодите!
В российской сатанинской этой кухне
преступно оставаться дальше, дико.

Удушит всех в имперской атмосфере,
направливая друг на друга, дьявол.
Угасла, умерла к России вера —
всё кончилось... Определённо... Явно...

1995, январь

* * *

В мои лета сказать, что мир,
как сфинкс, загадочен, — смешно.
Меня он мучил и томил —
бывал и красочен, и мил,
но, в основном, был фарс сплошной.

Он циник, лицемер и лжец.
Неужто сразу не поймёшь,
неужто университет
кончать всем надо? И вообще,
для мира человек есть вошь.

Ничтожной твари торжество
есть вседозволенность всегда.
И где у мира произвол,
где истина, где божество
не видеть — грех в мои года.

А как увидишь, большой грех
берёшь на душу — драки, месть
кипят в кровавой той игре,
рекомой жизнью; винегрет
из мерзостей бал правит здесь.

И в нашем бытии, в ответ,
пропала суть в какой-то миг,
исчез и сумеречный свет —
нам мнится: жизни больше нет,
лишь есть бессветный, мёртвый мир.

1995, январь

* * *

Знаю, был мой первый день,
будет и последний, друг.
Я к тому, что уходить
жалко, страшно станет вдруг.

Стоило ль родиться нам
иль не стоило на свет?
«Стоило, мой дорогой», —
с грустью говорю в ответ.

Кто напрасно жил? Никто.
Жил и ты — не для души,
так для тела... Ну и пусть...
Словом, всё-таки ты жил.

Перед тем издохнуть как,
позабудь же всякий вздор
и, собрав остатки сил,
ясным сделай мутный взор.

Книгу жизни перечти,
погрусти и поболей.
Подведя под всем черту,
ни о чём не пожалей.

Было всё нормально, друг,
правильно, и, друг, за всё,
жизнью расплатившись, я
точный получу расчёт...

1995, январь

* * *

О дар священный, высший дар
и ненавидеть, и любить!
Я стал, наверно, очень стар,
устал, наверно, жить.

И дряхлым существам сродни,
в любой игре — плохой игрок,
меня уж не волнуют дни,
и ночи мне не впрок.

Не враг мужьям я никакой,
не соблазнитель юных жён,
я на себя махнул рукой,
я тихо в тень ушёл.

Не трогаю и юных дев,
со старой девой не в связи,
не появляюсь я нигде,
дела мои не на мази.

Дела мои... плохи дела...
ну просто — швах, сказал бы я,
меня, наверно, подвела
доверчивость моя.

Нет чувств во мне, как жизни нет;
и мыслей нету ни черта;
образовались в глубине
и брешь, и пустота.

Кончайся, время, не тянись,
тобой я заплатить готов
за унижительный в тени
живительный глоток...

1995, январь

МЛАДШИЙ БРАТ

Шутка

Младший брат, Иван Егоров,
отрицает, что — талант.
Ясно всё ж без разговоров:
прапор — я, он — лейтенант.

В прозе тоже лейтенантом
побыл, ныне — генерал.
Ниже — я, он — выше рангом.
Стой-подвинься, рад не рад.

Сын растёт. Егоров Павел.
Не ущербна жизнь, полна:
вот плывёт супруга павой —
Лидия Филипповна.

А у старшего — пустынно:
ни жены и ни детей.
Всё у стихотворца стыло,
всё не так, как у людей.

Кто у господ в фаворе,
перебрал по всем статьям?
Младший брат, Иван Егоров.
Старший же — я это сам...

1995, январь

ИСТИНА

Иду дорогою свободной...
Куда влечёт свободный ум
меня? Туда, где старомодно
сияет свет высоких дум;
где — муки, беды; где откроет
лицо своё не дева, нет,
а истина святая, кою
всю жизнь отыскивал поэт;
где ждёт меня очарованье
поэзией; где — красота:
моё высокое призванье,
моих горений высота!

1995, май

КРАСОТЕ

Речь о Тебе, не о красе весенней...
Ты, Красота, не выше мира и страстей,
ты не любовь, а ненависть среди людей —
не радость, не добро, не свет и не веселье;
твои глубины, пропасти есть (суть)
твои страдания, разорванность и гибель —
трагизм твой вечный, Красота! Их видел
и знал я, жил и мучился — несут
они сынам гармонии одни несчастья,
а в повседневности — тоску, унынье, грусть;
на медленном огне держа нас, суд ужасный
вершит над нами бог, неправый суд...

1995, май

ТАЙНА-МУЗЫКА

В сумерках в обнимку с тайной на закат
иду я.

Нежно и тревожно чувство — музыка
флиртует.

Не досужих фраз скучнейших скукота,
а диво
убаюкивает сердце, и всегда —
правдиво.

Льётся и плывёт мелодия везде —
врачует.
Где-то здесь прозренья тайны, где-то здесь,
я чую.

Не с душой ли мира сходится душа
в просторах
одиночества ночного не спеша —
вот здорово!

... Озаренье озарило на заре
вечерней
да растаяло в ночи ли — не узреть
в тьме чёрной.

1995

НАВЕРХУ...

Завыли стаи мук,
не думая стихать.
Зачем и почему?
Какой мне прок в стихах?

Я вижу: жизни нет,
есть шутка и тщета.
И ясно мне вдвойне:
бог — жулик и чудака.

Не верю, не люблю...
В пути, быть может, я
боль, горе утоплю
в усладе забытья.

Забудусь, побреду
к туманным берегам,
оставив муки дум
и страсти дуракам.

Прощай, клубок идей!
Узнаю скоро, в срок,
какой слепой удел
мне уготовил рок.

Обрѣк я сам себя
на сумрак и беду.
За мной следят, следят,
а я бреду, бреду...

1995

БЕСЫ

Стоит ли отчаиваться, друг?
Все такие же, как мы, вокруг
люди копошатся, люди-твари.
Все друг друга ненавидят, жрут,
никого никто не переварит.

Тонкости? До тонкостей ли тут!
Быть бы живу, не до жиру, ждут
до единого небесной манны,
но — не с неба; караваны прут
отовсюду... непонятно... странно...

Но отчаиваться не спеши,
будет время — и такая жизнь
в норму как войдёт, взовьются бесы,
на Руси наступит смерть души.
Вот тогда отчаивайся, бейся.

Дух умрёт. Какое вещество —
всё земное наше существо?
Я не знаю, и никто не знает.
Не останется-то ничего.
Тело — прах; прах духом не бывает...

1995

* * *

Предчувствую скорую гибель.
Все этого хотят, я — тоже.
Уж лучше — от вражеской руки бы,
чем от своей иль дружеской... о боже...

Слова забыты, сказанные все.
Забыты — и прекрасно, славно.
Слепая бессловесность мне рисует
исхода близкий час прощальный.

Живой пока я вроде, а не нужно
уж ничегошеньки; богатств-сокровищ —
тем паче; славы, денег; зла, недужна
судьба; и путь весьма суров, вишь,

и безнадёжен... Грусть. Тоска. Молчанье.
И одиночество бескрайнее... Свет мёртвый...
Нелепа, ах, простите, песнь прощанья,
нелеп и сам я — несусветный.

И потому о самом сокровенном,
когда всё позади, молчанье — в силе:
я жизнь любил и вас в сём мире бренном,
а вы... вы не любили, не любили.

1995

МИГ

Последний миг,
прощальный миг,
нутро мне жжёт,
гнетёт, томит.

Не жду его,
а он грядёт.
И я дрожу
как идиот.

Вот — миг, другой
пришли, ушли.
И тот уже —
не так вдали.

Мне руки жжёт —
гнетёт, ах гнусь,
хоть я за ним
и не тянусь.

Но близок час
и близок миг —
нутро мне жжёт,
гнетёт, томит...

1995

СМЕРТЬ

Как прощанье, хуже, чем прощанье,
хуже даже, чем души молчанье
в горе, в бедах, в страшной катастрофе
дум и чаяний народных, в тщанье
сделать подлинней земные сроки
пребыванья; хуже, чем забвенье, — с м е р т ь нам;
не физическая, а духовная; и — смертный —
прав я иль не прав? Уничтоженье
полное и подлое, уничтоженье
рода человеческого это! Ад крошечный!

Как прощанье, хуже, чем прощанье,
хуже даже, чем души молчанье
в горе, в бедах, в бытие убогом,
наяву или во сне глубоком —
то явленье; случай чрезвычайный;
я сравню его... со смертью бога.
Но без нас и бога нет на свете —
нет его вне нас, о люди, люди,
есть он — в нас; он с нами — абсолютен;
он за нас, мы за него в ответе...

1995

БЕЗ ЛЮБВИ

Вся горечь, вся сладость,
весь сумрак заворожённый
любви — всё в прошлом.
Со мной теперь не сладить
ни ангелу, ни чёрту
в их круге пошлом.

А что есть заблужденье?
Не скажут то конкретно
ни ангел и ни чёрт.
Наверно, и сужденья
мои стары об этом?
И стих мой — ни о чём.

Жить умно — дело чести.
За жизни за дверями
живой не будешь.
И ангелы, и черти —
все будем в яме
ничейных чудищ...

1995

ТЕНИ

Теней рисую пред собой —
незримо измеренье.
В глазах — огонь и мрак ночной,
но зряч я, тем не менее.

Я вижу тень свою — себя, —
хоть и совсем не вижу.
А, может, вовсе я — не я?
И тень — всего превыше?

И жизнь моя — не жизнь, догадка?
Зачем над нею биться?
Ах, до чего противно, гадко...
Неужто я — убийца?

Неужто в трупы превращу
прекрасные виденья,
когда вас, тени, воплощу
в слова, в стихотворенья?

Один лишь я и слышу вас,
нормальные — не слышат.
Над тенью я имею власть,
а над собой — не слишком...

1995

ЕДУ...

Вдали чернеет небо...
И пространство,
и время улетают,
будто птицы.

Я слышу чей-то голос,
а не свой ли;
и вижу там кого-то,
не себя ли.

Страдая, отвергаюсь;
ах, горда же —
отверженность; страданье —
неизбывно.

Не полон, не насыщен;
словно бочка
пустая, еду громко —
вхолостую.

И всё равно мне: кто я
и откуда,
когда живу, зачем — и
жив ли, мёртвый...

1995

* * *

Пусть нету счастья на земле,
пусть счастья нету,
я эту жизнь и землю эту
не разлюблю на склоне лет.

Боюсь, рискованно сказать за всех,
поймут ли склонные к императиву:
мне одинаково противны
и жалкий плач, и бодрый смех.

Боюсь, в растерзанной стране
порыв любой подвох имеет —
кровь стынет, чувство спит, язык немеет;
и ясно видно: счастья нет.

Пусть счастья нету у земли,
пусть счастья нету,
но эту жизнь и землю эту
всё ж нужно, чтоб мы берегли.

Мы помним это с детских лет,
борясь с судьбой, с судьбой враждуя;
и от судьбы даров не жду я,
коль нету счастья на земле...

1995

СКАКУН МОЕЙ СУДЬБЫ

Моей судьбы скакун осиротелый
устало ржёт на грани бытия.
«Не рвись, не вырваться нам за пределы», —
я говорю ему, а может быть, не я.

Ровесники — друзья и одноклассники —
уж многие давно — в земле сырой.
Один лишь я, своей стрелой-походкой
мир раздражая, прячу жребий свой.

Но здесь он, здесь — удастся ли запрятать...
Грядёт пора, наступит день и час,
и я приду и лягу где-то рядом,
вблизи, о братья, с кем-нибудь из вас.

Моей судьбы скакун вот мчится снова,
и я пою всё жарче о былом.
Я попрошу мне преданное слово
согреть, родные, вас своим теплом.

Я помню вас, всегда вас помнить буду,
пока я тут и бьётся жизнь моя.
Скакун моей судьбы, на крыльях будто,
вас догоняет, встретьте, это — я.

Вам легче стало у земли в объятьях
чуть-чуть или нет — в той мрачной глубине?
Ах, как узнать, кто на земле из братьев
хоть изредка да вспомнит обо мне...

1995

* * *

Уходит жизнь.
Ах, жизнь, не уходи.
Есть много горя
у меня в груди.

Есть много дум
в мятежной голове.
Несёт нам гибель
наша круговерть.

Об этом вам
хочу я прокричать,
но на устах —
безмолвия печать.

Нам, видно, песню
до конца не спеть —
я чую, где-то
близко бродит смерть.

Уходит жизнь.
Стой, жизнь, не уходи!
Есть много дел
у братьев впереди.

Мы — гости здесь.
Жизнь — караван-сарай.
Брат, брата не губи,
не убивай.

И без того
так короток и мал
земной наш срок —
наш путь и наш привал.

Идём все к богу,
мы всегда в пути.
Уходит жизнь.
Ах, жизнь, не уходи...

1995

* * *

Себе я выдумал жизнь.
Я выдумал любовь.
И жить по ним решил —
Спартак среди рабов.

Спартак иль Дон Кихот
среди умных дураков?
Я выдумал и вот
живу... со мной — любовь.

Но долго ль жил иль нет,
все умники подряд:
«Той жизни в той стране
ведь нету, — говорят. —

Ты выдумал ту жизнь,
ты выдумал любовь,
прожить по ним решил —
дурак среди дураков».

Я выдумал жизнь себе,
я выдумал любовь,
а не велосипед —
Спартак среди рабов...

1995

ОСЕНЬЮ...

Лист летит и ветры дуют, дуют.
Осень... Ох, как быстро дни бегут.
Если так и дальше проведу я
дни свои, стихам моим — капут.

Ничего не понял, не распутал,
не прочувствовал и не познал...
Я не радовался свету путно,
с тьмой греховной связи не порвал.

Бестолково жил, а жил ли, жил ли?
Спал, наверное... Не помню я...
Вихрь какой-то, пыль мешали сильно,
не проснулся, сон — вся жизнь моя.

О мечте, о бытии прекрасном
вирши плёл когда-то вам, простым.
Всё, что было, — сон и миг напрасный.
Как и сам, слова мои пусты.

Под конец всё ж, что-то вспомнить силюсь
из всего того, шепчу листве:
счастлив тем, что был, что мне приснилась
эта жизнь и этот белый свет...

1995

* * *

Не спеши ставить крест,
проклинать не спеши —
то, что видели мы, —
это рай, а не жизнь.

Но рай продали тот,
до сих пор продают.
Ты запомни, мы жили
с тобой в том раю.

Не спеши продавать,
предавать не спеши:
то, что видим сейчас, —
это ад, а не жизнь.

Разжирев, население,
нет, не народ,
предаётся безделью
и пьянству, урод.

Бога напрочь забыв,
разлагая мораль,
умирает духовно,
свирепствует — мразь.

Тонет в блуде и грабит,
идёт на разбой,
сверху донизу, весь,
загнивает, ой-ой...

«Воли нет, масла нет,
пропадаем, ах-ах!», —
спешно думают все,
озверев, впопыхах.

Всё равно не спеши,
не спеши ставить крест
и на нынешней жизни,
на этом витке.

Ты послушай, о чём
ветры буйно шумят:
то, что будет, — не ад,
будет хуже, чем ад...

1995

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Торг идёт! С молотка продают!
Предают и идею, и друга.
Под пятой супостата-ублюдка
стонет запад, восток, север, юг —
стонет Русь! И не только, не только:
сто народов и наций, земель
стонут вместе и стонут без толку,
с толком стонет один Сениэль.

Ах, поэты... ах, славный народ,
вы — душа, вы — надежда и совесть,
вы — пророки, оракулы то есть,
всё вы видите наперёд.
Потому — передушат, будь спок,
без душ и оно как-то спокойней.
Поздравляю, грядущий покойник!
Загрустил? Не грусти, с нами Бог.

Распродали и совесть, и душу,
все богатства российской земли.
Честь и славу на нет свели.
Кучка бесов всех скоро задушит.
Ненавистны мне в проданном крае
бесов мир, каждый прожитый миг.
Обвиняю жульё, проклиная
перед Богом и перед людьми!

1995

ИНТИМНОЕ

Нет, поэтесса Асиар Ипрас,
не онанист я и не педераст.
Воздерживаясь долго, голодая,
я всё же на любую не кидаюсь.

Не суки вы, а мы не кобели,
хотя кое-кого из вас е...ли
не хуже жеребцов в Москве шуты
да и в Уфе, Казани — знаешь ты.

Ты зря злословишь: я не импотент.
Неужто подзабыла, ведь патент
имею от тебя, сама в восторге
изобретением моим была в итоге?!

Ах, годы, годы... Милая подруга,
чего ж обиделась ты вдруг, а?
Я и сейчас, хоть мне за пятьдесят,
смогу тебя не раз до дна достать.

Приди, я докажу, я сохранил
себя неплохо, не курил, не пил,
гимнастику любил и — бег, ходьбу,
и посему благодарю судьбу

за то, что женский пол пока мне люб, —
люблю и уважаю вас, не груб,
а ласков, как и прежде, без прикрас,
о поэтесса Асиар Ипрас!

1995

МГНОВЕНЬЯ ЭТИ...

В мгновенья эти свет печален...
Я слышу в лунном серебре
весенних грёз привет прощальный,
любовь я слышу, как рефрен.

И первый поцелуй, и первый
разрыв — среди грусти и измен.
И жизнь без света, жизнь без веры
любви и радости взамен.

Любовь — обман, отравы то есть.
Ужель не видишь: смерть — не жизнь.
Не молод уж, а стар, опомнись!
За дымом чувств ты не гонись!

Легко сказать «не жизнь», однако,
вновь предо мною — миражи:
сияет лунная соната,
любовь сияет, ворожит.

Легко сказать «любовь — отравы»,
вовсю ругать, шерстить меня.
Не молод я, а стар, вы правы,
но как мне быть, что предпринять?

Не гаснет свет — привет прощальный.
Не сходит пыл, как ни хочу.
В мгновенья эти — свет печален.
И я молчу, и я молчу...

1995

ГЛУПЫЕ СТИХИ

В ночах бессонных Шубашкара
(а он есть стольный град чуваш):
«Ужасная постигнет кара
нас», — говорю я, сверстник ваш.

А многих уж давно постигла,
вы мерин сивый уж давно
и в жизни, и в стихах, хоть тигром,
хоть львом рычите — всё равно.

Гляжу бессмысленно, безвольно.
А за окном, а за окном
печальный тёмный мир и... поле —
объятые тревожным сном.

Бывает ли странней мгновенье,
бывает ли глупей момент:
таких нелепых откровений
ни у кого, наверно, нет?!

В ночах ужасных Шубашкара
(не оттого, что град чуваш),
всех, всех (из вас любого) кара
подстережёт — прихлопнет вас.

... Что ж не подумал о рассвете?
Что ж не подумал об ином?
Что ж я подумал о рассвете
мужчины в мягком бабьем свете?
Не оттого ль, что одинок?

1995

ДАЛЬ

Нет, не вняла ты чувству моему!
Прошла холодной тенью. Почему?
Подумала, наверно: пропаду я —
затопчут, заключают и замордуют.

Когда в беду внезапно попадал,
тебя одну лишь мысленно я звал
на помощь: ты не шла, ты не хотела,
боясь молвы, иметь со мною дела.

Проходят, забываясь, дни, года,
но дальнюю мы проложили даль:
сребрится голова, а сердце, сердце
всё помнит и всё плачет — вдаль несётся.

1995

* * *

Хоть и слаб, хоть и мытарь,
хоть лишенья одни впереди,
нет, не сбить вам меня и не выпить
кровь мою, преградив все пути.

Пусть умру прежде времени,
пусть не вспомнят, забудут меня,
но я был не без роду и племени
и не жил без борьбы ни дня...

1995

МАДРИГАЛ

В сердце моём
бесконечно и светло.
В сердце моём —
мыслей, чувств, мечты полёт.

В руки твои
отдаюсь, о воля высшая.
В руки твои...
Чудо-Женщина, ты слышишь?

Радость теперь —
очи светлые твои.
Радость теперь —
мир и солнце на двоих.

Тело твоё —
я люблю, как свет и жизнь.
Тело твоё —
обиталище души.

Мира ли свет —
свет сознания в глазах?
Мир и весь свет
я люблю, моя краса!

1995

МОИ ВРАГИ

Уходят словно в мглу, со сцены сходят,
хоть и не клял их, не шипел им: «Сгинь!».
У гробового все толпятся Входа
завистники мои, мои враги.

И ненавидели, и ненавидят,
и будут, в том уверен я вполне,
изобразят меня в сквернейшем виде,
когда у них Бог спросит обо мне.

Наговорят с три короба, сумеют,
и толком не успев пред Ним предстать.
Прикинувшись ужами, эти змеи
везде свой источают смрадный яд.

Мечтают тайно не об аде — рае;
не могут, хитрые, того понять:
с землёю не сровняют, умирая,
обидчики, гонители меня.

Не верил — не уйдут так скоро, думал...
А ведь уходят... Рад я? Нет, не рад!
Жалею их! И даже плачу — дурень:
не радуется сей мертвецов парад.

Ах, мама, мама, мать моя, ты с детства
меня учила: «И врагов жалея,
они же кровные твои; а бесы
в них пусть сидят; ты плюнь, простить сумея».

Прощаю вас, благословляю, братцы!
Мы жили вместе на земле... Мечь, сгинь!
Клянусь: за мщенья меч не буду браться
ни здесь, ни там, друзья мои... враги.

1995

ПОДКИДЫШ

Гимны Ей поют, во славу Ей,
тыщи лет и Запад, и Восток.
Кто не ладит с матерью своей,
тот её не ставит ни во что.

Прославляет Мать весь мир, весь свет.
Ты её боишься или нет?
Не боишься? Значит, и не любишь.
Этим и себя, и мать ты губишь.

Мать, всю жизнь иду к тебе, к моей
несравненной, не дойду никак.
Ты дороже всех и всех милей.
«Человеком стань!» — был твой наказ.

Я хотел; но сбился, видно, я.
Мама, мама, я боюсь тебя.
Стыдно мне... Так значит... есть надежда?
Бог, о Бог, нас видишь ли ты, где ж ты?

... Вот несут подкидыша. Сей миг
у меня в душе рождает дрожь.
Девку-тварь пред Богом и людьми
Матерью никак не назовёшь.

1995

ОДИН

М. Сениэлю

Живёшь ты все года
без радостей любви.
Любил иль нет когда?
Так больше не живи.

Тебе ли не дано
от всей души любить?
А, может, суждено
и вовсе букой быть?

Ища душой ряды
друзей в тумане грёз,
тайком, наверно, ты
пролил немало слёз?

Надежды не близки,
хоть ждёшь их ночь и день;
и иней на виски
садится между тем.

И на лице не свет,
а тень сквозит твоём —
с тобой подруги нет,
живёшь ты бобылём.

Живёшь один, как перст,
и так проходит век:
не ангел ты, не бес,
не бог, не человек.

Невзгоды злобно прут
на нас в чреде годин.
Несчастный старый друг,
ах, что же ты один?

У всех надёжен тыл —
есть дети, внуки, брат.
Один лишь только ты
безвинно виноват.

(Бросает их иной,
кукушкою живёт;
пусть так, но, чёрт, и он
счастливейшим сльвёт.)

И смотришь ты всегда
на парочки с тоской.
Горит твоя звезда
тусклей всё и тусклей.

Живёшь один, один...
И долго ль проживёшь?
Любви вообще не ждёшь?
Престранный господин...

1995

АХ, МАМА...

Ах, мама, солнышко моё,
спасибо за судьбу такую.
Когда ты здесь, душа поёт,
а нет когда, я — горе чую.

Бегут за днями дни, ай-яй!,
и век наш быстро пронесётся.
Ах, мама милая моя,
всегда, всегда в моём ты сердце.

Храню в душе твоё тепло,
судьба нас где бы ни носила.
От слов твоих — всегда светло.
От света к сердцу льётся сила.

Ах, мама, солнышко, мой свет,
благодарю за жизнь, за диво:
с тобою вместе — я счастливый,
коль нет тебя, и счастья нет.

1995

* * *

Могу писать я сложно и красиво,
могу писать и проще, спору нет.
Бодлер, Рембо, они, конечно, — сила,
но есть поэты лучше и сильней.

Ни под кого я не певал дотолё,
и, видно, дальше буду так же петь
о родине, о детях, женской доле,
Чувашия моя, мой край, тебе.

А матери, а матери спою я —
в особый такт, голубушке моей;
так просто и доходчиво спою я
про юность и любовь, чтоб стало ей

и радостно, и весело, сердечной;
чтоб, зная, что у духа смерти нет,
надолго позабыла безутешность,
помолодев на много-много лет,

чтоб сердцем поняла, кого растила,
и убедилась: все как на подбор
сыны её — орлы. Опора. Сила.
Один из них и спел не как Рембо...

1995

В ПОЭЗИЮ...

Куда ты рвёшься, женщина? В поэзию?
Зачем? И чего ради? Что, профессия
твоя тебе совсем осточертела
иль нет другой утехи для души и тела?

Найди себе по нраву мужика —
ну этакого... с головой... жука.
«Любимый, — говори ему, — мой милый...»
Твой первый долг — рожать. Рожать. Пойми ты.

Потом — детей воспитывать. Прилично.
Будь в этом деле просто молодчина:
стирай, не забывай о парке-варке...
А как ты думала? Дерзай, товарка.

И это лучше, чем самосжигаться.
Поэзия она трагична, гадство.
Не торопись, подумай ты сперва —
куда не надо глупо не встревай.

В поэзии — нормальный тип не нужен.
А ты ж нормальная... и ты с любимым мужем
театры посещай, одевшись в платье бальное.
В поэзию — пусть рвутся ненормальные.

1996

ПОЭТЕССЕ

Чудная наша поэтесса,
я брат тебе, ты мне сестра,
из одного с тобой мы теста —
стоим пред Богом у шатра.

Там Он нас примет иль не примет —
известно только лишь Ему.
Средь поэтесс ты, фея, — прима,
но знать то Богу ни к чему.

Без перехлёста, пересудов
скажу я: ты — народа дочь,
а остальное Бог рассудит,
как и положено, точь-в-точь.

И ты горишь, и я — и ладно.
Горя, горюем об одном:
не отнесись б к делам халатно.
Ты гениальна, я талантлив,
различий нету в остальном.

У тех, кто всё родному люду
выкладывал всю жизнь, как раз
дела угодны Богу будут.
Я верю, что Бог примет нас.

1996

МОЕМУ АРИСТАРХУ

Дорогой, хорошея душой год от года,
ты мне как брат родной в жизни стал наконец.
Подружиться с тобой многим, многим охота,
но такого, как я, у тебя друга нет.

Не рукою ты нас, а душой обнимаешь,
как тебе благодарен я, как тебе рад.
Больше тридцати лет ты меня понимаешь
с полуслова, о, друг, с полуслова, о, брат.

Сколько было счастливых моментов, мгновений
в шумных встречах с тобой — помнят ли чудаки?!
Ты меня поддержал, воспитал ты мой гений.
И свой дар не растратил я на пустяки.

На коне мы неслись, ветрокрылом Пегасе,
нас хотели шакалы загрызть, изловив.
Мы вели о далёких преданьях рассказы
и о славе, народе родном, о любви!

Пусть на скачках теперь, в бешеном акатуе,
мы не скачем в седле, но мы выход нашли.
Не грусти, аристарх*, мы ещё повоюем,
не тужи, старый друг, мы ещё не ушли...

1996

* В Древней Греции — строгий критик.

В ГОРОДЕ

В армии собаковод —
худший из солдат.
На гражданке только вот
принято не так.

То ли власть теперь слаба,
то ль она — впотьмах,
в вашем городе собак,
как и в нашем, — тьма.

Водят по одной, по две
в скверах и в лесу
чистых, редкостных кровей
кобелей и сук.

Девы водят кобелей,
а у кобеля
всё — наружу; у парней —
скрыто... вот дела...

Парни любят этих дев,
девы — нет, ни-ни:
парни-де теперь не те —
боже сохрани.

Я похабно не писал
раньше, но теперь
захотелось обоссать
эту жизнь, поверь.

Эта жизнь, друзья, не жизнь
в мерзостной стране:
без стыда и без души —
мир осатанел.

Бабы — любят кобелей,
мужики — вино,
но — не сук и не блядей
уж давным-давно...

1996

СОЛОВЕЙ

И было что сказать, и он сказал, он спел,
ещё немало и споёт, и скажет,
ещё не раз покажет и докажет,
что — не верблюд, не робок вовсе, смел.

Хотели вы его подсечь и погубить.
Нашёл сноровку он с врагами биться.
И всем известно стало: что за птица
нас хочет полюбить, в себя влюбить.

И жарко так поёт — от вечной спячки будит.
Напрасен ваш навет: он был, он есть и будет.
На жертвенник он сам себя кладёт.

И сам себя дотла сжигая, знает,
что дух его в мирах не пропадёт.
... И рана в сердце у него — сквозная.

1996

* * *

Почудилось ли это иль во сне
мерещится, иль скоро вдруг приснится:
в руках я вижу счастье (синицу),
которое вам чуждо, как и мне.

Не здесь, а там, везде, но вот не здесь,
поток чудес идёт вослед потоку,
в потоке — явь и сны, и жизнь, и смерть,
обилие людей — без чувства только.

На что мне эти чудеса? Я буду
уж безо всякого бесчувственного чуда
тащить свой тяжкий крест, но — от души.

Жизнь — счастье, говорят; но без участия,
без сострадания к ближнему нет счастья —
тепла, любви... Без них — не стоит жить.

1996

СТРАХ СМЕРТИ

Ещё ребёнком, вняв, что все мы — прах,
я ужаснулся: с этим странным грузом
на сердце и в душе уж слишком узко
нам жить — нас осушает, душит страх.

В трудах ли, на досуге иль в пирах
нестись мешает что на всех парах —
смушает и пугает постоянно?
Страх смерти, страх проклятый, окаянный.

Но про него я напрочь забывал,
когда тебя, Ирина, целовал
и возрождался, преклонив колени.

И каждый раз передо мной вставал
незримый, но живой девятый вал
в небытие ушедших поколений...

1996

НЕ ЛЮБЛЮ

Я не люблю тебя. Казалось, что люблю...
Как я горел, как я пылал, о боже!
С тех давних пор, отвергнутый, похоже,
и не любил так сильно вас, подлюг.

Я ожил, я расцвёл. Вернулась юность.
Вернулась молодость. Я — вновь в седле.
И мир, и люди кажутся светлей.
Проснулся дух. И мощь ко мне вернулась.

И я запел, взлетел на ветрокрылом
на небеса! О как я счастлив был!
Как много новых тайн с тобой открылось
на свете мне! О как тебя любил!

Но вдруг, увы, узрел, впад в пустоту,
я наглый, яростный оскал обманных сил.
Его ни обойти нельзя, ни погасить.
Я не тебя любил, любил я ту,
которую себе вообразил.

И был оскал — лирический обман.
Ирина, милая, тебя не обвиняю,
люблю, ценю и с грустью восславляю
любовь свою — печальный наш роман...

1996, март

ПИСЬМО

Людмиле Николаевне привет!
Людмила Николаевна, мой свет,
люблю тебя, люблю и уважаю:
вишь, сразу же пишу письмо — в ответ.
Ты друг мне и сестра. Не забываю
и то я, и другое. Не бывает
ни дружбы, ни родства без теплоты
и сердца и души... Ты — солнце мая,
жара июня; яркость тоже — ты...
июля... августа... прости за шутку...
Как посмотрю вокруг, картина жуткая
мне предстаёт — мерзка до тошноты:
иным и мать родная уж не мать,
отец родной им — пешка, не отец, а тать
иль супостат какой-то ненавистный.
Я не могу такое оправдать
ни жизненной невзгодой, ни истой
звериной натурой норовистой.
... Людмила, наше дружество под стать
струе хрустальной, родниково-чистой.

1996

РАПСОДИЯ

Путь мой недолог... Век проходит...
А так ли жил я, так ли спел
коронную свою рапсодию?
Достиг чего? Каков успех?

Не нам особо заливаться —
коль хочешь петь, так тихо пой,
без фокусов чтоб там... В разбой
и в ересь нечего вдаваться.

И пели мы, и были тихи,
но обвиняли всё равно
нас в ереси, в разбое, в лихе.
В душе царил не день, а ночь.

И жил не так, и пел я плохо.
Достичь чего? Иметь успех?
И не мечтай об этом, кроха,
хоть жизнь и не сыграл ты, спел!

И, помня «жисть» свою подробно,
сказал б себе я самому:
рапсодию — играть удобно,
а петь — неловко, ни к чему...

1996

АЛЛЕЯ

Ирине

Приди, мы по Аллее Сениэля
пройдёмся и заглянем в лес.
Не страшен я, меня покинул бес,
боишься ты чего, на самом деле,
куда не надо я когда же лез?

Идя с тобою перед всеми рядом,
я буду, как ушедший праздник, нем.
Не надо слов, мой друг, и слёз не надо.
Пусть этот лес покажется нам садом,
других не надо в жизни перемен.

Ты ль Ира иль не ты, мне всё равно,
светилось бы моё в ночи окно,
сияла б под луной Моя Аллея,
и, как и прежде, лёгкое вино
мы выпили бы с девой, не пьянея.

Касаться будет клавишей рука.
Напомнит нам напев издалика
о том, что невозможное возможно.
Заглянешь вдруг в глаза мне осторожно
и станешь, как и прежде, так близка...

1996

* * *

Лунный челн отчалил в чашу,
опечалил поле, лес.
В душу жгучую, летящую
дух сомнения пролез.

Мысли глупые несметно
закружились в голове.
Смертны мы или бессмертны?
Дух сомнения, ответь.

Но сомненья есть сомненья.
Гнут они меня в дугу:
говорят, что я не гений
и от них не убегу.

И от смерти убежать мне
скудость духа, сил души
не позволит, хоть и жадно
буду я творить и жить.

Значит, зря я так кричаще
был собою увлечён.
... Душу жгучую, летящую
опечалил лунный чёлн.

1996

* * *

Мир тесен, некуда бежать.
Бегу я, как навек, прощаюсь,
тоскую и клянусь, спасаюсь,
как чёрт от ладана... божаюсь.

Без веры я, не жду чудес.
Не любы мне ничьи советы.
Как смерть, все чувства безответны.
Сидят в мозгу невроз и стресс.

А в сердце пусто, нет любви —
от лжи, обмана и предательства.
Не уберёт от издевательств
души младенческой в крови.

Кровь стынет. Глухи голоса.
И засыхают даже мысли.
Им недоступны стали выси,
их не лелеют небеса.

Мир тесен, вот бы на луну!
И я лечу, навек прощаясь,
но, гадство, враз и возвращаюсь,
себя и душу обманув.

Куда же от себя, душа,
мы убежим, ведь мир так тесен?
Вот разве что — в иной? Чудесно!
Но чем же будем там дышать?..

1996

* * *

Молчу, и золото — моё молчанье
не в сумерках, а в золотистой мгле.
Оно так откровенно и печально,
что слышен гул, томящий душу мне.

И холодящий... Всё там, в этом гуле:
и бывшая любовь, и молодость, мечты,
боль разочарований и утрат... не потому ли,
гляди, чуть жив ты, и несчастен ты.

О чём и говорить? Вот и молчишь. И бденье
твоё в ночи тебе как суший ад.
От утра жизни и от полдня в отдаленье
мёд радостей, услад — горчайший яд.

И он среди предательств и обмана
тебя всего давно уж пропитал.
Тебе не жизнь теперь, а смерть желанна,
и всё, всё в мире ты уж испытал.

Сознание чтоб твоё земное, тело,
услышало опять созвездий хор,
себя ты должен превозмочь, чтоб пела
и плакала душа твоя с тех пор.

Без слов, без откровений и желаний,
без грёз, и без надежд, и без мечты —
ты весь в былом, ты — яд воспоминаний.
Себя живого убиваешь ты...

1996

* * *

Безлунно на душе, беззвёздно,
тьмь ночи в ней, а не синь.
Враг тайный в лицо опознан,
был другом моим он всю жизнь.

И был он страшнее наветов,
страшнее расстрела, плетей.
В бреду бесконечных рассветов
раздумывал, как бить лютей.

И бил он медленно, долго.
Был смел и след заметать умел.
Ведь чуть не погубил в итоге
меня средь повседневных дел.

Теряюсь я, сознание бредит,
сознание теряет речь.
Клич слышу, зовущий к победе,
и — звон, будто меч о меч.

Друг, вижу, — в смертельном угаре
и тлеет, чернеет как гроб.
Бескрылость — небесная кара —
в печёнку разит его, в лоб...

1996

* * *

Есть эмиры у русского хана.
Есть дворцы. Есть дворцовая лесть.
В Чувашстане мы, как тараканы,
побежали, успеть чтоб пролезть.

Но пролезли не все, единицы.
И пиит наш один — тут как тут.
Раболепствует, гнида, дивится:
как легко, мол, я вполз в ту среду.

Обманул простака ну в два счёта,
панегирик ему накатав.
Обкрутил бы, наверно, и чёрта,
а не то что эмира-кота.

Любит кот, чтоб его мы — по шерсти,
а не то что, чтоб — против. Хитёр.
С малых лет в нём сидят, видно, черти,
он всё врёт и играет — актёр.

Проходимец, как все проходимцы,
собирает друзей по себе.
И пекутся, заботятся дико
вовсе не о народной судьбе.

И бездарны они, и безродны,
как и наш стихотворец, как Сам.
Тем не менее слово «народный»
им на сердце как мёд, как бальзам.

1996

ЭМИР НАШ...

Эмир наш молод, крепок, росл и — в теле,
поэзию считает, бедный, делом тёмным.
Понятя не имея в этом деле,
всё ж званья раздаёт пиитам приближённым.

Эмир наш молод, крепок, росл... красавец!
Во всяком случае, никак не мерин сивый.
Он приближает всех, кто подл, бездарен и мерзавец,
и тех, у коих жёны молоды, нежны, красивы...

1996

В ОТЧАЯНИИ

Ирине

Мчатся тучи... Небо кроют...
Небо им — как решето...
Я люблю тебя за то,
что с тобой мне нет покоя.

И хожу чернее тучи.
Думы тяжкие гнетущи,
а в душе такая мгла,
аж она занемогла.

Знаю, ты умеешь жить.
Я, напротив, — не умею.
По каким путям кружить?
Кто хитрее и умнее?

Нищету, а не наживу
мне сулит всевышний бог.
посему я и убог —
не до жиру, быть бы живу.

Ты, как блядь, имеешь грех.
Кто же из людей безгрешен?
Мой к тебе любовный смех
на крутой тоске замешан.

Нет, пока не застрелюсь,
долюблю без зла, упрёка.
Ты как пуля одинока
без меня, зараза, гнусь...

1996

* * *

Жизнь вся, как и любовь, нелепость,
но признаюсь: я жил, любил.
Не осторожно, не колеблясь,
могу сказать: везучим был.

Я был везучим в невезеньи.
Казалось, что несчастен я.
Не утопал в лучах весенних.
Не процветал. Пел как маньяк.

Я честен был, не гнал халтуру.
Был высшей пробы мой чекан.
Случалось, ублажал и дуру,
но больше — умниц опекал.

Не зная, что нас ждёт в грядущем,
иной себя продаст всего:
и тело, и талант, и душу,
не оставляя ничего.

А ждёт в грядущем нас расправа,
возмездье, ад и божий суд.
Нелепость — жизнь, любовь, вы правы,
но нас они же и спасут...

1996

БОГОМЫСЛЬ

Всё было ново под луной
мне, отроку, тогда, вначале.
Я знал: талант меня венчает,
восход мой будет по прямой.

К Отцу Небесному я шёл
через поэзию. И ангел,
хранитель мой, горя как факел,
летел со мной так хорошо!

Но есть хорошему предел
(как и плохому, это — к слову),
меня толкнули к духу злому.
Я сник, лететь уж не хотел.

И — дни за днями пронеслись.
Я растерял таланты где-то.
И, в форму должную одета,
не приходила богомысль.

Я ждал её жизнь напролёт.
Дождался. Шепчет дух: «Приемлю!
И не вернусь на эту землю —
продолжу к Богу свой полёт...».

1996

* * *

Ирине

В том нет моей вины, что тускло светит месяц,
что молодость прошла и дали не видны,
что ходит-бродит смерть по городам и весям,
что сиры мы, бедны, — в том нет моей вины.

Я разве виноват, обманутые души,
в приходе запоздалом праздничной весны?
И в том, что злы предчувствия, гнетущи,
и потому кошмарны в мраке ночи сны?

Я разве виноват, презренная девица,
что, разуверясь, в сердце нож вонзаешь ты?
В итоге остаётся что? Лишь удавиться
во имя счастья и поруганной мечты.

В том нет моей вины, что разлюбил тебя я,
и что не греет месяц, а ты хоть бы хны.
Ах, сколько слёз и горя мне, тебя теряя,
пришлось переносить! В том нет моей вины...

1996

* * *

Дожливый день. В покое непогоды
я неспокоен. Есть ли он, покой?
Под солнцем и луной, под небосводом,
он где, скажи, о друг мой дорогой?

Вот плачет день, и я с ним вместе плачу:
для вас, друзей, я ничего не значу.
Подруга милая, скажи, по ком
ты слёзы льёшь, похоронив покой?

По ком — тревога? Ахи до зари
и охи — ночью? Светом озари
мою ты душу, славная, откройся.

И тайну не узнают ту ни день,
ни ночь — таинственная сень,
ни белые, клянусь, берёзы — роща...

1997

* * *

Ты — моя последняя любовь.
Милая, ну как тебя забуду!
И жалеть, и вспоминать я буду
как первую, наверно...
Грусть и боль,
и тоска, и угрызенья, совесть
сразу же ворвутся в эту повесть,
сделают меня слугой, рабом,
ставя на колени пред тобой...

1997

* * *

Я никак не забуду тебя,
ну никак. И всегда помнить буду.
Без тебя меня нету как будто —
не сумею прожить не любя.

Я запомню тебя навсегда.
Путь мой станет яснее, светлее.
И не сразу меня одолеют
уходящие в вечность года.

Устремятся они на вершины
и как лучшие дни моей жизни
будут, душу мою теребя.

Я забуду и грусть, и тревогу,
безнадёжную эту дорогу,
но никак не забуду тебя.

1997

* * *

Над Саврашбусью — полная луна.
Деревня спит, но сон гоню я прочь.
Под этою луною в эту ночь
со мной Ты вновь. Душа Тобой полна.

Со мной. Не вместе, а наедине,
как с юностью, с весною и как с ночью,
как сам с собой — наглядно всё вполне:
как будто вижу я Тебя воочью,

как будто время вовсе не ушло,
с тех самых пор не сорок лет прошло,
исчезнув в глуби мглистого тумана,

и в эту ночь под этою луной
мы первый раз целуемся с тобой,
о первая моя любовь, Тамара!

1997

* * *

Да, да! Старик, из нас любой,
кто не шагает с жизнью в ногу,
твердит: последняя любовь
сильней, чем первая, намного.

А не шагаем в ногу мы
почти что все, чего лукавить:
трудяги, светлые умы —
живём, не напрягая память.

Нет свежих, тонких чувств, и мысль
не острая, теряет смысл,
сбивается и не трепещет.

И мнится нам среди юных лбов:
последняя и есть любовь
бессмертная... и это — бесит.

1997

СКОРЬЬ

В своей стране живу я как изгнанник.
Чувашия! Не ты ль моя страна?
И нелюбовь тем более странна
твоя ко мне. Как сын, хоть я и данник,
наверно, твой, пока не сатана,
чтоб все меня повсюду с треском гнали
и отовсюду дружно изгоняли.

В родной стране чужой, как чужеземец,
почти как враг, а, может быть, и враг —
незванный гость, татарин иль варяг,
во всяком случае здесь хуже я, чем немец,
коль правду-матку выложить без врак,
чтоб вы, мои друзья, «мели, Емеля!»
не говорили мне, понять сумели.

В своей стране я без её культуры,
изысков и разборов, без идей —
как дикий человек среди людей.
Не жизнь, а смерть — жизнь в не литературы.
И в этой области всего лютей
мои завистники, мучители поэта.
Об этом — скорьь моя, и сказ — об этом...

1997, октябрь

ТУСКЛЫЕ

Эй, сиятельства тусклые! Вы
вновь сидите на прежних местах,
вновь вы правы, а мы не правы,
хоть и ложь вновь на ваших устах.

Тот, кто чуток, мой стих весь прочтёт,
всё поймёт, если не идиот.
Ваши дни не колышет ничто,
ваших душ и снаряд не пробьёт.

Не люблю, презираю я вас.
Точно так презираете вы
и меня, и мой утренний час,
когда мысли свободны от тьмы,

когда, думая о красоте,
создаю я и сам красоту,
как умею — без лишних затей,
а затеи за фальшь я сочту.

Были дни: жизнь — светла, цель — ясна.
И сомнений никто не имел.
Хоть вы тусклы, всё ж следует знать,
что за Сеспелем есть Сениэль.

И давно уже нет этих дней.
Вы всё также на прежних местах.
Только ложь многократно наглей.
Нету правды на ваших устах...

1997, октябрь

ЗАПРЕЩАЮТ...

Стихи мои, вас запрещали
при коммунистах... И теперь,
при перекрасившихся, шало
вас запрещают. Зло. Как зверь.

«Хыпаровцы», на днях, верхушка,
то ль на полгода, то ль на год
(как будто автор их в психушке),
вас запретили — вот народ!

«Хыпар», мол, бомжу не кормушка,
и, мол, бездельник знает пусть:
(у ушлых ушки на макушке —
всё слышат, чуют) глуп он, пуст.

Вот почему и запрещаем.
Народ родной и без него
неплохо проживёт, мы знаем.
Зачем он нам и для чего?

1997, октябрь

СКВОЗЬ ГОДЫ...

Пропали годы, как в тумане.
Был ядовит ваш злобный смех.
Вы все житъя мне не давали,
тряслись, что стану выше всех.

Во всём, везде запрет я чуял.
Творить, любить — запрещено.
Бросал вам: «Жить так не хочу я!».
Не хочешь? Сгинь! Разрешено.

Меня, как мелкую монету,
кидали в грязь из-за властей.
Мне на земле покою нету.
Я лишний здесь, среди людей.

Старались вы весьма ретиво,
толкали к яме на убой.
Но хоронить не запретите,
всё ж лягу в з е м л ю на покой.

Пусть на земле мы чуть ранимы.
В земле — подземное любя —
счастливее, чем Паганини,
я буду чувствовать себя...

1997, октябрь

ЗАВЕТ

Мы, кто чуть раньше, а кто чуть позже,
уйдём отсюда, все сойдём на нет.
Жизнь наша чем-то на кино похожа:
прёт кадр за кадром и — конец кинe.

Да, друг мой дорогой, нам не дано другого.
И вот сижу я с думой, в забытьи,
заветное хочу промолвить слово,
единственное в нашем бытии.

То слово о тебе, предел желанный,
родимый уголок, Саврушский край.
Ты есть начало и конец мой странный.
Ты — мой крошечный ад и светлый рай.

Тобою я рождён, тобой взлелеян.
Ты — золотая колыбель моя.
Тобой поэзии прекрасной сон навеян.
С тобой взлетел, обретший крылья, я.

Я создан был тобою ради жизни.
Меня вдали убили, в стороне.
Неловко на признание решиться,
скажу: не дали жить в чувашской мне стране.

Всегда чужой, не принят был за брата,
о друг мой милый, как всё тяжело!
Мы все уйдём... и я хочу обратно
к родным пенатам — в поле, в лес, в село.

Мы все сойдём... нам не дано другого.
И разговор наш вышел деловой.
Похороните близ села родного.
То — мой завет. Исполните его.

1997, октябрь

РАХМАТ

Орлы газеты всечувашской!
Радетели! Рахмат, друзья!
Весьма был тронут вашей лаской.
Ничуть не ошарашен я.

И даже, вишь, не удивлён вот.
Не на год, не на два, на всю
сознательную жизнь вы повод
искали запретить — вовсю.

Вы, быдло, жить мне запрещали;
бандиты, бездуховных рать,
меня всю жизнь душили шало;
не задушили, в душу мать!

И не задушите. Я — сильный.
Я выстоял. И я стою
сорокалетний и красивый.
Стою, как соловей пою.

И как вы ни орали б зычно,
вам песнь мою не заглушить.
Я, вишь ли, к счастью, двуязычен —
подамся к русским, чтобы... жить.

1997, октябрь

ДАЛЁК...

От вас теперь я так далёк,
мои и недруги, и други.
Меж нами — разногласий лёд.
От вас теперь я так далёк,
что я измучился в разлуке.

Я ваших сплетен не боюсь.
Я не боюсь противоречий.
Чтоб выжить, сам с собою бьюсь.
В разлуке — плачу и смеюсь
над тем, что, как и вы, не вечен.

Над тем, что худо одному,
что с вами было много хуже,
что всё ж себя я подниму
с колен — последний бой приму,
переживу и стыд, и ужас...

1997

ОБИДА

Ваш соплеменник, с огненной кровью,
пришёл я к вам с великою мечтой
дать жизнь свободе, жизнь народу. С болью
ушёл от вас — с убитою душой.

Бедняги сиволапые, в бреду сивой кобылы,
невежды, неучи, в чувашских сих краях,
да, вы меня смертельно оскорбили,
и умер с горя, умер с горя я...

1997, октябрь

НЕ БОЮСЬ...

Пусть мои заржавели латы,
пусть я пеший теперь, без коня,
всё равно ухожу я крылато —
не оплакивайте вы меня.
Вы били меня и кастетом,
и словом вы били всегда.
Пусть за мной, как позёмка, стелется
не хвала, а хула — пусть так,
пусть... пусть в вашей хуле знобящей —
убивающая злоба глаз,
не боюсь я вас — своры собачьей,
не боюсь, а жалею вас...

1997, октябрь

РАЗДУМЬЕ

Мы состарились будто. Беда!
А над полночью та же звезда
и горит, и сияет бесстрастно,
нет ей дела до нас, как всегда.

В мире мало ли разных тревог,
и безрадостных, трудных дорог,
как же это так вышло, подруга,
что нам жизнь до сих пор не урок?

Бес шептал мне: «Спеши». Я спешил.
Жил в столицах, в деревне, в глуши.
Жил похабно, судьбу проклиная,
словно враг, а не друг была жизнь.

Блещут звёзды и плещет луна.
Над деревней молчит вышина.
Как случилось, что я очутился
в мгле такой, о скажи, тишина.

Всё темней и темней. Вот беда!
Так случилось, что я сквозь года
без оглядки пронёсся, бездумно,
и моя уже гаснет звезда...

1997

ОТРАДА

Видно, мысли твои — о грядущем:
то унынье в тебе, то порыв.
Мы с тобой не пропащие души,
чтоб запеть о конце до поры.

Пусть поплачет душа, пусть поплачет;
в сердце — юность, как розовый цвет;
у иных, может, он и покраше,
для меня этот цвет — жизни свет.

Свет — отрада мне в грусти, печали.
Есть волшебность в отраде такой.
Ты меня молодой повстречала,
юной феей, светясь, привечала.
Уходил я и сам молодой.

Да... Никто не останется, друг мой:
ни подруга, ни мать, ни отец.
Жизнь была у нас лёгкой иль трудной,
всё одно: всем — конец, всем — конец.

Не дожидаться цветения гуще
и любви — соловьиной и злей.
Пусть рыдает душа о минувшем,
о минувшей отраде своей.

Не утешит её ласка, нежность,
вороженьё любви золотой.
Все уходим в свою неизбежность,
не вернёмся в наш сад молодой.

Боги тоже умрут, мы не боги.
Все уйдём, и чего же таить...
Твои очи внимательны, строги.
Как бессмертье мне — очи твои.

1997

СЛУЧАЙ

Тамаре

В жизни нашей озаренья редки,
но вот на заре страстей, тревог
в первый раз влюбился я, влип крепко,
озаренье, вишь ли, сбить не смог.

Не бывает пагубнее чувства.
Пропадал, скользил я на краю.
Посегодня, сколько ни лечуся,
не могу унять болезнь мою.

И сегодня, пусть почти застыла
кровь моя, пусть дней на склоне я,
это сходство чувственного пыла
с гибелью бросает в дрожь меня.

Я тебя приветствую, о дева!
Озарила жизни ты зарю,
всю мою судьбу перелетела,
осветила всю... Благодарю!

Были не добры ко мне пророки,
раскрывая лживые уста:
много было о любви и роке
слов пустых — внимать я им не стал.

Хоть и промелькнула как виденье,
светло-грустная и юная,
всё скользит твой образ лёгкой тенью
в снах моих, далёкая моя...

1997

СВЕЧА ВОСПОМИНАНИЙ

Я знаю, что меня никто не ждёт.
Нигде и никогда и до — не ждали.
А были пройдены такие дали
и всё-то — понапрасну... Что за чёрт!

Играли верность мне — я верил им.
Я был доверчив и легко раним.
Играли и любовь... Играли (о, проклятье!),
любя меня, «как сорок тысяч братьев».

Под смех сплошной иль горестные вопли
я плакал, не имея силу воли,
и думал, что на свете я один
такой безумный и что нравом — дик.

Сыграть огонь на мёртвом пепелище
я должен был для них, и я играл.
Я чувствовал чутьём: меня освищут,
но всё ж играл и улыбался, ждал.

Знал: самого меня никто не ждёт.
Мне стать самим собой так и не дали.
А были пройдены такие дали:
одно напоминанье — сердце жжёт.

Ведь можно было и рубить сплеча,
я не рубил — отвергнутый, печальный.
И вот теперь незлобиво, ночами
воспоминаний теплится свеча...

1997

СОНАТА

Соната звучала. Луна, серебрясь,
вставала на ощупь. И тропка клялась
Бетховеном, что нас она не оставит
и выведет к речке всех в полном составе.

Нас — двое. Берёзы, тела обнажив,
сияют. Прекрасное вечно как жизнь.
Нас — два человека. Не больше, не меньше.
Соната звучит и волшеббно, и веще.

«Гляди, как светло от лучей голубых! —
кричишь ты. — Как жить, если б не было их?!».
Я сдержан, а, может быть, и безучастен,
над пылкостью вешней твоею не властен.

Подруга! Ты — сказка. Тебя в жизни нет.
Сказ звёзд предрассветных и лунный ты свет.
Твой голос меня в юность, в юность уводит.
С тобою я, старый, как юноша вроде.

Не верится мне, что в том голосе есть
трагедии близкой зловещая весть.
Бетховен! Бетховен! Божественной силы
соната твоя нас до звёзд возносила.

Звучала соната, а я всё молчал.
Поэт вообще не орёт по ночам.
Он любит любовь, без любви не бывает,
и в келье своей ту любовь воспеваает...

1997

БЕССОННИЦА

Ночь, за что бессонницей караешь?
Отчего мне, бедному, не спится?
Неужели жизнь уж догорает
и надежда прячется, не снится?

В чём надежда? В том, что юн ты, молод?
Чем? Душой иль телом? Ах, душою?
Но в душе давно — не жар, а холод
стылых чувств, страстей, любви дешёвой.

Помнится, как пылко мы любили!
Образ милый в снах своих лепили,
наяву найти его пытались —
и в огонь и в воду мы бросались.

Грезили любовью неземною!
Не манила нас любовь земная.
А творилось что со мной, со мною?!
Даже чёрт и тот того не знает.

Вот за то и ночь меня карает
злой бессонницей — зловещей птицей.
И любовь чадит и догорает,
и совсем не радует, не снится...

1997

ВОСПОМИНАНЬЕ

Вдвоём мы только. Кто же лишний?
Как странно! Вся душа в крови...
Поёт о чём джигит, женившись:
о смерти чувств иль о любви?

Над ревностью твоей не властен.
Ты — над молчанием моим.
Уже и ненавидишь? Здрасьте!
Я, знаешь ли, неумолим.

Живу, собою не торгую,
обиды жгу, печали жгу.
Люблю тебя я и такую —
вскружила крепко, знать, башку.

И что ты ждёшь, и что ты ищешь
во мне? Я всё такой, не нов,
но строже становлюсь и чище,
как мысль от праведных трудов.

И слов особых тут не надо,
ты просто честность прояви.
... О чём поёт джигит женатый?
О смерти чувств, не о любви.

1997

СНЫ ТВОИ...

В небе, посмотри, мерцают звёзды.
Мы не звёзды, серы и просты.
Нам, и посчитав всей жизни вёрсты,
не дано добраться до звезды.

Сделай, окажи такую милость:
обо мне ты громко не кричи.
Слово прямо в душу опустилось.
Сны твои светлы и горячи.

Нету в них ни страха, ни сомненья,
есть лишь восхваленья без конца
моего таланта, вдохновенья
с полным отрешением лица.

Кто же так бормочет, а, и стонет?
Сон не явь. Крадуч и невесом.
Чушь невероятий и историй —
что же это, друг мой, коль не сон?

В роще — свист. Не соловей ли свищет?
Мир весной обмыт и обновлён.
Кто же так любви, подруга, ищет?
Я и так в тебя, как пёс, влюблён.

Половодье чувств во мне. Я вроде
идиота — гибель мне сулят.
Не талант, о чёртово отродье!
Не звезда. И даже не светляк.

1997

* * *

Прощаю я, и вы меня простите,
своей душевной ширью поразите.

Убого ваше чувство, мысль... Напрасно
я гневался на вас, и был неправ я.

Кипит у вас внутри и злость, и зависть,
сгорает всяких в них гармоний завязь.

Душа недобрая, нечистый помысел...
Двух слов не свяжете без нашей помощи.

Обидно! Да! Обидно изначально.
Не вы за вас, а я грущу, печальный.

Не затравили, жив я, не грустите.
Прощаю я, и вы меня простите...

1997

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ

Свет устал, и закат тает, тает...
Старый тополь уныло грустит.
Будто что-то его угнетает.
И поник он, и тихо гудит.

«Отжил, — думает, — рано так отжил,
вон и лес скоро как поредел,
что ж, всему есть предел, и мне — тоже...».
Тополь милый, нам всем есть предел.

Лишь душа не имеет предела,
облекается в новую плоть.
Не она ль от меня отлетела?
Всё кончается. Чайанья, прочь!

Всё кончается? Нет, не кончается.
Хватит маяться, губы кусать.
Всё рождается! Всё начинается!
И концы не имеют конца...

1997

* * *

Жизнь — варево забот, нужды.
Теперь в рай не помчишься, нет.
О, где вы, светлые мечты,
прекрасные и чистые?

Ужель и вправду постарел?
Как скоро... Дни осенние
меня пугают, как расстрел.
Ты жив ещё, о, Сениэль?

О чём мечтал, о ком тужил?
Куда запропастились все?
И свет — не свет, и жизнь — не жизнь,
как ад иль как чистилище.

Я ближнему не делал зла,
а пособлять старался всё.
Помру вот как-то и, как знать,
чем буду — горем, радостью?

В огромном скопище людей,
как счастья не нашедшему,
коснись, коснись души моей,
о свет нездешний, — грешному...

1998

ГРУБЫЕ СТИХИ

Ты — осталой и осталась,
уж не говоря, что — дура.
Ты войти ко мне пыталась
в душу, крепко не подумав.

Что бы там нашла: лучину,
вместо ночи полнолуния?
Омертвелою мужчину
с мерзким плачем «аллилуйя»?

Иль застывшего бродягу
среди пожухших трав и терний?
К сумасшествию ль не тяга
это, так как труп сей — гений?

Тот, кто был, теперь он в прошлом,
старый хрыч в одеждах грубых —
мёртвый груз мгновений пошлых,
узкий круг понятий глупых.

Ни огня в душе, ни жизни —
черпаю отколь я силы?
Хочешь ты узнать? Решись ты...
Молодец, что всё ж спросила.

Нет, осталой не осталась,
что и говорить, не дура,
оживила душу малость:
что ж, войди, я дома, тут я...

1998

ВЕТКА ПАЛЕСТИНЫ

Доктору Бассаму

Нет Бога кроме Бога,
и Мухаммед — пророк его.
Не богато, но не убого
он у нас, сей Бассам, живёт.

Нет Бассама кроме Бассама,
и Чувашия — прибежище его.
Он наш зять, он, видите сами,
тихо, мирно и трудно живёт.

Мы — в своих палестинах,
он своей «Палестиной» живёт.
Говорю я вам истинно:
все мы очень любим его.

И откуда — от Иордана
эту ветку среди тревог
иль с горы Арафат из Ливана
занесло к нам? И ветка живёт.

Не злорадствуй, эпоха:
как родной Он у нас живёт.
Нет Бога кроме Бога,
и Бассам — посланец его...

1998

КУТЁЖ

В тот вечер боль была обновлена...
С тобой вновь вместе оказались вдруг мы —
и алый отсвет красного вина,
смеясь, играл на щёчках у подруги.

А осень серой кошкой на дворе
всё шастала; раскаянья бродили;
мы не пустили в дом их, мы кутили,
о них не вспоминая в ноябре.

На счастье тост я каждый поднимал.
Казалось — счастливы мы оба очень,
но нас преследовала дико осень:
бил дождь по окнам, ветер душу рвал.

И, зарождая в сердце жуткий страх,
твердило небо об измене подлой.
И польхало зарево там, в поле, —
как память о проклятых временах.

... Боль вечна, а кутёж не вечен —
уходит, укоряя нас самих.
Ах, этот вечер, ах, какой был вечер —
прекрасный и чудесный счастья миг!

1998

ОСЕННЕЕ

Чую, времени мало.
Чую, просто — в обрез.
Всё укрылось в тумане —
с сожаленьем и без.

Презирал и врагов я.
Презирал и друзей.
Те и эти лишь болью
были в жизни моей.

Я не ныл, не заную,
как меня ни предашь.
Свет не гас предо мною
от обид, неудач.

Шёл всегда я крылато
у беды на виду.
Шёл и шёл — шёл как надо,
до конца так дойду.

Пусть иду не весною,
и не летом иду,
может, даже заную
на свою на беду,

пусть в тоске и в печали
то ль «конец», то ль «каюк»
гуси в ночь прокричали,
отлетая на юг,

я не чую усталости
под названием «смерть».
Чую, жизнь мне досталась,
чтобы смерть одолеть...

1998

БУРАН

Ах, буран ты мой, буран,
белая метелица,
не пора ль мне, не пора ль,
юношей заделаться?

Прямо в глубь твою нырнуть,
в молоко кипящее?
К деве свой направить путь,
чтоб любить опять её?

И нырнул вот, и свищу,
заношу сугробы я,
след её везде ишу
во пору суровую.

Но нигде и никогда
не найду я милую —
сон, далёкая звезда
встали тёмной силою.

И буран — не наш буран.
Наш отбушевал давно.
Нам же уж на печь пора,
Роза — свет — Ивановна...

1998

ГОВОРИШЬ...

Говоришь ты, при желаньи
видеть можно жизнь насквозь.
Что ж не видишь, в чём же гвоздь?
И такое пожеланье
по нутру тебе, небось?

При желании, когда
человеку невтерпёж,
и в огонь войдёт он, что ж.
Пред тобой же лишь вода,
что стоишь ты, не войдёшь?

И она лишь пруд, не море,
смерть джигиту на просторе —
смех, он презирает тьму.
Пред тобою же лишь горе,
не смеёшься почему?

Говоришь, на жизни свалке
нам о счастье уж не петь,
а приходится лишь тлеть.
Говоришь, нам всем, собакам,
как всегда, — собачья смерть.

Говоришь, коль стал ненужным,
лучше вовремя уйти.
Что ж всё бродишь — ну и тип, —
не уходишь, хрен тщедушный,
сам ты с нашего пути?

1998

НЕ ГОВОРИ

Не говори мне о любви,
любовь такая светлая.
Коль нету солнышка в крови,
не говори мне о любви,
ты, темень беспросветная.

Не говори, молчи, про страсть,
хоть и как кошка страстная.
Кого ты хочешь обокрасть,
тот должен о тебе всё знать:
какая ты есть страшная.

И об измене не ори.
Нет, не поверю я, не ври
о том, что мужики все — бабники.
Живи ты, не впадая в панику,
и про любовь не говори...

1998

УЛЬГА

Есть ли баба бескультурней,
чем зловердная Ульга?
Нету бабы бескультурней —
всех грубей и злей карга.

Наглая. И — очень льстива.
Потому-то и не диво
то, что люб ей «изм» любой,
прёт туда как на разбой.

И в обкоме эта дура
и сейчас всё по культуре
главная — тиранит всех.
Терпят... Ждут... И смех и грех.

Да... Неужто у эмира,
покорившего полмира,
нет чутья и головы
к сей мегере? Нет! Увы!

В министерстве бескультурном
бескультурная карга
всечувашской масскультурой
забавляется — Ульга...

1998

МУЗЫКАНТ

Скажите, где я тут?
Я — в струнах, и — везде.
Когда меня не ждут —
не виден; ждут — я здесь.

И вроде бы горит...
И вроде б — искры, свет...
Живёт и стонет ритм.
И вот его и нет.

Дыша, передохнуть
я сил небесных жду.
И в небе Млечный Путь
зовёт мою мечту.

Коснётся струн смычок,
звук душу обожжёт.
И скрипка — как скачок
в смятении большом.

Ведёт меня куда?
Мятётся ум, душа.
Сейчас иль никогда —
я должен сделать шаг.

И должен я сгореть,
исчезнуть в звуках весь...
Все, все — сюда! Скорей!
Не видите? Я — здесь!

1998

ДУШЕ МОЕЙ БОЛЬНОЙ

Очам твоей души...

И. Северянин

Душе моей больной упрёки неприятны,
а обвинения в мой адрес и того грустней.
Причина их и жёсткость непонятны
больной душе моей.

Больной душе моей любовь мила и жалость,
и пониманье дел моих вообще.
Сил новых вы придать и не пытались
моей больной душе.

Моей больной душе поможет совесть:
я чист, и потому я обрету покой.
Бог даст мне исцеленье, веру, то есть —
душе моей больной...

1998

ДУХ

Что ищешь ночью, мытарь, в небе тёмном?
Что ищешь на земле, бедняга, днём?
Хоть плачь ты, хоть не плачь, уйдём мы,
и больше в этот мир уж не придём.

Как всё устроено и глупо, и нелепо.
Как скуден дней запас и мало лет.
Ищи, ищи свою звезду на небе.
Ищи судьбу на горестной земле.

Найдёшь ли? Если и найдёшь, немного
придётся веселиться и гореть.
Как всё вокруг и скучно, и убого.
Посмотришь, так и тянет умереть.

Потомок дальний! И с тобою тоже
случится то же самое потом.
И вас унизит мир и уничтожит,
но дело всё-таки не в том, не в том.

Всё дело в том, что жил ты бездуховно.
А дух — не прах ни ночью и ни днём.
Хоть лопни ты, телесно все умрём мы,
но — кое-кто — духовно не умрём...

1998

ИСПОВЕДЬ

Когда-нибудь и я за свет буду обласкан
души моей и за её высокий труд
хоть кем-нибудь... Она, душа, согласно
велению бога, к истине прекрасной
и красоте великой устремлялась, друг.

Она горела и пылала, а не тлела,
в страданиях и муках, как большой костёр, —
за кровный люд, за чувашей всегда болела.
И жил я для души одной, а не для тела,
и потому жизнь личную из жизни стёр.

Я не был графоман, а был фанатик мысли
и чувства и гармоний в естестве своём.
Не часто, редко поддавались мне и выси.
Мой дух тем самым жизнь мою возвысил,
преодолев тернистый путь, крутой подъём.

Я жив ещё и в будущность, как в бога, верую.
Я верую и в то, что слово не умрёт.
Взываю к истине, добру я, слог коверкая.
Считаю жизнь свою единственную — верной:
не для себя лишь жил я, о родной народ...

1998

НОЧНАЯ ЗВЕЗДА

Я сижу в тишине сумеречного предвечерья
и гляжу из окна в даль осенних тревог,
где дороги разбиты, лес спит, поле — в мареве чёрном,
где — безжизние, гнилость и гибель всего.

Ничего и в душе, и в душе не осталось
ни от вас, юных грёз белые лепестки,
ни от вас, светлых чувств золотые ростки.
В ней, в душе, — мрак и затхлость, усталость.

Ничего! — ни от вас, песни милые братства,
ни от вас, свет и красочность всех добрых дел.
Я растратил себя. Раздарив всё богатство,
мне вручённое небом, душой опустел.

И всю ночь безнадёжно смотря и туманно,
как мерцает звезда среди туч в вышине
одинокое, печально, бесхитростно и... иностранно
и желает меня подбодрить, — я сижу в тишине.

1998

ЗВЁЗДНЫЙ ЧАС

Пока он не пришёл, мой звёздный час,
но жду его. Придёт. Я в том уверен.
Придёт потом, в грядущем, не сейчас.
И встанет предо мной обетованный берег.

По морю мчась, извёлся парус мой,
в пути не знал он временами цели:
летели мы — куда глаза глядели.
Удачи уплывали стороной.

Я петь любил. То — явная удача.
И ради творчества я потрудился век:
без сна, покоя — вот был человек! —
жизнь постигал — заглавную задачу.

И я постиг её, с душой воспел
созвездья, землю, человека, птицу —
и то, что наяву, и то, что снится.
Воспел любовь, свободу — всё успел.

Но славен буду после, не сейчас,
жизнь пробежал светясь я и бунтуя.
Когда умру, придёт мой звёздный час,
и с той поры в бессмертие уйду я...

1998

ДЫХАНИЕ СМЕРТИ

В зыбком пламени свечи
в тихой пляске тени ходят.
Умирать, друг, не спеши;
хоть и сивый, рано вроде.

Милых женщин волшебство
пусть витает над тобою
как мечта, как божество
и, пусть, душу успокоит.

Пусть хранит, даст дней запас...
Иль любовь забыл совсем ты?
Кто же долюбил из нас,
кто не долюбил? Да все мы.

Не уйдём, не долюбя!
Дай полцарства за улыбку.
И какой такой тебя
дурачок сбил с панталыку?

Как же, друг, без женщин жить?
Не звучать без них и слову.
Жизнь в любви — не жизнь во лжи.
Без любви — без жизни словно.

Но любовь, сполна вкусив,
кинь, — не полюбил навечно.
И тихонечко гаси
ты её, как утром — свечку.

К новой женщине спеши;
хоть и сивый, можно вроде.
В зыбком пламени свечи
в тихой пляске тени ходят.

В зыбком пламени свечи
тихой тенью чьи-то души
пляшут, пляшут как ничьи.
Нету сна... И душно... душно...

1998

НАПОМНЯТ...

Всё хуже жизнь, так — год от года.
Не видно впереди ни зги.
На грани гробового входа
от жизни этой выть охота,
но — жди, терпи, выть не моги.

А ждать чего? Уйти куда мне?
И там — всё ждать, терпеть, терпеть?
Уйдёшь и тайными ходами
опять туда ж придёшь с годами —
терпеть, повыть и... умереть.

Никто не вспомнит о поэте...
В весну лишь только соловьи
напомнят вам на этом свете
о том, что Бог за всё в ответе:
то — Он мне не сказал «живи»...

1998

ПЕРЕД ЗИМОЙ

Отлетела осень...
Кто в лесу гуляет,
и свистит, и воет,
зиму подзывает?

Плачет и смеётся,
надо мной хохочет,
и дразнит, и кличет,
но понять не хочет.

Подхожу к рябине.
В пламени — рябина.
Горше красных ягод
у меня судьбина.

Всё о ней печалюсь,
не к добру всё это,
будто бредишь, сердце,
в беспробудном сне ты.

Отлетела осень.
Шум в лесу гуляет,
и свистит, и воет,
зиму навевает.

То ли это флейта,
то ли это скрипка?
То ль меня хоронят
под музыку Грига?..

1998

* * *

О ней и про неё я спел немало песен,
и, может быть, ещё не раз спою,
но ни в одну из зим и ни в одну из вёсен
единственную не нашёл свою.

Теперь я сед, теперь найду едва ли
единственную ту любовь свою.
И песнь мою, как в юности певал я,
уж в старости, как видно, не спою.

И всё ж, и всё ж не жить без этих песен.
Они мой смысл и счастье моё.
Любовь! Есть что её прекрасней и чудесней?!
Пою, пою о ней и про неё...

1998

* * *

В бой последний! Я готов...
В бой без цели и без света...
Жизнь осталась с ногтей.
Песня главная — не спета.

Песней главной ты стань,
той, которой так и спеть мне
не придётся — я устал,
жизнь всю отдавая песне.

И устал смертельно... Ты
для меня — царевна-лебедь.
Без речей, без суеты
взглянь на душу, не колеблясь.

И зажги её, зажги!
Оживу я, встрепенусь я!
И шаги, твои шаги
лёгкой поступью польются.

Как завижу вдруг тебя,
жизнь окажется безгранной.
И с тобой останусь я.
Будет это песней главной...

1998

Я ЖИЗНЬ ЛЮБИЛ

Я вас любил...

А. Пушкин

Я жизнь любил, она ещё, наверно,
меня пока поддержит, свет храня;
сказать, что — долго, было бы неверно,
не лицу себя надеждой больше я.

Я жизнь любил наивно, безответно;
то грустью, то бедой терзала жизнь.
Я жизнь любил так пылко, беззаветно —
любить её как я, о друг, не тщишь...

1998

* * *

Умчались дни мои; увяли розы
моей весны; мозги воспалены;
томится сердце; закипают слёзы
и в горле ком — как юны были мы!

Когда умчались дни, увяли розы
моей любви, я вспоминал в тиши
о том, что были мы, и были грёзы
светлей лазури и грустней души.

Умчались дни в осенние угрозы...
Печали ум и радуя невежд,
нежданно как-то, вдруг увяли розы
моей мечты, и славы, и надежд.

Бегут дни ныне в зимние морозы...
Сказал поэт: не жди среди зимы
цветенья роз, так как и дни, и розы —
все канут в вечность, вместе с ними — мы.

Потомки! Жду я вас на всё готовым.
Уйдём мы, и дорожные столбы,
встречая вас, напомнят всем о том вам,
что были мы, когда-то были мы...

1998

Я ПРОЙДУСЬ...

Я по снегу пройдусь, я пройдусь по метели...
А весной в сад цветущий войду — в белый дым.
И я вспомню, как вёсны одна за другою летели,
и каким был я юным и был молодым.

Я по вёснам пройдусь, где отважен был в песнях,
и особенно чутко я пел о весне.
В сад цветущий войдя, всемогущ стану здесь я,
превращу вешний цвет в белый снег, в белый снег.

И по саду пройдусь, как зимой по метели.
И покажется вдруг в свете майского дня,
что меня нет давно и что вёсны летели
с этих пор без меня, без меня, без меня...

1998

* * *

И бесцветно, и пусто кругом. Жизни нет
ни в природе, ни в людях. И осень-неряха
лес безлистый наполнила гнилью, скелет.
И ломает его с хрустом ветр-забияка.

Ах, весна, где же ты? Где ты, зябкий росток,
из-под снега отважный подснежник?
Где же, где нескудеющий свет и исток
многой забытой давно и угасшей надежды?

Но надежда придёт. И ручьи зазвонят.
Много вёсен пройдёт и подснежной отваги.
Будет творческий труд без нужды и без драки.
Бурно жизнь зацветёт, но не будет меня...

1998

ДРУГ...

Был многоцветен мир и светел...
Друг самый верный, где ты? Шёл
к тебе всегда я, не нашёл.
И за всю жизнь мою не встретил,
не полюбил тебя, как брата,
и не доверился, как самому себе,
держась весьма своеобразно
в моей страдальческой судьбе.

Был многоцветен мир и светел...
Где друг? Я к финишу пришёл
почти что, друга не нашёл.
И за всю жизнь мою не встретил,
не обнял я его, как брата.
И как-то мне не по-себе:
как всё не так, своеобразно
в моей пророческой судьбе...

1998

ТАЙНЫЙ ГОЛОС

Хоть совсем я не трус и есть в сердце отвага,
но страшусь, но дрожу, и, мне кровь леденя,
наяву и во сне душу жжёт голос мага,
всё твердит, что я умер и что нет меня.

Наважденье? Иль что? Не безумье ли это?
И пусть уши заглохнут, ослепнут глаза,
пусть не станет цветенья, весеннего света,
будь же твёрд ты, отважен всегда, до конца.

Но пройдёт год за годом, угаснет отвага.
Как-то раз я пойму то, что должен понять:
и засну вечным сном, и тогда голос мага
до меня не дойдёт, не разбудит меня.

Ну а если дойдёт, ну а если разбудит,
я в сияньи весеннего чудного дня
возвещу всем и вся о божественном чуде.
Будет свет, будет маг, но не будет меня...

1998

БОЖЕСТВО...

Божество юных лет — сама юность: бравада,
и напористый пыл, и упорство в мечте.
Главный идол и бог — справедливая правда,
кою ты не узришь никогда и нигде.

Но в таком состояньи, обманном, больном,
как бы в розовом сне, ты пребудешь так долго,
что забудешь себя; и о главном, большом,
перестанешь и думать в итоге.

Много раз прошумит вешних вод торжество,
отцветёт белый сад, свет весенний погаснет,
и окажется вдруг жизнь совсем не прекрасной:
божество юных лет — вовсе не божество...

1998

ЧТО С ТОБОЙ?

Что с тобою, друг мой, что с тобою?
Что-то стал ты нынче не собою.
Разве мог ты раньше, красоту заметив,
называть её змеёй, не красотою?
Что с тобою, друг мой, что с тобою?

Не заметил, может, не заметил?
Глянь, какая дева в душу светит!
Раньше ты носил их на руках
и любил как никого на свете.
А теперь вот даже не приветил.

То, что обозвал не красотою,
полоснуло сердце дикой болью:
уж не умерло ль к прекрасному чутьё
вместе с бывшей пламенной душою?
Что с тобою, друг мой, что с тобою?

1998

* * *

Корю себя: о Сениэль,
как много ты горел, шумел,
но кто увидел свет твой, кто,
и шум услышал, а? Никто!

Но всё равно: гори, душа!
Кровь, клоочки, поэта кровь!
Я верю в силу жгучих слов.
Ещё есть шанс, последний шанс!

Ещё живу, не потерял
я веру в жизнь, я не пропал.
Ещё не ищет призрак мой,
мечась, страдая, гроб, покой.

И стоит ли себя корить?
Горит душа? Горит, горит!
Пусть кой-кому не виден свет,
услышит голос — мой привет...

1998

НЕ ЗАБЫЛ...

Я не забыл. И вряд ли то забудешь,
пока живёшь, как вы оравой всей
взялись доказывать и утверждать всё злей,
что нет меня... Не странная ли участь,
когда ты есть, а говорят, что нет?
Гремишь, а говорят: ни звука?
Ты светишься, ласкаешь взор им, сукам,
они тебя сплавляют на тот свет
живого... Есть я, буду, братцы, был.
Ещё немало вам придётся всей оравой
орать и попотеть в борьбе неравной
меж мной и вами... Вас я не забыл.

1999

* * *

Слепа любовь моя: ни страха, ни рассудка.
Как и в те дни, любовь моя слепа.
Как и тогда, безрадостно и чутко
уводит от неё меня моя судьба.
Сомненья юности и в зрелости — сомненья.
Судьба моя, зорка ты, не слепа.
От верной гибели меня, самосожженья,
спасашь ты всегда, моя судьба...

1999

* * *

Всё лживо, господи! Какое оскорбленье
душе моей, усталой и больной!
И истина уж не горит, а тлеет;
сторонится меня шедевр мой.
Вот был обман, красивый и нарядный,
почти сто лет нам сердце оживлял
да сгинул, испарился безоглядно...
С тех пор в душе — и скорбь, и боль, и яд.

1999

МОЛОДОСТЬ СТАРОСТИ

Что ж... хоть и руки, как прежде, воздеты,
реже, всё реже гляжу я вперёд.
Молодость старости прячется где-то,
самый последний расцвет настаёт.

Радость и грусть, грусть и радость, как сёстры,
я им как брат, как названный им брат,
но — не родной, о высокие звёзды,
звёздные выси, о звёздный парад!

Хочется в высь, а взлететь не сумею.
Чувствовать хочется, нету их, чувств.
Мыслить могу, от любви пламеня,
ну а любви самой нету, и — пусть.

Пусть я не будущим, прошлым пусть греюсь:
прячутся нервные вспышки там гроз,
юность и молодость прячутся где-то,
где я не мог песню слушать без слёз.

Молодость старости — лето, быть может,
даже не осень, не то что зима.
Старости молодость, старости молодость,
ты мне — как молодость, юность сама!

1999

* * *

Ну как же так, жизнь вся уж позади...
Как быстро всё и скоро промелькнуло...
Что впереди? А вот что впереди:
конец и мгла... О как всё дико, глупо.

И нет друзей. Кругом — одни враги.
Предать забвению меня и имя
мечтает круг их. Я, гнушаясь ими,
в отчаяньи кружусь. Вся жизнь — круги.

В груди моей — и боль, и стон, и страх,
и... огонёк зажётся... Все провалы,
я, освещая тёмные, в кругах,
нашёл и доброту, и честь, и славу.

Нашёл любовь... во всех её обличьях.
Я мать любил. И стала жизнь как мать.
Я понял всё, и понял я отлично,
что мне ещё чуть рано тосковать.

Что то, что позади, не позади,
а впереди, и что предать забвению
меня и моё имя не сумеют,
когда из огонька — пожар в груди!

1999

СЕСПЕЛЬ

О, божий дар в сѣм мире божьем!
О, истинных поэтов племя,
ничем на смертных не похожее!
Всегда над вами смерть довлеет.

В каких бы сферах ни витали,
всегда одни вы, и вас били.
Недолго жил и я, не дали,
свои же люди погубили.

Погиб. Такой уж жребий вышел.
Поэт не секретарь обкома
ВКП(б), не царь, о ком нам
толкует власть, он больше, выше.

Властитель дум и властелин я
среди людей по силе духа,
где косность в душах и разруха,
животный страх и истерия,

где драка за кусок и место,
где мрак, а света не бывает,
и даже гении имеются,
но их не любят, убивают...

1999

* * *

Кручусь в кручине ли под вечер,
иль корчусь в горе днём, таясь,
я буду, буду, буду вечно,
и после смерти буду я.

Судьба мне муки подвалила,
чтоб я познал страданий боль.
В страданиях и муках — сила
моей души, моя любовь.

Душа пылает и поныне,
не умерла любовь моя.
Доколь крутиться мне в кручине?
И долго ль буду в горе я?

Нет, долго нам не засидеться.
Хоть я с тобой и расстанусь,
тебя люблю, о жизнь, всем сердцем,
грядущей смерти не боюсь.

Не понапрасну жил как будто,
страдая, мучась столько лет:
всегда, всегда, всегда я буду —
я для того пришёл на свет!

1999

ПОДРУГЕ

Есть слава, есть любовь, есть жизнь и смерть.
Но есть ли счастье на земле? Ответь ты.
И если есть, то я к минутам этим
охотно постарался бы поспеть.

Ни к славе, ни к любви так не спешил,
как к музе я, её считая жизнью,
хоть и любовью сам и славой жил,
и смерти забывал бояться и страшиться.

Я забывал о грусти и тоске,
но помнил истины одной предвзятость,
что жизнь моя висит на волоске,
коль разорвёшь — никак уже не свяжешь.

Не бойся за меня, подруга, не страшись.
Ужель такой я жалкий и смешной по виду?
Как славу и любовь коль пережил я жизнь,
и смерть переживу, как страх или обиду.

Труды бы только завершить успеть.
Ведь не умру же вдруг я, в одночасье.
Есть слава, есть любовь, есть жизнь и смерть,
и, значит, дорогая, есть и счастье...

1999

* * *

Что же это, друг мой, что же это?
Друг мой милый, ускользает жизнь.
Знаешь, надо жить, пока живётся,
всё, что начал, с блеском завершить.

И не вязнуть в новых начинаньях.
Слишком куцый впереди наш путь.
Мало, мало одного желанья,
уж когда нет сил — разумным будь.

Что же это, друг, ужель уходим?
Незаметно. Исподволь. Шутя.
Кто угоден и кто негоден —
всех метёт метла, всех, не щадя.

Но не впасть нам в горе и унынье:
раз родился, должен умереть.
Перестанем ныть и выть отныне,
петь и веселиться будем впредь.

...Только вот нас нет уже, мы где-то
там, в раю, в аду, — в одной из сфер.
Что же это, друг мой, что же это?
Друг мой милый, неужели — смерть?

1999

ЖИЗНЬ МОЯ...

Жизнь моя, хлеб всегда был твой горек.
И теперь, когда близится срок,
тихой тенью, убитою горем,
горбишься в тупике ты дорог.

Ах, давно ли и стан твой, и плечи
юной дрожью сводили с ума.
А теперь всё ушло, всё далече,
лишь остались костыль да сума.

И давно ли высокие груди
трепетали, так жарко дыша?
И теперь, и теперь меня нудит
припадать к ним больная душа.

Может, это и лишне, и всеу
в наши годы, чудак-человек?
Но я знаю: огни поцелуев,
жизнь моя, продлевают твой век.

Пламенею к тебе жаждой жгучей.
Я навеки поверил в тебя.
Каждый час, каждый миг, каждый случай
твой люблю, восславляю, любя...

1999

* * *

Судьбы ударом роковым
не раз повергнуты мы были —
нас били, к смерти торопили.
Казалось: жизнь — не жизнь, а дым.

Казалось: свет — не свет, а мрак.
И вот меж нами нет доверья.
О друг, прощай! Ужель поверил,
что друг — не друг, а скрытый враг?

Прощай, о друг, прощай, прощай!
Теперь увидимся едва ли.
Растаял свет как ни бывало.
Расползся мрак... вдруг... невзначай.

1999

* * *

Хоть и сделали народ мытарем,
хоть и всласть издевается власть,
нет, из сердца не вытравить
дух свободы, тому не бывать.

Хоть и брешете всегда складно вы,
хоть и ложь удаётся пока,
захлебнётесь, исчадия адовы,
все — своей же слюной на века.

Хоть и бдительность у вас высшая,
хоть и очень опасен шаг,
я хочу, чтоб была выжжена
жгучим духом свободы душа...

1999

* * *

Луна вешней ночью льёт мне свои чары,
льёт мне свои чары луна.

И пахнет сиренью, и плачет гитара,
и плачет гитара, и стонет страна.

Зачем она стонет? И что за напасти,
какие напасти постигли её?

Страна подыхает в драконовой пасти,
в драконовой пасти живя, слёзы льёт.

Но я не заплачу, пусть плачет гитара,
пусть плачет, но я и страна
осилим дракона — восстанем, ударим...

И пусть свои чары льёт ночью луна.

1999

ВЕТЕР

Как свищет ветер, воет как!
Зло ветер свищет.
Не по моей душе ли рыщет
как волк? Иль воет по волкам?

Мне хоть бы что: умру ль сейчас
иль чуть попозже — хватит, пожил.
Я уж готов... всё подытожил...
Я жду тебя, мой смертный час!

Пусть свищет ветер, воет пусть,
зло жертву ищет,
нас нет нигде, лишь волки рыщут —
мир опустел, он дик и пуст.

Свистел донине, свищет ныне,
во все он свищет времена.
О, дорогие имена:
о, Прга! О, Сеспель! О, родные!

Я не последний ли поэт,
о други, после вас? Ушли вы
так рано... Так душе тоскливо...
Вас нет — нет света, жизни нет.

Лишь ветер свищет на дворе,
лишь ветер свищет.
Душа других друзей не ищет.
Заснуло сердце. В сердце — бред...

1999

КАЗАНКОВ

Мне стыдно, но скажу, что с ним я
был, к сожалению, знаком.
Никто с меня вины не снимет —
был даже чуть к нему влеком.

Вслед за другими — и я тоже
сдружился... И не лопнул чуть,
когда узнал, что он — святоша,
губитель тайный светлых душ.

Когда узнал, что подражатель
без дара божьего совсем.
И не сходиться, а сражаться
с ним, с жуликом, нам надо всем.

Инертность нам всегда присуща
и — стадность... В нашей стороне
внушали не поэта сущность,
а классовость — в моей стране.

Где вкус к поэзии так жалок
и так измельчен был, таков,
что не Поэты верх держали,
а Подражатель Казанков.

Обкомом партии внушённый
его лжеобраз прилипал
к нам как липучка — в мире тёмном.
И до сих пор он правит бал...

1999

* * *

Вот вновь весна. О, скорбь весенних веяний!
Как полон был надежд я, мыслей, чувств
в те дни моей весны, в дни вдохновений,
в дни юности! Я к ним обратно мчусь.

Душа больна всё вами, золотые.
Лишь с вами мне теплее и светлей.
О, праздник жизни, ты ли это, ты ли?
И я ли я — в цветах весны моей?

Коль это я, в весне пребуду вечно.
Весна и есть весна, хоть и грустна
в дни нашей старости, в пути конечном.
И как всегда — бедна, тускла, трудна.

Конечно, тут на печку хорошо бы,
но жить, но чувствовать, к тому же — петь
всё ж надо, не живой же труп, и чтобы
жить без конца — я должен умереть...

1999

* * *

Нет гениев. И не было. Есть гений
один-единственный. То — бог. Да, да!
И я, как автор скорбных песнопений,
не забывал о боге никогда.

Вокруг — и стыд, и срам, а не эпоха.
Когда грозитя столько морд и рыл,
я — в боге, он — во мне, молю я бога,
чтоб он смерть лёгкую мне подарил.

Я скорбно пел, пою всё так же скорбно:
народ мой бедный, еле дышишь ты.
Шуты весь мир проглотят, видно, скоро:
куда ни кинь, везде — шуты, шуты.

Ужель они сильнее даже бога?
Неужто бог допустит полный крах?
И стыд, и срам вокруг, а не эпоха.
И главный бог не бог теперь, а страх.

Нет гениев. И не было. Тот гений
один-единственный — не бог. Да, да!
И я, как автор скорбных песнопений,
не забывал об этом никогда.

1999

* * *

Не знаю, есть ли вечная любовь,
но есть, я знаю, вечная разлука.
И потому из любящих любой,
в любовь не веря, верит разным слухам.

По этим слухам, не сурова жизнь,
она как сказка — красочно красива.
И некая загадочная сила
влюбляет нас, гудит, любовь вершит.

А сила эта — юность и гормоны,
любовь творящие в телах тугих.
Нет никаких загадок, охломоны,
и нет других причин, волшебств других.

Влечение полов — не вечная любовь.
Влеченье к красоте, огонь духовный,
и одержимость на всю жизнь, и боль —
не обитатели в среде греховной.

Но где она — иная та среда?
Здесь на земле найти её нет мочи,
здесь сочтены и дни мои, и ночи,
разлуки жду и — божьего суда...

1999

* * *

Слишком сложно говорить не стоит —
и запутанно, и непонятно.
Нужно слово самое простое —
слушать путаника неприятно.

Любишь ты красоты и сложность.
Умница. Талантлив ты, мы знаем.
Но всё то, что сочиняешь, ложно:
нет, не завораживает заумь.

Возвернись к себе, к тому, простому.
Не таи себя, раскройся, пареньь.
К горестям народным, боли, стону
обратись — ты смел и не бездарен...

1999

МОЯ ВЕСНА

Весна моя, побудь ещё со мной!

И. Северянин

Я с каждую весною удаляюсь
всё дальше нынче от моей Весны.
Моя Весна! Надежда. Грёзы. Сны.
С весной всегда я молодой гуляю.

В весне всегда — и вера, и любовь.
Я верю в жизнь, в неверие не веря,
и верю — как в мечту... И я уверен:
мечта осуществима с юных пор.

И будто бы не я тот труп живой,
оцепеневший в страхе от разбоя
летающих лет, нас губящих без боя?
Душа юна, я стар... О, боже мой...

Не уходи, побудь ещё, побудь!
За что, Весна, прощаешься со мною
так рано ты? Побродим под луною
ещё немного, года три хоть, чуть...

1999

* * *

Люблю, когда есть в сад окно,
когда есть тропы и аллея.
Не молод я, но всё равно
о светлых днях мечту лелею.

Ещё не поздно, дни придут,
придут и ночи, будут лунны,
луч заиграет там и тут,
спеша в оркестр многострунный.

День будет светел, ночь светла.
И нет прекрасней и чудесней
поры, когда звенит весна
лучом и соловьиной песней.

Я, к финишу идя, всю жизнь
от лунного балдею света.
В нём для моей души сошлись
и грусть, и радость, и приветы.

За время долгого пути
я вёл себя с тобой надменно.
Касаясь клавишей, прости,
не плачь под Грига и Шопена.

Ты плачь под музыку Весны.
Весна в душе не увядает.
Ты плачь под музыку луны,
когда луна — душа летает...

1999

СИРЕНЕВАЯ НОЧЬ

Сиреневая ночь. Волшебник-соловей
мне песнь слагает о любви своей
к печальной розе золотой. Печально
смотрю я на луну, на сад, и всё сильнее
душа болит. И я не сплю ночами.

При лунном свете о моей тоске
кому мне рассказать, и где, и с кем
мне петь о времени первоначальном,
о юном времени, скакавшем налегке, —
о розовом и светлом, не прощальном?

Тогда и у меня была любовь.
Друг друга понимали мы без слов,
о, роза золотая! Но мгновенно
то время пролетело — путь суров.
Ах, ночь сиреневая, ты... благословенна!

1999

* * *

В предчувствии разлуки я гляжу
на мир опухшими глазами.
Я часто плачу... плачу, да... чтоб вы сказали,
что я сентиментален, что я — шут.

И что — играю роль, и потому
особенно противен, как двуличный
и лицемерный тип, как еретичный
прохвост, обманщик, баламут.

И жизнь, и смерть вам всё одно.
Вам непонятны наши муки.
И вы, предчувствуя разлуку,
не плачете, сие вам — не дано...

1999

МЕРЗАВЕЦ

Я, как всегда, неразговорчив, хмур.
И, как всегда, меня приводит в ужас
проведший век, ни разу не чихнув,
мерзавец. Вот — здоровье! Вот — живучесть!

Нет сердца у мерзавца, нет души.
Бездушному легко, не больно в мире:
мир рушится, мир гибнет, гибнет жизнь,
а он спокоен, он — проходит мимо.

Он сыт, одет, обут — нагребил он
и для себя, и для родни богатства
на много лет: успел, сумел дорваться —
в трагедии мятущихся времён.

Но — тщетно всё! Есть кара, божий суд!
Так будет холодно ему, так жарко,
что, хоть и не чихал, окончит путь
бесславно, бесполезно, глупо, жалко.

О нет, не сможет отвертеться, нет.
Ведь призрачно всё, призрачна живучесть.
И оттого подлец приходит в ужас:
неразговорчив, хмур — припёрт к стене.

1999

* * *

Цветёт и сирень, и калина,
черёмуха отцвела.
Давно ль ты меня хвалила,
беседы со мной вела?

И сам я к тебе тянулся,
чего же греха таить:
мне нравились волосы русые,
глаза голубые твои.

Мне нравился голос твой мягкий,
и тембр его, и тон.
Звучит почему он двояко —
не думал пока о том.

Но как-то однажды заметил,
как грубо он зазвучал.
И тут усомнился в предмете,
который для души избрал.

И стал осторожней в чувствах —
с улыбкою наблюдал,
как в сети берут нечутких
для прихоти дев и дам.

Бывает ли жизнь мрачнее?
Не жизнь, а петля и гвоздь.
Но ты и хитрей, и страшнее,
прожжённая ты насквозь.

И это я скоро понял
(и чуткий, и не дурак),
когда брал тебя я с бою
в одной из дурацких драк.

Пусть хоть ты тогда и хвалила,
но к смерти меня вела.
Цветёт и сирень, и калина,
любовь... отцвела.

1999

В ПУСТЫНЕ ЛЮДСКОЙ

Ах, что же я не иду бодро —
болит душа и сердце стынет?
Я жизнью ограблен, обобран.
И я среди людей, как в пустыне.

Я ною, и это не ново.
Я всем надоел хуже смерти.
И проку в нитье немного,
и нить потому не смейте.

Не надо также и плакать —
слезам никаким не верят.
Прёт в душу всякая пакость,
для чистого — закрыты двери.

И, видно, не идти, плестись мне
в пустыне людской до точки,
служа пустоте, не Отчизне,
как в истинной жизни, дотошно.

Нет разницы: горюй, не горюй ты —
так грубо пришельцы жизнь попрали.
Полны стремленья каины-иуды
погнать нас дружно на поле брани,

чтоб там мы смогли перещёлкать
друг друга, как прежде в гражданской.
И мёд твой не мёд, жизнь, а дёготь,
иного нам вряд ли дождаться.

Хотелось бы, да нету ходу:
страна умирает — жалко, обидно.
Не то что летать, плестись неохота,
подбито крыло, а душа убита...

1999

* * *

Луна. Тишь и синь. Высь и вечность.
Душой улетаю в зенит.
Звени тихо, сердце, звени.
Вяжи кружева, лунный вечер.

В округе шалют соловьи.
Меня соловьиные ночи
уносят в мечту, в мир любви,
где свет и весенние рощи.

А в рощах — цветенье полян.
Цветы, я от юности пьян!
О, чувства, в святых ощущениях
от счастья горю каждый день я.

От счастья гремят соловьи
и светятся девичьи очи,
поёт о бессмертии любви
душа моя — светлый друг ночи.

Не будет она леденеть,
зелёный, весенний мой вечер,
когда со мной наедине
луна, тишь и синь, высь и вечность.

1999

В РОЩЕ

В роще этой берёзки все стройны,
а тропинок... ну просто не счесть.
Вот иду тихо: жизнь так устроена,
что и старому радость в ней есть.

На судьбу потому и не сетую.
Стайку девушек встретил. Одна —
совсем юная, ладная, светлая.
Заглянула в глаза мне она.

И я вздрогнул. Она покраснела,
взор потупила, мимо прошла.
Я молчал, и стоял как во сне я —
душу всю своим взглядом прожгла.

Встрепенулась душа и крылато
мне сказала, что я молодой.
И я сделал об этом балладу —
о любви и поре золотой.

Юность, юность! Пора золотая!
Ты — во мне, я — в тебе навсегда.
Роща вешняя, девичья стая
не покинут меня никогда.

Не стареет душа, как залётный
соловей, свищет в роще большой.
И умру я, наверно, столетним:
дряхлый — телом и юный — душой...

1999

* * *

Ещё не умер я,
пусть мой лик ловит зеркало.

Вы тайком от меня мне делаете рожи.
И это видит моё зеркало.

Вы тайком от меня злословите, ссоритесь.
И это слышит моё зеркало.

Вы тайком на меня злой умысел держите.
И это знает моё зеркало.

Ещё не умер я,
не перевернуто моё зеркало.

1999

* * *

Когда умру...

Гарсиа Лорка

Умру когда,
не радуйтесь, и вы умрёте —
недолог путь.

Умру когда...
Загнётесь, в небытие уйдёте
когда-нибудь.

Умру когда...
И никто нас вернуть не во власти
никогда.

Поплачьте,
умру когда...

1999

В ЮНОСТИ...

Бывает в весне такое,
такое бывает в весне:
душа от восторга занает,
как будто всё видишь во сне.

Бывает в ночах весенних,
в весенних бывает ночах
и грусть, и печаль, и... весёлость,
как в нежных твоих очах.

Есть что-то в тебе такое,
такое, что я без сна
всю ночь прохожу и запоем
читаю стихи, Весна...

1999

ВЕСЕННЕЕ

Вот будет тихий день, иль пасмурен, иль светел,
и листья молодые зашелестят в саду.

Ты жди меня, ты жди, лишь я один на свете
тебя пойму и успокою, и верно поведу.

Нарву тебе цветы, хоть и спешу, ведь надо ж,
чтоб на столе, приветствуя нас целый день,
звенел душисто, в вазочке, серебристый ландыш,
кивала нежно нам лиловая сирень...

1999

* * *

Я всю жизнь люблю свет, а не тьму.
И всю жизнь нас преследует мрак.
Состоит он из ссор и из драк.
И не нужен нам мрак потому.

Люблю свет, а не тьму я всю жизнь.
А те, кто ненавидит меня,
в тёмный омут напрасно манят —
сатане я не буду служить.

В грех впадал, я грехи замолю.
Хоть какие настанут года,
я на мрак не пойду никогда.
Нет, не тьму, я всю жизнь свет люблю...

1999

* * *

Здесь чуждо всё и незнакомо,
и всё чужое — как злой язык.
Все вещи будто незаконны —
невнятен, тёмн их язык.

В чужом краю — чужие страсти,
чужие дни, чужие страхи.
Светясь иною стороной,
и мир ночной совсем иной.

Здесь жизнь творят чужие люди,
чужие мысли жизнь творят.
Иной полёт здесь души будит,
сердца иные здесь горят.

Но чувства без конца и края,
о как пугая, привлекает
свет незнакомый и чужой,
с моей соседствуя душой!

И всё становится знакомым.
И всё чужое, как мой стих,
ложится в строки так законно,
что засверкает слог, язык...

1999

* * *

Однако, вечность нам зачем?
Чтоб вечно ждать, стремиться вечно,
надеяться? Потом совсем
уйти из жизни скоротечной?

Дни сочтены, и ночи — тоже
у всех, у всех, мой скорбный друг.
Кто полувек, а кто чуть больше
живём, свой замыкая круг.

Друг заколдованного круга,
ты убеждайся вновь и вновь:
бывает вечная разлука,
никак — не вечная любовь.

Чьей памятью нам и чьей грустью
прожить, гонения терпя?
Всё ж встанем за любовь все грудью
и защитим, любовь, тебя.

И пусть, как лист, я поседел
и, как орешник, я согнулся,
к подруге всё ж не охладел —
душою вечности коснулся...

1999

* * *

Гляжу направо я, налево...
Вам до меня и дела нет —
из тысячи моих напевов
и одного б хватило мне,
чтоб всех в восторг прийти заставить
иль — тихо плакать каждый день,
печально на меня уставясь, —
хватило б, только б захотеть,
но не хочу, не те вы люди,
и люди ли вы вообще:
не песню просите на блюде,
а голову, как дев — кощей...

1999

ЖДИ...

В чужое горе не встревай,
ты сам горюй, давай, давай!
Терпи, душа, гори, душа,
и горе, и беду круша.

Порой, когда невзвидишь света
ты белого, не страшно это.
И если почернеет свет,
беды особой тоже нет.

На новый свет глаза летят,
его душе вернуть хотят.
Кто там страдал? Какое горе?
Терпеть нам и гореть доколе?

Кто горе сеет, радость жнёт?
Хоть жалко плюнуть, плюну вот!
Кто радость людям сеет, знаю,
тот больше всех гоним бывает.

Но он идёт и к нам придёт.
Вперёд, о друг, вперёд, вперёд!
Ветра ли в поле иль дожди,
ты жди его, и очень жди...

1999

* * *

Мой талант поэта беспредельным
кажется иным друзьям моим.
Молят бога, чтоб весь вышел я и чтоб смертельно
поразил меня недуг на радость им.

Я ни перед кем не унижался, гордый сильно,
да и сам не унижал я никого и никогда.
Тот, кто жаждет, чтоб скорее умер я, чтоб сгинул,
ставит высоко мой божий дар.

Но как выйду весь, как кончусь, вы не смейте
радоваться: всё, мол, сгинул вот.
Смерть ещё не всё, есть далее — бессмертье,
далее есть в вечность переход...

1999

ВАСИЛЬКИ

Воспеть хочу цветы и хорошо воспеть...
Я пел о розах и самого себя стыдился.
Мне петь о них, я думал, просто дико,
мне, деревенщине, возвращённому в избе.

Ах, мне бы васильков... Я розы люблю навряд ли.
К ним в рифму просятся «морозы» или «слёзы»,
вот почему не очень по душе мне розы.
Ах, мне бы васильков... Просты они и чуть нарядны.

Их вид целителен для страждущей души.
Мне нравится, люблю их скромный шик.
О, простодушные! Я жажду вас увидеть,

вас, полевые братья, светлые друзья,
вас, васильки, люблю и уважаю я
здесь, в городе, — не розы вы, поймите...

1999

СИРЕНЬ

Моя весна, пора моя святая!
Моя сирень! О как вы мне близки!
Лилово-голубые лепестки,
цветите дружно вы и долго увядаете.

Ах, как давно, в далёком, там, благоухали,
зоя меня в таинственную даль.
И всё цвели, цвели и опадали,
взор устремляя светлый не сюда ль?

Сюда, в грядущее... И грянул я, отважный,
с любовью и тоской приветствуя бесстрашно
свой грустный, беспокойный, скорбный век.

Не от тоски я пел, не для забавы,
сирень вдыхал, трудился не для славы —
но ни один меня не понял человек...

1999

С ТОБОЙ...

Друзей немало есть в округе.
Кого я назову судьбой?
Со мною — други и подруги,
лишь нет тебя, но я — с тобой.

Нас только двое, третий — лишний.
То — воет ветер. Улови,
о чём он воет, отделившись, —
о гибели иль о любви?

Не опускай в печали руки,
не посчитай любовь бедой.
Со мною — недруги, не други,
и нет тебя, но я — с тобой.

Уймись, тоска, отравя ночи!
Благословляя боль разлук,
благословляю и сей почерк —
следы страстей, душевных мук.

Наедине с тобой — как с песней,
как сам с собой, с своей судьбой...
С тобой в разлуке я, не вместе,
один, но всё-таки — с тобой!

1999

ВЕСНА

Весна моей жизни — весна,
не юность и не высота
моих достижений, не знак,
полученный ею. Всё так.

Но мненья людей разошлись
с моими, и я уточнил:
весна моей жизни — вся жизнь,
не важно — где жил и как жил.

Я мал был, а мир был большой.
Всё ждал, что сойдёт благодать.
Возвыситься чтобы душой,
раздумчив был не по годам.

И всё ж благодать низошла.
Душа вострепелась моя,
насквозь её искра прожгла.
Схлестнулся тут с рифмою я.

На первое время дела —
чуть плохи, и цель — не ясна.
А искра-то божья была.
Вся жизнь потом стала весна.

На небо дивятся глаза.
С небес так и льются лучи.
По-райски поют голоса.
И чувства светлы, горячи.

Ни страх, ни сомненье с тех пор
меня не пугают уже.
Исчезла, отхлынула боль —
спокойно, легко на душе.

И понял я, жизнь полюбив,
что мысль моя бьётся не зря
так сильно и смело, что жив
я, чувством и мыслью горя.

И то — вдохновенье моё.
В нём нету начала, конца.
Когда в тебе сердце поёт,
улыбка не сходит с лица.

Дана мне весна на всю жизнь.
Прекрасна она и красна.
...Уйду я, и там ты зажгись,
весна моей жизни! Весна!

1999

* * *

Собака без хвоста бывает,
а хвост бывает без неё?
Талант без дара не сверкает,
а дар — ой редок он, ой-ой!

Талант и дар светлы, не тёмны,
и истинны, не ложны, нет,
свободны и непринуждённы —
подобен смерти им запрет.

Талант и дар одно и то же
и рядышком во всём, всегда.
Когда талант мы подытожим,
мы подытожим тут и дар.

Талант без дара не бывает.
И дело не идёт на лад
ни у кого — зря уповают:
талант без дара — не талант.

И бездарь пусть не забывает,
что есть тут некий свой зигзаг:
да, пёс и без хвоста гуляет,
а хвост куда пойдёт без пса?

1999

* * *

Живите! Хоть давно просрочен срок,
не гаснут, нет, в душе боренья.
Люблю иль ненавижу я, болея
за вас, о люди, в чувствах вижу прок.

Людей бесчувственных кляните без эмоций.
Каскадом слов мерзавца не проймёшь.
Уж лучше в морду дайте, если можно,
чтоб сразу понял грубой силы мощь.

А чутких и душевных ободряйте
присутствием своим, участием, добротой.
Отсутствие желанья повод разве
бежать? Вернись, о друг мой дорогой!

Ведь то, что вечно, это свет души.
Лишь свет в душе и добр, и прекрасен.
Ведь счастье и бессмертье это — жизнь.
И только свет, и только свет жизнь красит.

Всё то, что милосердно, — свет, не мрак.
Взвихритесь, чувства добрые, проснитесь,
коль нет вас в яви, в светлых снах приснитесь.
И да пребудет свет всегда — в мирах...

1999

* * *

Разбойное время... В его завихреньях
непросто остаться в живых.
Я вроде живой ещё, вроде привык
к угрозам и хамству, к пустым заверениям.
Вот вы, люди юные, сможете ль вы?

Вот ты, симпатичный свободный художник,
зачахнешь ведь, нежный, сгоришь.
Богемная жизнь, лжесвобода, гашиш
иль опий какой — не живительный дождик,
а смерть — здесь не Лондон, не Рим, не Париж.

Загнали искусство, поэзия гибнет,
в шута превращён знаменитый поэт,
поёт в кабаке знаменитый певец.
Мучительно слышать об этом мне гимны
в среде демократов, где каждый — подлец.

Забыты все речи, забита свобода.
Я, вечным искусством горя,
не крикну: «О где ты, заря?
Приди, освети ты дорогу народам!»
Не крикну напрасно и зря...

1999

* * *

Живу, и с каждым годом келья
моя становится тесней.
Я — кто? Писатель Сениэль я.
И жизнь вокруг всё злей и злей.

Один, как перст, но не умею
я всё ж в недостатке, сытно жить.
Хвалить меня ни в коей мере
нельзя — не смог добра нажить.

На хлеб бутылки собираю
от пива, водки и воды.
До полного дошла жизнь рая.
Не видно ничего сквозь дым.

И жизнь как сон в чаду обманном.
Все врут и лгут — мир обнаглел.
Все хапают и грабят в странном
неистовстве — мир обалдел.

Насилуют и убивают...
Звереют люди на глазах.
Все стервенеют, забывая,
что есть закон, есть совесть, страх.

Абсурдна жизнь, но и подсудна.
Есть грозный суд и судия:
нельзя вести себя паскудно,
коль есть они, страна моя...

1999

* * *

Славянин без варяга был вял,
не умел жить он жизнью хорошей.
На Руси их всё меньше, славян,
ну а русских всё больше и больше.

Обрусела мордва, мурома
и десятки других — чудь и весь... что ж...
Стала сотням племён как бы мать —
Русь, но стала, как ведьма, зловеща.

Кровожадна, коварна. Упырь!
Выжигала и жгла, обирала.
Убивала, забыть заставляла
и язык, и культуру, и быт.

Презирая, как низших, нас всех
не людьми, а скотом называла.
Забирала и землю, и свет —
инородцев всех в гроб загоняла.

А потом и русак стал таким,
из татар, из мещер происшедший.
Было много их, много других,
с разных мест нас душить к нам пришедших.

Спесь славянская, русская спесь...
Есть она и поныне, как смесь
самогона и водки, не скрою —
и её не так скоро зароешь.

Но теперь-то Русь изнемогла,
поредели ряды её страшно.
Убывающей кровушки мгла
как наступит — в могилу затащит...

1999

ПРОРОЧЕСТВО

Русь всегда и трясло, и качало...
А теперь её стали взрывать.
По всему, это только начало.
Так и будет, чего тут скрывать.

Бич, раба и нечистая сила,
и орда разноликих племён —
ты простёрлась и ты возносилась
до сегодня с тех давних времён.

И двуглав твой орёл, и когтист он.
И тюрьма твоя, меч и картечь
нам не зло и не смерть — благо чистое.
И чего же нам больше хотеть?

И сестра ты, и мать... Полно врать-то!
Ложь твоя наконец дала сбой.
В душах неколебимые рати
вызывают и спесь, и разбой.

Ненавидим тебя, не приемлем!
И сколь много бы кровь ни лилась,
б ы т ь с в о б о д е ! Народам и землям —
хуже смерти твой дух, твоя власть.

Не враги были мы. Ты, держава,
захотев Третьим Римом побыть,
в обручах нас, в стальных, содержала,
тлен внося в бытие наше, в быт.

И ты сеяла смерть — где б нам скрыться?
Сеешь смерть на земле, в небесах.
По следу кровь идёт — за убийцей.
По следу за врагом — кровь, слеза.

Вострубили давно трубы плача.
За тобою следит сам Иус.
И убийца ты, Русь, и палач ты.
Настаёт страшный суд, божий суд.

Все деянья твои — перед Богом.
Перед Богом — все ночи и дни.
Покаяньем лишь сможешь глубоким
искупить всю вину перед Ним.

Ведь за теми, кто на белом свете
были кладезем мрака и зла,
кровь идёт, чёрной метою метит,
нет кровавым тем метам числа...

1999

* * *

Со шлюхами я не бываю в ссорах,
всё понимая в их худой судьбе.
Когда одну из них привёл к себе,
хоть мне под шестьдесят, сказала: «Вам — под сорок».

— «Под сорок, — я ответил, — вам — семнадцать?»
«Семнадцать, несмотря на зрелость лет.
Выходит, как и вы, мы не стареем, значит.
И шлюхам, и поэтам смерти нет.

Мы вечно юны, как и вы, поэты...»
Подруга, стой! Согласен я с тобой!
Готов всю ночь шуметь и петь про это,
в культ возведя поэзию, любовь.

Обильная, но ты не проститутка.
Наивная, без крыльев, без мечты,
тут, видишь ли, гляди, какая штука:
с душой доверчивой несчастна ты.

О, нежная, прости меня, девчонка.
Ты даже и не шлюха, ты — сестра.
Могу сказать и больше: ты — светла.
И это — навсегда, без тени, чётко...

1999

* * *

Как ночь поистине —
душа, когда сраженья
идут за истину
и гибнет добрый гений.

И гибнет дух свободный.
И гибнет дух свободы.
И плачет тварь: «О, бог мой,
дожить бы до субботы!»

А после? Воскресенье!
Воскреснуть бы и — точка.
И в этом — всё спасенье,
всё тварье средоточье.

Спасай Отечество
от бед бесчисленных,
о дар пророческий!
О дар бессмысленный...

1999

* * *

Всех нас коснётся тьма и тлен —
не будет мир благословен,
увянет роза на окне;
среди горя, лжи, нужды, измен
враждебной станет жизнь ко мне.

Увяну до поры и я,
отправлюсь, бедный, в те края,
откуда ходу нет назад,
где жизнь — не жизнь, а ад, ай-яй!,
где со смолой котлы кипят.

Я весь в грехах. И как мне быть?
Пред богом что мне говорить?
Он тот, кто рек: да будет свет!,
смог человека сотворить,
чтобы потом свести на нет.

День светел, улица светла.
И до меня она была
и светлой, и бурливой, друг.
И после будет... Вот дела...
Таков круг жизни, скорбный круг.

1999

* * *

Моя живая тень давно не ждёт тебя.
Ещё не умер я, а мнится, будто умер.
Звучит твой голос, душу теребя,
весь в прошлом — заунывно, словно зуммер.

Живой ещё, хочу воды живой
испить, пока не утолю я жажды,
ну а испив, оставлю мир однажды,
чтоб навсегда забыть злой зуммер твой.

Уйдёшь и ты, когда-нибудь уйдёшь,
не возвращайся же на путь свой прежний,
тревожа сны живых, крестясь небрежно,
дочь сатаны и херувима дочь.

Душа моя, безгрешна и ясна,
в себя глядит открытыми глазами
и, самоё себя вдруг осознав,
лучится неземными голосами.

О чём поют-лучатся голоса?
Моя живая тень о том не знает.
...Идёт июнь, потом июль — за маем,
ну а потом... не плачьте, о глаза...

1999, июнь

* * *

Пришёл ты, побыл и ушёл.
Пришли вы, побыли, ушли вы.
Все мимолетны, все трусливы.
Надолго храбрый не пришёл.

Кому везло, не повезло,
в путь одинаковый пустились,
впадая в громкую болтливость,
не зная где добро, где зло.

А жизнь поверх добра и зла
чревата страшной пустотою
и затхлостью, не простотою.
Тому примеров — несть числа.

За поколеньем поколенье
летит, как листья по аллее;
сошедши в землю, вечным сном
спит осторожно, тихо тлеет.

Убиты... Умерли... Но чтоб
потом не поминали лихом,
прошли по жизни тоже тихо.
А суть была совсем не в том.

Была в борьбе суть поколений.
Теперь сошлись — мнутся тени.
Хотят вернуться, но куда?
Былём всё поросло, забыто —
седою пылью всё покрыто.

...Страшитесь божьего суда!

1999

* * *

Мы пережили ряд стихий.
И строй у нас теперь другой.
При прошлом строе за стихи
лишь угрожали мне тюрьмой.

А ныне, при буржуях, братья
по цеху (не по духу, нет)
за шпагу заставляют браться,
чтоб, защищаясь, поумнел.

Дождусь — наёмный ли убийца
подкараулит у дверей
иль сам собрат, придётся биться
мне до последнего — ей-ей!

Опомниться их не заставишь,
уж жизни лучше я лишусь.
Ох до чего бывает зависть
и чёрной, и смертельной — жуть!

Пиши бездарно, ты — любимец.
Пиши как бог, ты — личный враг.
Талант тебе твой — как судимость:
ты виноват — талант так как.

И жалости к вам он не знает —
завистник: ты не должен жить.
Мысль эта у него сквозная.
Так в ухо мне судьба жужжит.

Ну что ж! Всё ясно! Я готов!
Сразимся! Вас достойно встречу!
И боги роковую встречу
восславят на пиру богов...

1999

* * *

Давно я понял: дар бессмысленный —
жизнь наша, ничего в ней нет
такого, чтоб давать осмысленно
себя народу и стране.

Да разве не давали многие?
Что вышло из того, а? Чушь!
Герои тыла и войны безногие
и прочие голодны, живы чуть.

И нищи, и бесправны, бедные...
За весь их труд и подвиг, пот и кровь —
нужда в награду беспросветная.
Такое вот вниманье и любовь.

И в душах тьма — погасли светочи.
Над головой — беда, одна беда.
А в будущем звезда не светится.
Её и нет — какая там звезда.

Народ изверился и бесится.
Я, постигая тщетность и тщету,
вас всех не призываю вешаться.
Я всё-таки надеюсь, жду.

И верю: положение изменится.
Пусть очень трудно, тяжело пока,
всё переменится, всё перемелется —
получится отличная мука...

1999

* * *

Мил-другом буду уюкошен
иль недругом за песнь мою,
не перестал, я всё пою.
Я в настроении хорошем
и, как всегда, в седле, в бою.

Мне надоели ищищрения
минутной моды, авангард.
Без божества, без вдохновенья
производить стихи умеет
теперь любой пишуший гад.

Но я в седле, я буду биться
за вдохновенье, за любовь.
И нужно мне в бою добиться,
чтобы поэзии убийца
не смог над ней глумиться вновь.

Луч света, ветра дуновенье
и песню вместе я связал,
чтобы душа звучала верно.
Не продаётся вдохновенье,
как Пушкин некогда сказал.

Я в настроении хорошем
о вечной красоте пою.
И недруг эту песнь мою
никак не сможет уюкошить
без упоения в бою...

1999

* * *

Скажи, ты не двойник ли мой?
Ты тот, кого талант венчает,
тот, кто восходит по прямой.
И не вернёшься ты к началу.

Вернёшься — это будет смерть
и для тебя, и для таланта.
Умрёшь и уж не будешь петь
ни вдохновенно, ни галантно.

Пропеть никак не сможешь ты
ни про любовь, ни про потери,
похоронив с собой мечты
о будущем великом деле.

И знаем мы, и ты, и я,
что обрывает смерть мечтанья,
всё ж ждём, сомнения тая,
бессмертья, оттого — метанья.

Придёт оно иль не придёт,
не наша то с тобой забота.
Был труд — великая работа.
Вот весь наш сказ, вот весь отчёт...

1999

* * *

Сказал мне будто кто-то что-то,
а я не понял и не внял
всему тому, и потому-то
меня всего страх обуял.

И будто от того зависит
то, что мне жить иль умереть.
Теперь уж я и не надеюсь,
что кто-то что-то скажет впредь.

Но если всё же скажет кто-то
мне что-то эдакое вновь,
я всё приму, пойму всё сразу
как жизнь, как слёзы, как любовь...

1999

ГОРЕ

Ты, горюшко, как материнская печаль,
ко мне приходишь, припадаешь к изголовью
с тревогою, и страхом, и любовью.
Я не могу заснуть, не спится по ночам.

Горюю я... Горюет наша мать...
Горюем все... Пройдёт ещё немного,
не станет времени у нас земного.
Закончится игра. Закончим матч.

Играли мы, играли... Выиграли? Нет!
И грустно, и смешно: а ведь старались,
и чуть не выиграли... Подошла вдруг старость,
и проиграли мы, а выиграла смерть!

Но надо ли жалеть о малом сроке дней
и замечать, как головы нагнули
плакуче ивы на реке в июле
среди божественной жары, лучей, теней?

Не надо! Пусть усталость вод — душа
зеркальная, и отражает горе.
Пусть, пусть горюет Сениэль-Егоров,
и не горюет время — вот уж ад...

1999

ТРУДНЫЙ ОТКАЗ

Как и все, обречённый, пока что живой,
я тебе говорю: «Дорогая, прости,
но уж к прежнему нам не вернуться с тобой,
в наше прошлое мы не отыщем пути».

Очи те же твои, выражение не то.
А слова... их теперь по-другому поют.
Надо мне от тебя убежать, а не то
потеряю, угроблю я гордость мою.

Ты тогда предрекла: не пройдёт дальний путь —
горячится не к месту, пустой да смешной.
Ну а вышло-то как! Не смогли вот согнуть;
ничего не смогли вы поделывать со мной!

Оказалось, что твёрд я и перед бедой,
и невзгоды меня не берут.
Горячился, конечно, я, был молодой,
но п р о ш ё л чрез великое горе и труд.

И я жил, жил всегда, как мне совесть велит, —
вдохновляла мечта, в дали жизни маня.
Оказалось, что горе лишь страшно на вид:
не жалея меня, не убило меня.

Хоть, как все, обречён, но пока что живой,
говорю я тебе: «Дорогая, прости,
но нам в юность никак не вернуться с тобой.
В наше прошлое мы не отыщем пути...».

1999

* * *

Вот и выросли мы, мама...

Равиль Файзуллин

Знаю, постарел я, мама...

Вновь весна. Ты слышишь, слышишь,
гусь да лебедь синь колышут,
окликаясь в высоте?

То же небо над лесами,
то же небо и над нами,
только клики уж не те.

Знаю, постарел я, мама.

Мама, мама дорогая,
дорогая и родная,
я ищу тебя, ты где?
Молодой всегда ты снилась,
будто и не изменилась.
Только сны теперь не те.

Видишь, постарел я, мама.

Не найду, ты где же, где же?
Светлый луч моей надежды
не сияет в высоте.

Вот и постарел я, мама.
Вот и постарел я, мама.
Жизнь — у бога на суде.

И стихи уже не те...

1999

* * *

Уходят они от меня, уходят,
любимые мною. А я остаюсь,
не понятый ими. Наш хрупкий союз
уводит друзей от меня, уводит.

Уходит от меня женщина, уходит,
любимая мною. А я остаюсь,
не понятый ею. Наш хрупкий союз
уводит её от меня, уводит.

А я создавал светлый образ... Я краски
слов новых искал в вихрях трав,
в наряде цветов, в блеске дня... Я их брал
от всех, что светло, что приятно, прекрасно!

И создал его, от души начертал я.
В душе он в моей, в глубине.
Оставь меня с тою тобой наедине,
о женщина, и ни к чему — причитанье.
Оставь, уходи и забудь обо мне.

...Уходят они от меня, уходят
и понятые мною. А я остаюсь,
не понятый ими. Наш странный союз
уводит людей от меня, уводит.

1999

* * *

Стану мудрым. Отныне и впредь.
С сердца тяжесть сниму. С лёгким сердцем
буду на безобразья смотреть
и под носом начальства вертеться.

Обратится в тревогу печаль
или болью тоска обернётся,
ни любви мне, ни дружбы не жаль —
сердце спит, оно будто не бьётся.

Раньше что? Я пылал! Я горел!
А теперь у меня жизнь иная.
Я теперь не люблю, не дружу. Я прозрел:
ненавижу вас всех, проклиная.

Был юнец, был румян, может, ал,
не терпел наглцов нечестивых.
Тысячу раз горел и пылал
я, дурак, за один миг счастливый!

...Пока думал и дело решал,
стал немудрым, и дурость вернулась.
Обратилась в тревогу печаль,
острой болью тоска обернулась.

И увидел как стонет народ.
И на сердце лёг камень тяжёлый.
Да простят меня девы и жёны,
что их проклинал, а не наоборот.

Стану ль на безобразья смотреть,
у начальства под носом вертеться,
буду биться, пока бьётся сердце!
Стану мудрым. Отныне и впредь...

1999

ДАЛЬНИЙ СВЕТ

Были юны, были мы беспечны,
до утра гуляя у реки.
Кто бы мог подумать и поверить,
что те дни так будут далеки.

Но прошли они, как пролетели.
Постарели мы, нас не узнать.
А природа знает своё дело —
на дворе опять, опять весна.

Тихий вечер, тихий синий вечер...
Светлый день, весёлый яркий день...
Неужель оставим их навечно,
не найдём их никогда, нигде?

Юны были, были все красивы.
Видели б нас, не забыли вы.
Нет сильнее света в мире силы,
нет дороже юности, любви...

1999

ДОМА...

На цветах в саду слеза ль, роса ли
в час вечерний — дома я опять.
И куда б судьба нас ни бросала,
дом родной, мы помнили тебя.

Помнили, печалясь безутешно
оттого, что навсегда ушли.
Где же наши дни и годы, где же?
Где костры, которые мы жгли?

Где поляна, где весна, где юность,
где любовь и первый поцелуй?
Пусть молчат, ответа не дают пусть,
луг и лес, пройдуся я по селу.

Вот весёлый тип баян тревожит —
видно, к делу хорошо привык.
Мы тогда не хуже были, может,
может, даже лучше были мы.

Вот девчонка весело смеётся,
подпевает, голоском звеня.
Моя милка пела у колодца,
подзывая юного, меня.

Пела с грустью, с девичьей тоскою.
Голос сей казался мне святым.
Кто же думал, кто же знал, что скоро
всё пройдёт и превратится в дым.

Всё в воспоминанье превратится...
И я вспомнить юность нашу рад.
Вспомню — сердце запоёт, как птица,
а глаза — как юные горят...

1999

ЦВЕТИТЕ...

Цветите, юные...

Сергей Есенин

Под сенью лип шатёр припоминаю,
а среди роз — восток и гулистан.
И где бы ни был я, не забываю
родной мой Шубашкар, мой Чувашстан.

Цветут цветы на улицах и в скверах.
И молодёжь пригожа, как цветы.
Кто ж в юности похож на образ скверный?
Никто. Запомнил, видно, ты.

Пригожи были, были мы похожи
и на цветы, и на самих себя.
Теперь вот вам цвести, пусть бог поможет,
теперь цветите вы, страну любя...

1999

ГРЁЗА...

И снова будет ночь светла,
восток не скоро заалееет.
И снова посреди села
пройдуся по саду — по аллее.

И снова тайная рука
вдруг клавишей коснётся где-то.
Мелодия, чиста, легка,
придёт — и вспомню юность, детство.

Они витали надо мной —
и счастья, и восторгов полны.
Я буду грезить под луной,
оплакивая их и помня.

Село моё! Я все пути
прошёл. Я стар. Вернулся мгlistым.
Всё позади. А впереди —
сыграют ли Шопена, Листа...

1999

МОЙ СОН ПОЭЗИИ

Я думал, что я одинок,
всю жизнь искал, с кем б подружиться.
Кружил и мчался мой челнок,
так и не понял эту жизнь я.

Как погрузился в чуда тень —
в мой сон поэзии прекрасный, —
я понял, что ищу напрасно
друзей в быту я, чудодей,

и что совсем не одинок я.
И в пекле жизненной страды
мои подруги — мои строки,
мои друзья — мои труды.

Мечты и грёзы — моё счастье.
Живя во сне, зачем мне явь
и трепет о последнем часе?
Я был, я есть и буду я.

И мне не надо пробужденья, —
стать не хочу никем, ничем.
В ночи я, сам я ночь, и день я
ваш презираю, подлый день.

Надеюсь — тщетной не считаю
и сон, и слёзы, и любовь.
В глазах судьбы свой путь читаю,
не по пути мне путь любой.

Живя во сне, живу в надежде
о том признании моём,
когда, как застрелиться, прежде,
мы песни грустные поём...

1999

ПУТНИКИ

Не гадай, коль карты биты:
суждено-не суждено.
Ты любил иль не любил ты,
ведь для смерти всё равно.

Жди без траурных свечей
твой конец пути недалний.
Проходил путь — был ничей,
а теперь, в конце, — подавно.

Без любви прошёл, любя, —
никому неинтересно.
Всех забудут. И тебя
позабудут в мире тесном.

Не смеюсь, не изгаляюсь.
Ты — уже, а я — потом:
путником и сам являюсь —
в направлении одном...

1999

САД НАШ...

Пляшет дождь, пляшет он до упаду.
Плачут траурно дни, небеса.
Под печальный мотив листопада
опечалились речка и сад.

Есть отрада в осенней печали —
сад наш видится нам золотым,
где меня молодым повстречали,
всё хвалили друзья, привечали,
проводили, понятно, седым.

Говорили они в утешенье,
что не старый я, а молодой.
Уходил я от них тихой тенью
под их нежный басок на леченье
от хвороб и от грусти крутой.

Не утешит уж поздняя нежность
и отрада листвы золотой.
Все уходим в свою неизбежность,
не вернёмся в наш сад молодой...

1999

* * *

Какой я стал теперь чужой!
Неужто постарел душой?
И постарел быстрей, чем телом?
А что успел я в жизни сделать
среди вражды, тщеты пустой?

Всему, я знаю, свой черёд.
Идёшь назад, идёшь вперёд.
Совсем идти как перестанешь,
душой усталым ты и станешь —
хандра тебя в тиски берёт.

Давно ли жизнь светла, легка
текла, как в небе облака,
пока здесь не нависли тучи,
и поднялась вот эта буча.
Теперь та жизнь так далека.

Теперь во мне — сплошной пробел.
Нет голоса, которым пел.
Померк мой взор — не чую света.
И песня лучшая не спета, —
душой поник я, не успел...

1999

НОЧЬ...

Век юный нам кажется сном золотым.
И век молодой ценен тоже.
Всё жил и боялся — умру молодым.
Не умер, до старости дожил.

Дожить вроде дожил да вроде — не рад.
Не чую границы меж мраком и светом.
Меня не зовут ни огни, ни рассветы,
которые молодо, юно горят.

Цвета и цветы, воздух синий весны
меня, мою душу совсем не ласкают.
И, спящему, снятся мне вещие сны,
но сам я об этом не знаю.

И — каменны веки, их мне не поднять.
Уста мои окаменели.
Не дорог ни друг, ни земляк, ни родня:
кровь — лёд в моём каменном теле.

И в сердце — бесчувствие, будто змея,
лежит, как вражда вековая.
Никак не пойму: как, живя, мёртвый я?
Но разве такое бывает?

О, просите зря! Не сумею помочь
ни вам, ни себе — как наветы,
страшна эта ночь, эта чёрная ночь!
И нет впереди ни огней, ни рассветов.

Кричу в пустоту: «Отзовись хоть один!»
Безмолвствует ночь, как пустыня.
И грозно безмолвье, как скопище льдин
безжалостной, дикой гордыни...

1999

* * *

Брось толковать мне о любви своей,
ведь ты не роза, я не соловей.
И не шепчи мне о своей тоске.
Чего же не бывает, не бывает с кем?

По морю жизни ты не день, не год
носила не напрасно, всё — вперёд.
И вся в небесном и земном огне,
являлась в тишине ночной ко мне.

Была как слава, как любовь, как смерть —
приятно было на тебя смотреть.
Свободная, как ветер и как мысль,
хотела знать, в чём жизни этой смысл.

Мой смысл жизни в радости моей,
а радость в том, что, словно соловей,
пою я, наслаждаюсь, гордый тем,
что я свободен духом — чародей.

Свободна будь и дальше, как рассвет.
Дороже ничего свободы нет.
И научись ты понимать без слов:
молчанье твёрдое и есть любовь...

1999

* * *

Ночь тёмная в стране и клоунада.
Потухла радость в ней на много лет.
Но ничего мне, ничего не надо,
нужна одна лишь песня на земле.

Ни обещанья вас, ни речи и ни знамя
не воскресят и поведут вперёд.
Нужна мне песня, лишь одна нужна мне,
которую бы пел весь мой народ.

Пусть я умру и света не увижу,
который вы зажжёте над страной.
Благословляю вас, а трусов — ненавижу.
И будет горд за смелых призрак мой...

1999

* * *

Уж много лет, горда и холодна,
твердишь ты, не предчувствуя разлуки:
«Одна на всех любовь и боль одна
мир этот — эта жизнь и эти муки».

И говоришь мне о своей тоске
по светлым душам, что мечтой зовётся.
А между тем висит на волоске
вся наша жизнь: ударь чуть — разорвётся.

И я твержу, но я твержу без слов,
что мир, да, да, одна на всех любовь
и боль одна — твержу я жестом муки,
любя, горя, в предчувствии разлуки...

1999

* * *

Ты, друг мой, не жди меня в гости,
не жги до полуночи свет.
Сойдёмся с тобой на погосте
и будем лежать сотни лет.

Смерть — ночь беспросветного мрака.
Смерть — мёртвому вечная ночь.
Уйду — уже поданы знаки.
От вас и от всех уйду прочь.

Конечно, есть разные люди.
И разный их жизненный круг.
Ужель мир меня не забудет
и завтра, и после, мой друг?..

1999

* * *

Под шорох листопада
я вспоминаю друга.
Не ждет его награда —
не кончится разлука.

И вековой аллеей
хожу всё и хожу я.
Он был меня мудрее,
душевнее был — чую.

Мечтой его заветной
служенье музам было.
Хожу в слезах я, бедный...
Талантливее был он.

Но умер очень рано
и не успел раскрыться.
Души обиды, раны
он выносил как рыцарь.

Был другом благородным.
Был другом настоящим.
Он стал бы и народным,
и за народ стоящим.

Хожу я в царстве листьев...
Ах, повели б дороги
туда, где царство истых
поэтов, друг и боги.

1999

ЭЛЕГИЯ

Хоть разуверился услышать
ты нечто доброе от тьмы,
всё ж вопрошаешь как бы свыше:
«Мы люди иль не люди мы?»
Не веришь, что тебе ответят,
как немощный, пластом лежишь.
Нет радости на этом свете,
а без неё и жизнь не жизнь.
Чего-то нет такого... Грустно...
Печально... Жжёт лицо слеза.
Уйти б куда и не вернуться,
там где-то согнуть без следа...

1999

ВЕСТОЧКИ СМЕРТИ

Шлёт она весточки мне, угрожает,
весточки шлёт мне она.
Жду и боюсь: при таком урожае,
смерть сможет быстро скосить и меня.
Косит и косит — в Москве, на Кавказе...
Дома, на улице... Смерть, смерть и смерть...
Цыц! Не пущу тебя ни в коем разе —
жить я хочу, смерть, а не умереть!
Нет, не пущу ни сегодня, ни в среду,
знай и прими вот какой уговор:
сгинь, проходи, проститутка, к соседу.
Он, кровопийца, — и жулик, и вор...

1999

* * *

Не мною начат путь мой был,
не мною кончен будет, знаю.
Чего ж тогда страшусь и маюсь?
И не пора ль унять свой пыл?

Грустит заря над рябью вод.
Летит листва над речкой сонной.
Лирично, тихо, неказённо
поёт мне листьев хоровод.

Ещё есть свет, срок не просрочен.
Хоть и на грани бытия,
любить хочу и жить я очень.
Во всём как новый буду я.

Темнеют краски, тише звук.
Осенний вечер вот спустился.
Луна, натягивая лук,
лучом стреляет. Я — как птица.

Луны летящие лучи
разят меня, как стрелы, снова.
Давай, о сердце, помолчим.
Когда луна — не к месту слово...

1999

* * *

Строй изменился. Мир — всё тот же.
Всё те же люди... Вся шпана —
рать графоманская — нож точит,
нож зависти, вновь на меня.

Трон окружив эмира ловко,
и восхваляя, и дуря,
устроилась она неплохо —
завистливая мошкара.

Я и сейчас способен к взлётам
и чувств, и мысли, я парю,
на зависть нудным виршеплётам,
как юный сокол, — всё творю.

Они меня убить хотели
уж сколько лет тому назад:
сначала — дух мой, позже — тело.
Я показал им голый зад.

Я показал им кукиш: нате!
Не то ещё вам натворю.
На троне — я, м н е поклоняйтесь,
как президентному царю!

1999

ВЕТЛА

За селом на юру, где река,
голубая шумит ветла.
И о ветви её свои рога
чистит месяц. И ночь светла.

Ночь светла от снегов голубых,
от ветлы и от лунного света.
О, душа! Если б не было их,
мне бы стоило выдумать это.

Я бы выдумал голос вдали
и то место, где та ветла,
и чтоб пели вдали о любви
и о том, что ночь светла.

Ночь светла от снегов голубых,
от ветлы и от лунного света.
...Всё — мечта. Мне неловко, увя.
Всё — обман. Я всё выдумал это.

1999

ЧЕРЁМУХА

Лютует пышное цветенье.
Здесь леденеют даже тени.

Белым-бело стоят, застыли.
Как взглянешь ты на них, кровь стынет.

Кружатся скользкие дороги.
Бредут и брешут лжепророки.

Нет в мире пагубнее места —
дойти охота им, неймётся.

Скольжу и сам я на краю тут.
Меня не жалуют, не любят.

Дойду и я, лишь сил найти бы.
Мой тайный пыл — не жизнь, а гибель.

А голос сладостный пророков —
смертельный яд, проклятье рока...

1999

НЕКТО ЧЁРНЫЙ

Получаю я приветы
и средь ночи, и средь дня.
Некто чёрный, как с портрета,
смотрит, смотрит на меня.

Может быть, ему известно,
что я слажу всё ж с собой.
Может, я ему как песня,
недопетая судьбой?

Может быть... Он прав, я крупный
ныне всё-таки поэт,
всё такой же неподкупный,
и пока такого нет.

Пусть кричит друг, негодуя,
что пусты стихи мои.
Не пошёл и не пойду я
в блюдолизы, в холуи.

Полны ли, пусты ли, скажет
это время, а не друг —
ненавистник мой со стажем
и кумир моих подруг.

Получаю я приветы...
Не гляди ты на меня,
Некто Чёрный, как с портрета,
и средь ночи, и средь дня.

Жив пока, раз не убит я,
и, не сладив я с судьбой,
от смертельной от обиды
не покончил сам с собой.

Живы мысли, думы в сути...
Главное — душа жива.
И, взывая о бессудье
к веку, пухнет голова.

1999

* * *

Любовь моя! Что мне — ад и что мне — рай?
В тебя только верю я свято.
Живи ты, живи, и не умирай.
Дрожишь ты, дрожишь, тебе холодно, зябко.

Любовь моя, не признающая срока,
благословить тебя или проклясть?
Как велика она и как жестока —
нависшая твоя над нами власть!

Любовь моя! Ты мне — как радость на душе,
как горе, боль... Всесильна ты — всё сможешь.
Ты — как недуг до гроба. И уже
тебя, любовь моя, с себя не сложишь.

Хоть, пусть, полумёртвый, тащусь, бреду,
и жизнь оборвётся, наверно, коротким криком.
Ещё не умер я, а лишь в предсмертном бреду.
И прямо на снегу цветут гвоздики.

Набрал бы я, девочка, тебе букет,
букет гвоздик, и засыпал бы тебя цветом.
Ах, почему, почему бессмертия нет?
Нигде — ни на том, ни на этом свете...

1999

* * *

Была берёза в палисаднике,
был клён да и дубочек был.
Куда разъехались, как всадники?
Теперь их нет, и след простыл.

Природа, наша мать светлая,
ты пожалей своих детей.
Ведь плачут, маются и бедствуют
от первых до последних дней.

И долго не живут, как водится...
Вон там, где млела стая ив,
стоит туман, как чувство родины,
и боль моя, как бьль, стоит.

А вдоль тропинки подорожники
печально на меня глядят.
Иду по ним я остороженько
и прячу грустные глаза.

На рану сердца ли, на боль мою,
листок живительной травы
сорву и положу невольню я,
чтоб волком от тоски не выть.

Туманы жизни, долго виться вам —
завесе мозга и очей.
Не посылает бог провидца нам.
Теперь без них мы — без вождей...

1999

СКОРБНО МНЕ...

Звезда ли со звездой говорит,
плывут ли сада кружевные тени,
я слышу всё и вижу, и я с теми,
кто, как и я, не спит — горит, творит.

Пока дышу, пока не весь убит,
попроще говоря, пока живу я,
пойду пытаться, какая существует
связь между мной и богом — без любви.

И существует ли... Любовь — ничто,
коль жизнь лишь сумма прожитых мгновений,
а не чудесный сонм печалей и сомнений,
томленье духа, радость, сердца вздох.

Не говори ты мне «ушедший миг»
среди с ума сводящей меня ночи.
Что мига может быть, мой друг, короче?
Лишь только путь наш жизненный, пойми.

Не оттого ль хочу я удержать,
как чудо, эту ночь и шум осенний
в саду, который тихо листья сеет
у ног моих... Грушу... Болит душа...

Не оттого ль хочу поверить я,
что жил когда-то, жить и дальше буду,
что эту жизнь и там я не забуду...
Шучу... Простите... Скорбно мне, друзья...

1999

* * *

Ты любви и славы ждёшь и ищешь.
Ты же знаешь: буря — ураган.
Ну а ветер воет, стонет, свищет —
прямо как полночный хулиган.

Нет луны — наверно, ветром сдуло.
Аргамаки ветра — без узды.
Думал, что найду свою звезду я,
но не видно ни одной звезды.

Нет в груди ни страха, ни покоя —
словно я чуток навеселе.
Ветры воют в мире, ветры воют,
под их вой я гибну на земле...

1999

* * *

Уж недолго, успокоюсь...
Ах, любовь, ты — дождь в песок.
И ты — пуля, одиноко
уходящая в висок.

Застрелиться не успел я,
удавиться — не спешил.
Ведь решенья скороспелость
завсегда людей смешит.

Среди чувств святых иль лживых
мне пришлось круги кружить?
Нищету любил, наживу?
По каким законам жил?

Мысли ныне до единой
истину узнать хотят.
Скоро песней лебединой
отзовусь им, уходя...

1999

* * *

Таинственно мерцают ночью звёзды,
а днём их не увидишь — не видны.
В душе своей придумал я и создал
звезду печали светлой новизны.

И потому печаль моя светла.
Она светла теперь и днём, и ночью.
Вот синяя вблизи стоит ветла
и ловит под луною песню волчью.

Вот ива, клён... Бело кругом... Снега...
Нагих берёз сияние и трепет...
Ветла вблизи качается слегка,
а лес вдали безмолвствует и дремлет.

Зимой, мы знаем, птице трудно петь.
И старому поэту тоже трудно
и петь, и знать: придёт, наступит смерть.
Уж он не голосит бравурно, трубно.

Придумывает он и создаёт он
звезду печали светлой новизны.
Таинственно мерцают эти звёзды.
Не всякий их увидит — не видны...

1999

НА РАССВЕТЕ...

Чермакову

Нет, не тебя моя хула
поносит, страстно осуждая.
С тобой не пил я, не гулял.
С тобою жизнь лишь обсуждал я.

Не ты петли той, а друзья
твои бездушные достойны.
Чего ж они шумят, бузят,
и в честь чего ведутся войны?

И — с кем? Ни с кем. А просто так.
Чтоб поорать и чтоб блеснуть чуть
своим умишком, как дурак,
храбрее всех казаться, лучше.

Неделя не прошла, уже
они тебя почти забыли.
У них нет света на душе.
И он когда-нибудь там был ли?

К тебе, рассудку вопреки,
и я вошёл однажды в душу,
где как в степи, что без реки,
безветренно мне было, душно.

Где нет ни жизни, ни огня.
Откуда ж черпать тебе силы?
Пойми ты и прости меня
за то, что глупо так спросил я.

Гляжу, гляжу, сходя с ума,
не вижу — нет тебя на свете.
Неужто это жизнь сама
так повелела — на рассвете?..

1999, ноябрь

БОЖЬЯ ДУДКА

Чермакову

Упрекать тебя никто не вправе,
что ушёл, предав мечту огласке:
ты мечтал не о любви и славе,
о скорейшей ты мечтал развязке.

Ты ушёл, конец благополучен —
мёртв ты, ничего тебе не надо:
ни жены, ни друга, ни полочки...
Ты — в раю... Пасёшь там божье стадо.

О бессмертии ты не мечтаешь,
неподкупной дудочкой играя.
В тот момент, когда явлюсь туда я,
встретимся с тобой в воротах рая.

Нас при жизни травят, душат, ранят,
как умрём, на третий день забудут,
но бессмертны все в раю, эх, Ваня, —
все поэты истинные — будут.

Кроме черни, Ваня, есть и люди,
те, которые имеют душу.
Жизнь земная наша есть прелюдия
к свету, и бог света не потушит.

Свет есть вечность. Значит, будем вечно
улаживать слух дудочкой певучей.
Кто не глух к прекрасному, конечно,
станет слушать, радость, свет получит.

Ничего другого нам не надо,
эту жизнь земную принимая.
Будем караулить божье стадо,
на волшебной дудочке играя...

1999, ноябрь

* * *

Снег юн и девствен; и берёзы,
нагие, зябнут, хоть не розы;
серебрясь, тропка лунным светом
клянётся, что пройдут морозы,
придёт весна, наступит лето.

Идя по ней я, по тропинке,
свои же строки без запинки
читаю из «Сонаты лунной»,
которую писал на пике
лирических горений юным.

Как свет, Бетховен юн и вечен;
и я бессмертен в этот вечер —
шагая с ним, приравнен к богу;
я с виду радостен, беспечен,
внутри же чую грусть-заботу.

Забота эта не простая,
она, как страх, как волчья стая,
не отстаёт, а настигает;
настигнув, мраком обрастая,
пугает душу и терзает.

Весна ль придёт иль будет лето,
ведь дело-то совсем не в этом,
а дело в том, что все уйдём мы,
и, чтоб пройтись под лунным светом,
на землю больше не придём мы...

1999

* * *

В каких бы снах ни жили, ни витали,
мы чувствовали: есть такие дали,
где, как в других мирах, свобода есть,
которую искали все и ждали,
как добрую и сладостную весть.

И весть пришла. В ней тяжесть нот металла.
От вести многих рвало и метало,
так как все поняли: свобода есть
не та кума, о коей мы мечтали,
а та, у коей имя гибель, смерть...

1999

* * *

Окутала изнеженная дрёма
вечерний мир, нет грусти у берёз.
В мечтах я — далеко, а так я — дома.
Мечтаю без раскаянья, без слёз.

На занавеси — прозелень листвы.
Никто, ко мне входя, не скрипнет дверью.
Не верю в то, что вдруг вернётесь вы,
и в то, что скоро я умру, не верю.

Не собираемся в могилу лечь
ни я, ни муза в подвенечном платье.
Мы — юны! И нам старость — как проклятье.
И не о преходящем наша речь!

Вечерняя изнеженная дрёма
меня уводит тихо в мир мечты,
а в мире том как у себя я дома —
в раскаяньях и слёзах нет нужды.

И в чём раскаиваться? Нет причин.
Я честно жил — без злости, без обмана.
Не надо, хоть кричи, хоть не кричи
ты о себе, поймут не так — болваны.

Играй им верность годы напролёт.
Играй огонь и стой на пепелище.
И всё равно оставят и освищут.
В груди у них не сердце — камень, лёд!

1999

* * *

Хвалить себя я не могу...
Я не мудрю и не лукавлю.
В лесу гром оставляет гул.
А я себя в стихах оставлю.

И буду жив там, и живуч,
в ранг самых лучших вознесённый, —
не гром небесный среди туч,
а флейта ветра в день весенний.

Я не могу о том кричать
уж хваленный не раз я теми,
кто дорог... Ночь... Горит свеча...
На печь ложатся косо тени.

Прощаньем не обременя,
у света не прося пощады,
они не радуют меня,
ко мне не сделают и шага.

Я и тебя ко мне в мой дом
не жду, хоть и ночами снилась.
Войди, чтоб жить вдвоём, в сей том,
коль в жизни жить не приходилось...

1999

* * *

В ночи весенние петь мы любили.
В роще насвистывал нам соловей.
Были мы юны, беспечны мы были,
не дорожили любовью своей.

Хвастали удалью, хвастали силой.
Раз даже мне стать Отелло пришлось.
Помню я очи у девушки милой,
полные горя и полные слёз.

Весело жили, гуляли и пили,
празднично видели жизнь нашу всю.
Были мы глупы, бездумны мы были,
юность свою прожигая вовсю.

Как же так можно! Прости и помилуй!
Как же потом будешь жить в толще лет?
Девушки той уже нет и в помине,
юноши тоже давно уже нет.

Память лишь чуть проплывёт в этой были.
Вскоре придёт время лечь нам на дно.
Были мы дики, безумны мы были,
стёрли любовь и себя заодно.

Но вот когда соловей с прежней силой
насмерть сразит своей трелью меня,
вспомню я очи у девушки милой,
вспомню я юность — на празднике дня...

1999

* * *

Уж сколько лет один бреду
по склону жизни тихой тенью.
Люби меня, и я приду
в твои, подруга, сновиденья.

Постой! Хочу тебя понять.
В груди твоей неужто — камень?
Простить хочу, хочу обнять
прощальными тебя руками.

Вздыхать, клониться головой
и слёзы лить — тебя теряя.
Пусть осеняет образ твой
навек меня — люблю тебя я.

Скажи мне честно, не тая,
зачем ты мною так играешь?
Как ты сурова! И твоя
любовь, как угли, догорает.

Уже не радуется, претит.
Конец! Дочитана страница.
Прощай, прощай! Прошу простить
меня за то, что буду сниться...

1999

* * *

И снова будет день как ночь,
но снова будет свет весенний
в моей душе, чтоб превозмочь
недуг любовных потрясений.

Который раз меня потряс
навет твоей души коварной
и убивал который раз,
но не убил — не смог, кошмарный.

Я в потрясённые часы
стихи писал и тем спасался.
Был ложью я по горло сыт,
и п р и н ц и п на стихах сказался.

В них находил я по н е м у
опору — сильно опираясь,
гнал из души и мрак, и муть —
хоть искорку зажечь пытаясь.

И удавалось... День, не ночь,
не мрак скользил, а свет весенний
в моей душе, чтоб превозмочь
недуг подобных потрясений...

1999

* * *

Притерпелся я и сжился с болью.
Даже испытание любовью,
испытание утратой, перенёс
не уныло, а довольно бойко —
без особых странностей, без слёз.

И разлукой, и свиданьем испытали.
И надеждой... Как врага, пытали.
Стал я старикан, а был юнец.
Горем неожиданно пугали,
радостью нечаянною — нет...

1999

ВЛЮБЛЁННАЯ

Побудь со мною, побудь, побудь
ещё немного, ещё чуть-чуть.
Побудь весною и зимой,
и осенью побудь со мной
и дай в глаза твои взглянуть.
Ты в этот миг мне, боже мой,
как воздух нужен, дорогой.
Побудь же воздухом, побудь!

Я подышу. Не откажись.
Я подышу всего лишь жизнь,
до смерти только. Как умру,
я отпущу тебя из рук.
Пока останься, не спеши.
Пройдёт любовь — не будет мук.
Бесследно всё, бесследно, друг.
Останься! Ты мне — радость, жизнь...

2000

РАЗМОЛВКА

Этой ночью, под этой луной
тишь тревожу я страстной струной,
но не слышишь ты, ты далеко.
Мы в разлуке. И мне нелегко
говорить о размолвке с тобой.

Разность взглядов на счастье не в счёт.
Лёгкой дымкой пусть ссора пройдёт.
На бессмертье, на смерть и на жизнь
наши взгляды ведь всё же сошлись,
ну а счастье... а счастье придёт.

Белопенно сады расцвели.
И запели в садах соловьи.
По ночам под волшебной луной
тишь тревожу я страстной струной,
чтоб мечты мои сбыться смогли.

Я в мечтах и сегодня с тобой...
В эту ночь и под этой луной
я целую тебя, слёзы лью,
уважаю, жалею, люблю,
но тебя... тебя нет уж со мной.

Мы в разлуке, и нам нелегко.
Ты живёшь далеко-далеко.
И душе моей скорбь — твоя власть:
всё болит, боль всё не улеглась,
и болит вся душа, целиком.

Этой ночью, под этой луной
тишь тревожу я страстной струной,
хоть давно уж сады отцвели,
замолчали в садах соловьи...
Лишь мой голос тоскует — живой.

2000

* * *

Как звезда, я погасну.
И нет ничего от меня,
как и от той звезды,
только пепел печали.

Скоро, скоро погасну.
Заструится к тебе от меня,
как и от той звезды,
светлый пепел печали...

2000

* * *

Я вас любил, а вы... вы проклинали.
Я вас жалел, вы — нет, не снизошли.
И с чем же мы дотопали к финалу?
Неужто за собою все мосты сожгли?

Пришёл к концу всё с той же я любовью,
не научившись злиться, проклинать.
Пришёл к концу всё с тою же я болью,
не научившись ненавидеть, мстить, карать.

Я не сжигал мостов, они все целы.
Я и поныне вас жалею и люблю.
Ну что ж, что жизнь так быстро пролетела,
её я в строчках этих, в вас, друзья, продлю...

2000

* * *

Всё, что было, — одиноко.
Всё, что есть, — пустынно, пусто.
Всё, что будет, — недалёко.
В недалёком сгину пусть я.

Не пугает, не терзает.
Всё не нужно и напрасно.
Сердце стынет, замерзает.
Тлеет день однообразно.

Всё и зыбко, и непрочно.
Жизнь уходит, тает, тает.
Много раз страшнее — ночью:
темень, как в гробу, густая.

Был ли я иль только буду?
Иль давно уж всё пропало?
Всё и вся я позабуду:
всё, что было, — не бывало.

Стоит ли тогда мурыжить
и себя, и братьев блудных?
Все пропащи мы и «рыжи» —
ни один и не жил будто...

2000

* * *

Жизнь догорает. Я на пепелище
стою, где умирает мой огонь.
И он умрёт. В золе огня не сыщешь.
Она мертва. Не тронь её, не тронь!

И станет пусто... Скажут мне ответно:
жизнь как вода, ушедшая в песок;
лишь вечны облака, лишь вечны ветры,
и небо, и поля, и горизонт.

Да, да! Ещё, пожалуй, — мысль, искусство...
Жизнь наша — миг: как вспыхнет, так сгорит.
В ней детство, юность, молодость — не грустны,
ну а вот старость тужит и грустит.

Ах, юность, юность! Юным, страстным пульсом
биясь, ты рвёшься, ждёшь ты похвалы!
Какое то — блаженство и безумство!
И это всё... и это — горсть золы...

Чего ж хотим? Нетленья все мы ищем.
И из забвенья, утекая вспять,
я буду приходить на пепелище,
чтобы себя, ушедшего, понять...

2000

* * *

Мои печали вам смешны.
Моей души немые слёзы
вам не видны и не слышны.
Лишь бог и чуток, и серьёзен.

Но он далёк, сокрыт, не виден.
Бывает — и господь обидит
нас невниманием своим,
мы терпим, мы довольны им.

И не роняем с уст того,
что ересью средь нас зовётся.
Ведь богохульство обернётся
паденьем низким. То-то вот.

Замрите! Видите сей свет,
что пронизает неба крышу?
Свет есть господь. Он есть ответ
на всё, что мы должны услышать.

Крича: «Господь, помилуй нас!»,
не надрывайтесь убого.
Пусть ваш молитвенный экстаз
не перекрикивает бога.

Кричать не надо... Не слышны
ему молитвы зла, коварства.
Печали ваши и смешны,
и жалки, а слова — лукавство...

2000

* * *

Где вы, где потайные глубины?
В царстве света иль в сердце моём?
Мысли пухом кружат голубиным.
Сколько чувств нежных, радостных в нём!

По-над реченькой — дивное зарево
и священный вверху неба свод.
Кем, кому это чудо подарено?
Ради чьих святых дел и высот?

Звёздочки замерцали, как свечи.
Глядь: нет зарева, вечер уже.
Прочь уходят дела человечьи.
Отрешённо и сладко — душе.

Месяц золотом льётся невиданным.
И, за веру в Христа не виня,
все три дуба — прибрежные идола —
на моление к себе ждут меня...

2000

ГЕНИЙ

Я вижу то, что невозможно.
Я помню то, что не должно.
Но вижу странно и тревожно,
но помню, помню всё равно.

Как боль, наверное, я мудр.
Как гений, может, бескорыстен.
Меня при жизни не поймут —
мой взрыв страстей, мой поиск истин.

Молчу. Я что сказать могу?
Боюсь незрелых чувств и слов я.
Являясь йомзей безусловно,
от глаза, порчи помогу.

Обмакивая в кровь перо,
чтоб не растаял звук бесплотный,
бровь тонкую, подруги бровь,
негромко воспою, беззлобно.

Башку с плеч легче прочь, чем ночь
мне пережить — все сны кошмарны.
Никто не сможет тут помочь,
весь мир — в тревоге и в тумане.

И, корчась на дыбе зари,
все комкаю я нервно ночи,
брошаю сердцу, сколь есть мочи:
«Не стой, собака, говори!»

Пусть оборвётся жизнь моя,
исчезнут пусть страдания вместе,
мгновенье б превратить мне в вечность.
Тогда тот гений — это я!

2000

ЭЛЬТЕБЕР

Эльмуш наш знаменитый
был славный эльтебер.
Судить о нём, друг ситный,
не мне и не тебе.

Зачем не православье
он принял, а ислам?
В Багдад послов послали,
а он ослов прислал.

Один лишь — Ибн Фадлан —
был лошадь, не осёл.
И дело вёл хаватлән
(толково то-есть) он.

Всё проследил, заметил,
запомнил — вот ведь как!
Сувазо-булгар этим
прославил на века.

И в мире многоликом,
в бесславной смене вех
сей скромный муж великий
был всё же человек.

И от хазар спаслись мы,
а от монголов — нет.
Их орды дики слишком!
Мы бились столько лет!

И истощилась сила,
а Русь не помогла.
Смерть нас косою косила,
нас одолела мгла.

Для нас не стало света.
И в беспросветной мгле
остались мы на свете
одни на тыщу лет.

Без имени остались,
без книг и без письма.
Но всё ж надежды малость
жива была весьма.

Раздулась искра в пламя:
и имя обрели,
и письменность, и славу —
стал добр у мира лик.

Спасибо эльтеберу,
сувазов он любил:
терпимый к нашей вере,
сам мусульманин был...

2000

* * *

Точит душу мой сонный покой.
Ты нарушь его, рви и развей,
но меня не беси, успокой,
боль свою передать мне сумей.

Боль твою я пойму и приму
без стенаний, без слёз и стихов.
По канону живя своему,
я живу искупленьем грехов.

Я давно ни по ком не скучал —
не любовь мне отрадой была.
И давно никого я не ждал —
плоть остыла, душа умерла.

Как нарушат мой сонный покой,
то печаль сердце гложет, то боль.
Это я называю тоской,
а они говорят, что — любовь.

Я любовь знаю тысячу лет!
Я читаю её по глазам.
В ней ни счастья, ни радости нет.
В ней лишь горе, причина к слезам.

Взгляд мой холоден, бойся его.
Пустота и прохлада очей
в жизни этой, дурной, боевой,
лучше всяких любовных речей.

Не болтай про страданья души.
Все желанья в себе подави.
Нарушать мой покой не спеши,
позабудь о бессмертной любви...

2000

* * *

Ночью мне, моей болью дыша,
нашептала чья-то душа
об утратах, и старых, и новых,
о невзгодах, суровых, тяжёлых,
о разлуке, любви и о далях,
о других горестях и печалях,
кои — ненависть, зависть, измены.
Ими други, владея отменно,
жизнь мою отравляют и губят,
потому как жалеют и любят.
Лишь природы простая душа,
боль мою своей болью глуша,
о себе забывая, рыдает
и незримо вокруг пребывает...

2000

* * *

Пусть поплачет душа, пусть поплачет...
О минувшем горя, не гнись:
ведь не всё ещё сгублено, значит —
не всё роздано в скорбные дни.
И горят у нас в даях огни.

Пусть поплачет душа... Есть в грядущем
ещё чувства высокие, есть.
Будут, будут и райские кущи,
и любовь будет ярко гореть,
будет душу и сердце нам греть.

Пусть поплачет... В недолгой печали...
Заглушились не все голоса.
И не все голоса зазвучали,
чтоб слышали их небеса.
Есть ещё на земле чудеса!

2000

* * *

Поощряя дворцовую лесть,
ждёт эмир наш удачи и славы.
Забываются стыд, совесть, честь.
Поощряются сорные травы.

Травам сорным тут рай-благодать.
Будут в холе, не вырвут, не тронут.
Гибнет правда. Кому отвечать?
Кто пойдёт, смелый, яростный, к трону?

Я пойду! Хватит киснуть и тлеть!
Я поэт! Я и должен ответить.
Что ж, коль нужно, умру. Умереть
дайте мне вместо нравственной смерти.

Добрая, не держи меня, мать.
Все мы, все мы покорствуем року.
Видно, свыше дано испытать
сердцу эту земную дорогу.

Не могу, не могу больше жить
в затхлом запахе тлена и лести.
Я иду... Я прошу доложить...
К тем иду, кто без совести, чести...

2000

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ВЕСНЫ

Ивану Егорову

В последний день весны тепло как летом.
А лето очень ценится людьми.
Последний день весны — как день последний
моих надежд, восторгов и любви.

Не вечно всё, и день весны не вечен.
Как не понять — ума не приложу.
Когда дышать становится мне нечем,
на волю — к лесу, к речке — ухожу.

Цветёт сирень у рощи на опушке.
А в роще — соловьиный сабантуй.
Поодаль голос пробует кукушка.
Смелей, родимая! Кукуй, кукуй!

Раз десять прокукуй — и всё! Довольно.
Лет десять, я скажу, немало лет.
Но на душе печально и так больно...
Лет десять пролетит — и друга нет.

Не только нет, не будет больше сроду.
И друг не кто-нибудь, а сам я, сам.
Как быть? Что делать? Что придумать срочно?
В истерике забиться, выть, плясать?

Иль к бабам потянуться безобразно?
Иль горе утопить своё в вине?
Ни то, ни это! Глупо и ужасно
так поступать, что не присуще мне.

Я потянусь к сирени на опушке.
Я горечь дум в сирени утоплю.
Кукуй, кукуй, кукушка! Ах, кукушка!
Ах, соловьи! Как жизнь, я вас люблю.

Я вас люблю как данность и как диво,
что просится и в песни, и в стихи.
Я всё люблю, что мудро и красиво,
всё, что прекрасно — в мареве стихий.

Не весь пусть узнан в городах и весях,
пока не узнан, — стоит ли тужить.
Свою любовь я оставляю в песнях,
надеясь, что и после буду жить...

2000

В НАЧАЛЕ ЛЕТА

Лежишь, томясь избытком света,
в начале лета, в вечера.
И меж сегодня и вчера
до самого не спишь рассвета.

Дня дождаться бы мне надо.
Но где же ревность, где же пыл
и дерзость пристального взгляда?
Неужто высох, отлюбил?

Извечно странствует душа,
со мною вместе не вздыхает.
Что ж жизнь моя ей оставляет,
скрипя натужно и шурша?

Оставит пламень или лёд?
Не стоит плакать, ужасаться.
В плоть новую душа войдёт
и будет дальше продолжаться.

И встретит новую любовь.
Страсть новая, не лёд, а пламень
её всю станет жечь и плавить
в любую ночь и в день любой.

Не потому ли я приник
к душе, пред ней благоговей?
...День летний долог и велик,
а сумерки в нём — как мгновенья.

2000

* * *

...Но сумею ль кому-то помочь?
Время, время! Страшней ты наветов.
Кадр за кадром бесщётных рассветов
и бежит, и проходит сквозь ночь.

Мне ни сна нет теперь, ни покоя.
Жить мне странные сны не дают.
Что же это, что это такое?
Соловьи на рассвете поют.

Разве время теперь соловьёв?
Не весна ж на дворе, вроде — осень?
Каждый час, каждый миг нас уносит
непрерывно в последний полёт.

Столько снов и полезных, и вредных!
Не могу отдышаться порой.
Столько мрака скрывается в недрах!
Ночь навалится грозной горой.

Вера в свет — утешенье плохое.
Ждёт нас, бедненьких, вечная ночь.
Время, время нас всех успокоит.
Никому я не в силах помочь.

2000

ЛАМПА

Не лампы Аладдина, а настольной лампы
следит за мной зеленоватый глаз.
Как в некую беду, попал я в лапы
вечерней темноты, и в этот час
понадобился избавитель мне как раз.

И я избавлен, выручен, но я смущён
соседской близостью ночного друга.
Вокруг уж ночь стоит, но вся округа
ещё не погрузилась в долгий сон.
И бдению этому огонь мой — в унисон.

«Ты слеп, — огню я тихо говорю, —
лишь зряча мысль...». И тихо тают тени...
Под утро выйду подметать ступени,
подмигивая лихо фонарю,
не он как будто, будто я горю.

Но луч... но лампа... Узкий глаз луча
следит за мной насмешливо и дерзко.
Как лебедь раненая, бьётся занавеска,
крыло на свет подбито волоча —
живым укором разным сволочам.

2000

* * *

Прощай, прощай! Не много остаётся
до той поры, когда наступит срок.
Не унывай и не грусти ты вовсе.
То — срок судьбы. Он непреложен, строг.

Я в срок уйду или уйду до срока,
тебе, тебе подобным — всё равно.
Я жизнь прожил неярко и сурово,
но храбро — как гасконец Сирано.

Я цепью никакой не повязался,
свободный духом, с солнышком в крови.
Бездарных, льстивых наглецов чурался.
Был неудачлив в жизни и в любви.

Но в песнях, в творчестве — всегда удачлив.
Не полюбила ты их невзначай?
Не надо, не люби! Придут, утащат,
как и меня, в тартарары... Прощай!

2000

* * *

Мы расстаёмся. Горечь сердце гложет.
Мы расстаёмся буднично, легко,
но расстаёмся навсегда, быть может,
того хоть и не чувствует никто.

Мы расстаёмся. Госпожа разлука
нас разлучит и в вечность уведёт.
Мы будто все без взора и без слуха,
не видим и не слышим — что нас ждёт.

Мы расстаёмся. Путь наш — на край света
и дальше, в те далёкие края.
Не думал, не гадал, что песня эта
есть песня лебединая моя.

Мы расстаёмся. Горько, горько, боже...
Хоть с вами я навеки расстаюсь,
мне кажется, не весь умру я всё же —
я песней вновь оттуда отзовусь...

2000

В НОЧАХ ВЕСЕННИХ

Зову в ночах весенних, лунных.
Из вечности его зову.
И слышится в тиши — «Алюнов»,
родной для сердца светлый звук.

О, свет наш, яркая звезда,
надежда бедного народа!
Тебя кто предал, брат, и продал,
убил без шума и следа?

В тюрьме, как в клетке, в грозный час,
мечты твои и устремленья
свободны были, как сейчас —
свободен ты, твой дух, от тленья.

Ты пел не тайную свободу,
а явную — в труде, в борьбе.
И я пою — вослед тебе.
Служу не касте, а народу.

Как христианин перед причастьем,
стою и говорю себе:
«Мой страстный зов — какое счастье
в моей безрадостной судьбе!».

В ночах весенних, светлых, лунных,
тебя я вновь и вновь зову:
ты — песнь моя и дух, Алюнов,
родной для сердца имя-звук...

2000

ТАРХАНУ АХПЛАТУ

Тархан Ахплат, мой предок дальний,
во мгле глубокой старины
вы бились, песней стали вы,
не враг вас, вы врага топтали —
джигиты Горной Стороны.

Ногайской подлости коварной
жестокий, злобный беспредел
всё уплотнялся, не редел.
И в битве яростной, кровавой
не год за годом — век летел.

Доверившись московской дудке,
под эту дудку поплясав,
была разрушена Казань.
И что ж? Чуваши свободны? Дудки!
Он — вор. Он — лапоть... Наказать!

Он — раб. Ему — друг друга съесть бы.
...Уважь тебя иль не уважь,
твои заступники в век наш —
Алюн, Юман, Хури и Сеспель —
тобой загублены, чуваш!

2000

УБИВ ТЕБЯ...

Г.Ф. Алюнову

Ты вечно молодой — сорокалетний.
Убив тебя, они себя убили.
Допрашивая, угрожали, били.
Из памяти не стёрли поколений.

А как хотели! Около столетья
ты предан был проклятью и забвенью.
А как бесились бесы-изуверы
потом — в иные годы лихолетья!

Поставили народы на колени:
часть — истребили, часть — в ГУЛАГ загнали,
а тех, кто на свободе, заковали
в рабы... из поколенья в поколенья.

Так было с нами около столетья.
Теперь другие лгут самозабвенно
и истребляют нас ветхозаветно —
иной обман, но то же лихолетье.

Убив тебя, они себя убили,
и тут же, вместо них, другие бесы
демократично, льстиво и любезно
на службу к Дьяволу поспешно заступили.

2000

ЮМАН

Юман... Он жил среди нравственных уродов
и фарисеев — всех хотел любить,
но истый сын чувашского народа
и настоящий — в травле был убит.

Отравлен был — в больнице дали яд.
Белогвардеец, и троцкист, и контра —
писатель классный, чувствовал он остро
всю фальшь всего, что «красные» творят.

Весь строй пропитан клеветой и ложью
и пахнет кровью — стонет вся страна.
Всеобщий ужас, ночь и бездорожье
днём светлым именуется сатана.

Юман всё понимает: духом нищи
большевики, у них нет правды, нет.
Он в западне, он мечется, он ищет,
но не находит выхода — поэт.

Поэт великий, трудно, канителью
живя среди завистливых коллег,
любил их всё же, чувашей — отдельно,
любил как неразумных, как калек.

Но зависть чёрная от крови чёрной
бывает и поэтому любить
не может, не умеет, и о чём мы
прекрасно знаем: зависть — жизни бич.

Талант ему собратья не простили,
и отомстили за его талант.
И кличкой «враг народа» окрестили,
тем самым обессмертили дела.

Проклятью предавали это имя,
тем самым опозорили себя
на веки вечные — неповторимо:
таков урок и такова судьба...

2000

ГОВОРIT АЛЮНОВ

Чем ночь темней, тем звёзды ярче
горят и, возбуждая душу,
поют о бедах предстоящих,
берут меня за горло, душат.

Сижу в тюрьме, за что — не знаю:
за мощь мою или за слабость?
Чувашия моя родная!
Мечты, мечты! Где ваша сладость?

Мечтал я о свободе близкой,
любил я чувашей несчастных —
сих париев судьбы и риска,
о милости к себе кричащих.

Бог милостив чувашский, может,
но он оглох иль даже умер.
Бог триединый, бог-вельможа,
сердит — не поминайте всеу.

В ночи, во мраке предстоящем,
не стать ли мне звездой синей?
Чем ночь темней, тем звёзды ярче
должны гореть все — над Россией...

2000

ПЕГИЛЬ

От верной смерти вновь живым ушёл я.
И уходил я не из дальних стран,
не от чужих — в своей стране чужой я.
Храни меня, мой верный талисман.

Зря ль от тебя волшебной силой веет?
Ты божией любовью мне дан.
Ты — материнское благословенье.
Храни меня, мой верный талисман.

Храни же от болезней, от могилы,
но больше — от подруг и от друзей,
и от властей... Храни меня, мой милый,
от них всегда, они всего страшней.

От чёрствости моей, от преступленья,
что против совести, душевных ран,
от фанатичности и исступленья
храни меня, храни, мой талисман.

И ни измена, ни забвеньё друга,
ни буря или даже ураган
моих страстей меня не смое с круга —
хранит пегиль*, хранит мой талисман.

2000

* *Пегиль* — благословение (чувашск.).

КАЗАНСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ

Г.Ф. Алюнову

Подследственный. И ты же — заключённый...
Аристократом прирождённым духа
являясь, смог бы стать большим учёным —
философом, юристом — одним духом.

Легко тебе давалось всё: науки,
художества... Ты стал бы и поэтом.
А вместо этого — страдания, муки,
тюрьма... позор... И песня твоя спета.

Светлей не стало и свободней в мире.
Уж не царизм, нет, а нечто худшее,
чем деспотия ханов и эмиров,
в стране кроваво, злобно зенки пучит.

И видит в нас, во всех, не граждан, контру.
Раз контра ты, то — к стенке быстро, к стенке!
Не быть в коммунии тебе такому,
там будет верный люмпен, пьяный в стельку.

И — самые кошмарные итоги:
чуваш всё так же голоден и беден,
унижен, оскорблён... Больной, убогий —
он для чего остался жить на свете?

2000

МОЙ ДЕВИЗ

Уж тем неплох я, что не пью за чужой счёт,
а пью всегда за свой, и к чужим жёнам
не лезу, хоть в делах сих — тип прожжённый.
Я совестлив. И справедлив я... Что ещё?

Ещё трудолюбив. И почесть по труду
должны б воздать мне... Тщетно... Нет, не жди ты.
Все почему-то хмуры и сердиты.
Все ждут: когда же в мир иной я перейду.

А я, назло, до девяноста лет, до ста,
и дотянусь — и не умру, и всё тут.
И отсылаете меня куда вы? К чёрту?
Душа ж моя бесхитростна, проста.

Скажите ж прямо: я пойму, и я приму
всё то, что мудро и признания достойно.
И честь, и песнь мою я защищаю стойко.
Таков — девиз, живу я по нему...

2000

ЖЕРТВЕННЫЙ СЫН

На зов мой он пришёл — Алюнов,
явился светлый дух его.
Не зря в ночах весенних, лунных
я звал кумира моего.

Весною — день его рожденья.
Весною же — расцвет всему.
Он осветил всю жизнь мне, где я,
где б ни был, следовал ему.

Народ наш не пропал в невзгодах.
Он сохранился и живёт,
не знает, что такое отдых:
в труде, в борьбе, идёт вперёд.

Не малому учил нас в жизни,
и становились мы смелей.
Не малому и научился
от сыновей и дочерей.

Сыны и дочери чувашей,
нет, не забудут никогда,
о предок наш, себя зажавший,
тебя, далёкая звезда.

Твой дух в ночах весенних, лунных
витает над страной и сил
нам придаёт — ты жив, Алюнов,
сын жертвенный, великий сын!

2000

УПРЁК...

В горестях, в тревоге и в печали
я к вам шёл, как к людям — дальний свет.
Долго вы меня не замечали —
и мой бурный рост, и мой расцвет.

И когда грущу я, отцветая,
должного вниманья тоже нет.
Видно, я бессмертье обретаю,
как звезды далёкой тихий свет...

2001

ВЕЩИЕ СНЫ...

Хоть и пели не вещи мне гамаюны
(я не Блок и не Лермонтов — без эполет),
сколько б ни было лет, всё ж не старый, всё юный,
хоть и робкий, наивный, но всё же поэт.

У поэта любовь — самый главный источник
вдохновенья, чтоб мыслить, гореть и страдать
и творить в духе бардов великих, восточных,
чтоб болеть от избытка страстей, жить, вздыхать.

В культ любовь я возвёл и молюсь, и молюсь ей.
Хоть и жизнь моя вся есть сплошная беда,
принимаю её всё ж звенящей, поющей,
из неё просто так не уйду никогда.

И пусть смысл жизни той иногда непонятен,
пусть немного смущён я, и грустен мой вздох,
и совсем уж нерадостны речи, объятья,
потому что в них вечно таится подвох,

всё равно я зову, всё равно восславляю,
о любовь, вновь тебя, мою жизнь и весну.
Буду грезить во снах и мечтать, вдохновляясь,
до тех пор, пока вечным я сном не засну...

2001

ЛУЧИ ПОСЛЕДНИЕ...

Лучи последние надежд моих погасли.
О чём теперь вздыхать, мечтать о чём?
Надеясь на любовь, был всё-таки я счастлив.
Изверившись в любви, изверился во всё.

Бывает ли любовь? Бывает. Эфемерна...
Глупа бывает. Врёт и воровит.
И потому — бездушна и химерна.
Как быть с такой? И, наконец, как жить?

Как петь, когда ты не горишь, а тлеешь?
О чём петь? Для чего? Кому же петь?
И что за жизнь, когда вот так прозреешь?
О, скорбь прозренья! То — не жизнь, а смерть.

Любовь не только видимость и томность.
Любовь не только розовый туман.
Она и пустота, её бездонность.
И вместе с тем — чарующий обман.

В итоге — нуль, как уточнил наш Сеспель.
«Всё — дым», — сказал туркмен Махтумкули.
Прислушаться бы нам, поняв, участь бы,
бродя вблизи от счастья иль вдали.

Но где б ты ни бродил, лучи погасли.
Ведь ничего и не было и нет
на самом деле — непонятно разве?
Ведь без лучей он есть ли — белый свет?

2001

СВАТ

Не каждый умеет петь...

Сергей Есенин

Не всякий умеет петь.
Не всякий мастак и плясать.
Изба, как известно, не печь,
а печь, все мы знаем, не сад.

Как много цветов в саду!
Как много деревьев — не счесть.
Как много красавцев в аду,
забывших и совесть и честь.

Как много красавиц... О, Дант,
здесь грешников — невпроворот.
А где тут мой сват-космонавт,
забывший меня и народ?

В герои попал невзначай,
вскружилась, видать, голова —
он нас перестал замечать
и печься о нас, горевать.

О горе, о горе ему!
То — правда. Не смог я стерпеть.
Прогонит свет истины тьму:
рассеется миф — потому,
что честно умею я петь,

что честно умею плясать
под дудку моих земляков.
Я знаю: ад это не сад.
Я знаю, что прав. Я — таков.

О, Данте суровый! О, Дант!
Где ад твой? Веди же вперёд.
И где тут мой сват-космонавт,
забывший меня и народ?

2001

ОДНОМУ ДРУГУ

Ты знай: всё в мире тленно, всё мгновенно,
и ты в нём — гость, пронырливый злодей.
Уверовав в обман, власть хвалишь вдохновенно
и предаёшь всю жизнь своих друзей.

Все ходят в гости, погостив, уйти чтоб:
пришёл-ушёл, и всё, простыл и след.
Лишь ветер куролесит в поле чистом
да вьётся пыль — тщета счастливых лет.

Нет веры ничему — покинут силы,
не станет чувств, придет смертный час.
Уж где-то тихо реет тень могилы.
Ты весел, счастлив был — в слезах угас.

Удачлив был, но где твоя удача?
И где богатство, слава? Где почёт?
Всё переменчиво, всё прочь уходит дальше.
Всё движется, меняется, течёт.

Пусть против всех ветров шагал ты смело,
пусть нелегко ты жил в кругу земном,
знай: всё равно припомнят злое дело;
знай: в Судный день предъявят всё равно...

2001

РАЙ

Мир созерцая много лет,
ты вникни, знай и в курсе будь:
нас в рай ведёт здесь на земле
окольный путь, неправый путь.

Решай, крепись и выбирай:
в том твой успех, твоя судьба.
И попадёшь ты в этот рай,
предав друзей, продав себя

и даже — свой родной народ...
В угаре шумной суеты
за годом год спеша уйдёт —
пребудешь в холе, славе ты.

И, дорожа тщетой, обман
в самообман свой превратив,
иллюзией ты будешь жив.
Твой рай — как дым. Иль — как туман.

Друг, жалок ты в раю своём,
и от тебя бегу я прочь.
Мир тем хорош, что все умрём,
не только я, и ты умрёшь.

И ты умрёшь и попадёшь
теперь уж всё-таки не в рай.
Свет белый, мир, — он тем хорош,
что знает — где конец, где край...

2001

ВЕРЕ

Я всё тот же, кудри вот — потрогай,
правда, с проседью в мои года.
Ты моя давнишняя подруга.
И ты знаешь, в чём моя беда.

В том она, что был я заколдован
музой-ведьмою с младых ногтей.
Как больной, вне дома, в школе, дома
всё стихи строчил, не спал ночей.

Одержимый пагубной той страстью,
жизнь свою я в пытку превратил.
И порой мне становилось страшно —
задыхался, не хватало сил.

Взяв на плечи все печали мира,
подгибался, гнулся, как тростник.
И всё чётче, звонче пела лира,
мужественней всем казался стих.

И открылись мне такие дали,
что почти везде нашёл приют.
Раньше за стихи нам срок давали,
нынче и копейки не дают.

Нищенство — моя беда другая.
Нищему почтения нет вовек.
Ты, моя подруга дорогая,
чтишь одна меня, ты — человек.

Но я сам, увы, стать человеком
не успел, тебя я потерял.
Страшная моя беда и в этом.
И в стихах — ужасный матерьял...

2001

ЖАЛОБЫ СТАРИКА

Несчастен я на склоне лет.
В глазах моих чуть брезжит свет.
Я одинок. Жить нелегко.
Участья нет ко мне ни в ком.

Все отмахнулись. Я — не в счёт.
Такой у жизни поворот.
Хоть и слышнее божий глас,
всё меньше времени запас.

И всё теперь — не трын-трава.
И поспеваю я едва
за ходом будней — день и ночь
себя стараюсь превозмочь.

Хоть верь ты, друг мой, хоть не верь,
я, грешный, праведник теперь —
чтоб не тупела голова,
твержу заветные слова.

Есть свойство у заветных слов
сил придавать душе, и вновь
я восстаю на склоне лет:
в очах моих сверкает свет!

2001

УБЬЮТ...

Бог даст, наверно, встречу я с тобой.
Коль мудрый ты — доверюсь с головой.
Последуя тебе, увижу свет.
И я, дружа с такими, милый мой,
ведь сам могу стать мудрым среди невежд.

Но не хочу слыть умным среди глупцов.
Хочу быть дураком среди дураков.
Им не докажешь, что ты не верблюд.
Хочу ещё пожить, в конце концов:
увидят — мудр, они меня убьют.

А бог не даст, не встречу я с тобой.
Что ж? Видно, так назначено судьбой?
Невеждам проще, легче жить в миру.
Чтоб не случилось ничего со мной,
последую глупцу, во тьме помру...

2001

ДОКОЛЬ?

Ивану Егорову

Народом правят шайки бесноватых.
Доколь же будут править, мучить, брат?
Бездарное правление чревато
тяжёлыми последствиями, брат!

Твержу давно и письменно, и устно:
давай джихад объявим сатане.
Агонию бессмертного искусства
прискорбно видеть мне в моей стране.

Средь прочего всеобщего развала
поэзию пытаюсь задушить,
из кожи лезет вон дитя разврата:
ему, вишь, жить, поэзии — не жить.

Бездарные у нас лауреаты.
Бездарны все, и каждый — идиот.
Бездарны и народные поэты.
Тому сродни, кто званья раздаёт.

Бездарный тип и сквозь ушко пролезет
игольное — он нагл, всегда таков.
Кто истинен, талантлив — не жилец он
на этом свете испокон веков.

Будь гениальным, скажут: гений мнимый.
Уж лучше схорониться коль сумел.
Так как же ты, теснимый да гонимый,
как ты сумел сберечься, Сениэль?

2001

ЖРЕБИЙ

Уйти, не быть — плачевный жребий
у каждого из нас, друзья.
От мысли этой плач и трепет
в душе моей — несчастен я.

И — горе, горе... Неизбывно...
И сушит душу, и гнетёт.
О смерти раньше можно было
не думать, ныне — день не тот.

Тяжёл он, и везде — угрозы:
ты обречён, ты обречён.
Напрасен стон, напрасны слёзы:
тебе не быть, вопрос решён.

Твои мечты и устремленья
для злой судьбы лишь звук пустой.
И гасит их, и губит время,
чтоб день приблизить роковой.

Обычно всё, обыкновенно,
раз жребий всех людей таков.
Живу безгневно и смиренно.
Друзья, к уходу я готов...

2001

В МИР ТЕНЕЙ...

О сколько было вас! Ушли все в мир теней...
О сколько нас! И мы уйдём туда же.
Остаться здесь? И не мечтай ты даже.
А в мире том, в глухих извилах, — всё темней.

А в мире том все реки вспять текут
и нету под водой благих огней свеченья.
И если — честно, нету и теченья.
Те, кто в чём уверяют, просто лгут.

Там нет садов, не плачет там навзрыд
хор соловьёв — их нет, не прилетели.
Там нет весны, зимы. И нет метелей.
А мир сей за туманом смерти скрыт.

Шьёт саваны, не упуская мига, смерть.
Храбрился перед ней, показывая фигу,
добил ты свой роман иль не dokonчил книгу,
тебе спастись от смерти не суметь.

Земля — оазис жизни среди планет,
а мы — песчинка, прах, ничто в тумане.
Никто не вспомнит нас и не вспомянет,
ведь миру всё равно: родился ты иль нет.

2001

ПЕГАС

Прости, пегас русскоязычный мой!
Я пел как мог, не лез я вон из кожи,
чтоб переплюнуть всех одной струной.
Речь неродная станет ли родной,
когда тебе не двадцать, много больше.

Не станет, хоть пою со школьных лет.
Дороже мне свои родные песни.
И лучше них на свете песен нет.
Как не пытайся, невозможно петь
на неродном нежнее и чудесней.

Пегас чувашский, ненаглядный мой!
Весь в яблоках, красавец ветрокрылый.
Как ты летишь, копытом бьёшь — ой-ой!
Надёжный конь — здоровый, боевой.
С тобой я навсегда останусь сильный.

Верша судьбу, свершим великий труд.
Вершиной светлою вдали мечта светлеет.
Как погляжу, захватывает дух.
О, конь второй, русскоязычный друг,
я, оседлав тебя, вдвойне сильнее...

2001

ОПАСНЫЙ ДРУГ

Опасный друг, паршивец одиозный
о нас эмиру на ухо шепнёт —
не то что не поэт, не стихотворец сносный,
а виршеплёт, придворный виршеплёт.

И нас не будет в списке одарённых
и приближённых к трону никогда.
Мы будем в списке чёрном, отдалённо
ютясь в своём углу во все года.

Лесть низкая — опора виршеплёту.
И беззастенчивая похвальба
о том, что не летит у нас всё к чёрту
и дело, уж поверьте, — не труба.

Меж тем дела идут из рук вон плохо.
Разбой кругом, убийства, голод, мор.
И страждущих, больных как стало много!
Пропавших, падших сколько, город мой!

Опасный друг паршиво пишет оды,
эмиру нравятся, ласкают слух.
Опасный друг бездарен от природы,
но он один из верных царских слуг.

Так повелось издревле, жополизы
и подлецы, тому подобный сброд
всегда был на виду, пригрет, а истый
талант и умница — наоборот.

Но верю я и жду: сей трюк не вечен,
иной порядок будет утверждён.
И будет торжествующий невежда
навек приговорён и осуждён!

2001

СТАРОСТЬ

Юность наша ушла,
не вернуть назад.
Тихо старость пришла,
в кровь вливает свой яд.

Были веселы мы
на раздольях весны.
Осень хуже тюрьмы —
стали мы все грустны.

Старость, видим, не осень —
даже не тюрьма.
Старость противна очень,
словно смерть сама.

Смерть к изголовью сядет —
знаю: померкнет свет.
Не молю о пощаде
я на склоне лет.

Буду я, буду твёрд,
хоть и драться невмочь.
Пусть уйдут в свой черёд
вдохновенье и мощь.

Дни тревожно скрипят —
мир беспутен и дик.
Пусть утонет, скорбя,
в шуме, в крике мой стих...

2001

ПОСТИГ...

Есть горечь дыма в воздухе медвяном,
угроза гроз на дальнем берегу.
Поэт сказал: судьба глядит, мы вянем.
Раз вянем, значит, дни бегут, бегут.

Торопит рок: скорее и скорее
лети слепою птицей, наугад.
Нам поздно раздувать костров горенье,
пора задуть огни своих лампад.

Взыскуя истины ли лоб бледнеет,
иль в жажде правды сердце заболит,
не станет мир к нам мягче и роднее,
не станет рок к нам милосердней, блин.

Не наградит нас светлой благодатью,
не станет даже к нам чуть подобрей.
Друзей по духу сколько, наших братьев,
убил безвинно, рано он — злодей.

Убил жестоко без петли, кинжала,
без пули их убил, сынов страны.
Они и так судьбы не избежали б —
на муки смертные обречены.

Любой из нас когда-нибудь да сгинет.
Я не о том. В любой момент и миг
меня удар предательский настигнет.
Я вот о чём. Я вот что вдруг постиг...

2001

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Жизнь — тягостна, а гибель — благодать
в сём мире, обители слёз.
Вам страшно, вам хочется плакать.
Не плачьте, подумав всерьёз.

Жизнь — муторна, а гибель — радость:
погиб ты, и дело с концом.
Вам страшно, вам хочется плакать.
Не плачьте, нет выхода в том.

Есть выход, и он — смерти танец.
Мгновенна, безжалостна жизнь —
уйдёт, ничего не останется:
не смерти, её ты страшись.

Открою вам жгучие тайны:
жизнь — зло, и ты — мученик в ней.
И слово — напев мой случайный —
верней всё звучит и верней.

Жизнь — брэнна, а смерть — бесконечна
в сём мире, обители слёз.
Вам страшно, вам дико, конечно,
и слушать, и думать всерьёз...

2001

Я ДУМАЛ...

Я думал: бог ты, божество,
и восхищался так наивно
тобою — мнимым волшебством.
О, как противно твоё имя!
Отрёкся от тебя я ныне.
Для истинного божества
другие возгласы нужны мне.
О, где вы, вещие слова?

Я думал — бог, ты — сатана,
губитель, отравитель мира.
На растерзанье отдана
Россия современным Кирам.
И мною проклят ты отныне.
Во имя правды торжества
другие возгласы нужны мне.
О, где вы, вещие слова?!

2001

МОИ ВРЕМЕНА

О, времена во времена мои!
О, нравы! Стыд и срамота... Разбой...
Продажа... Купля... Смертные бои...
Как оставаться тут самим собой?

Как не расслабиться и не продать
души своей за славу, за деньги
и оказаться, как предатель, тать,
на вражеском, чужом нам, берегу?

Знавал я в жизни голод, холод, зной.
Во тьму вела меня моя судьба.
Не избалован долею земной,
умру, наверно, лишь познав себя.

И пусть я исковеркан, в сердце — дрожь,
бьёт сердце временами вперебой,
дыбой вздымает боль, и всё ж, и всё ж
ни с кем не поменяю я судьбой.

Себя познал я, был я неплохой
во всех перипетиях жизни. Да.
Быть может, ошибался раз-другой,
не ошибался в главном — никогда.

Выигрывал, проигрывал бои,
довольствовался я своей судьбой.
Я был и есть во времена мои
и буду, и всегда — самим собой!

2001

ПЕЧАЛЬ ДУШИ МОЕЙ

Наш срок земной — печаль души моей.
Он короток и мал. И нам милей
его заботы и причуды с каждым часом.
И каждая минута, миг ужасно
волнуют сердце — жжёт печаль сильней.

Жизнь истинная наша — не подлог.
То, что её покинем, — не предлог
для сумасбродств, отчаянья и горя.
Наш путь земной уныл, и хлеб наш горек —
держись: земля уходит из-под ног.

Неужто всем придётся умереть?
Я не хочу! Хочу я жить и петь
о том, что жизнь любая — наслажденье,
хоть будь одни в ней беды, треволенья.
Хочу я жить, любить, томиться, млеть!

Но я один — навеки одинок.
О где ты, где, надежды огонёк?
Не дай мне головой о стену биться,
а дай мне вновь гармонией упиться.
Но я — не я. Я — дух... Далёк... далёк...

2001

ЛОЖНАЯ ПРАВДА

Шла Русью всей
безудержным потоком.
И в правде сей
открылась ложь потомкам.

Дивуемся:
как так — такая ересь?
Дивуемся:
как можно было верить!

Но верили —
все искренно считали,
что не вдали
те золотые дали.

Приблизить их
поставили задачу.
Но гул затих —
мы ткнулись в неудачу.

Сомнительна
нам стала мысль, потомкам,
хоть и текла
безудержным потоком.

Народ устал,
не решена задача.
Уходит даль
за далью — дальше, дальше.

Догнать её
не вздумай — не удастся.
Не идиот.
И не болван, не цаца...

2001

БЕЗ ДРУЗЕЙ

Ивану Егорову

И время же настало — не время, а бред!
Чернее могилы у времени лик.
Я кличу друзей, я плачу, ответа нет,
не будет никогда — напрасен клик.

Кто умер своей смертью, а кто — погиб.
Отныне могила — родной их край.
Был в юности друг у меня — Архип,
но в двадцать уж лет угодил он в рай.

Был Лев... И был Лёша — поэт Аттил.
Угас, от несправедностей изнемог:
он жизнь свою в ад на земле превратил —
горел и сгорел, а по-иному не мог.

Талвир и Шавлы... Многотруден путь
любимцев народных в лихолетье бед.
Я кличу друзей, я плачу, ответа пусть
и нет, но они — со мной, как жизнь, как свет.

2001

НЕ ЛЕТЯТ...

Тарханской кровью не гордись: все были
и родовиты, и богаты — всех забыли.
Слова любви и правды лишь нетленны,
а остальные шлюют поклон могиле —
по воле неба, божьему велению.

Но правда где? И где добыть нам волю?
Когда и кто нам даст любовь на долю?
Так много зла на перепутьях света,
так много бед у жизненного поля,
что жить нам вечно без огней, просвета.

Без воли неба, божьих повелений
ничто не заблестит у поколений
и не погаснет — и любовь, и правда,
взлетая на небесные ступени,
к нам не летят, нетленные, обратно...

2001

ДЖИГИТУ

Мне наставлять тебя на ум неловко:
ты сам с усами, знаешь — где добро, где зло.
Ты прожил жизнь не хорошо, не плохо,
а средне. Что ж? Считай, что повезло.

С улыбкой вспоминай о пережитом,
не все ещё прошли твои года.
Надейся! Ты ж джигит, и будь джигитом,
а бабою плаксивой — никогда!

Ты говоришь, жена тебя заела —
ест поедом, нет от неё житья.
Тут, видишь ли, гляди, какое дело:
где жёны, там — особая статья.

Обычный серый день иль день рожденья,
иль — праздники, всегда и до конца
мужик — машина для добычи денег:
холуй, рабу он уподобился.

Капризно-дикий нрав у жён фригидных.
Тут дело ясное... Хоть дело — швах,
не унывай, джигит, и будь джигитом
всегда и до конца в любых делах...

2001

НЕ ДЖИГИТ...

Кто сердцем от народа так далёк,
что к людям стал надменен и жесток,
тот не джигит, удел его плачевен.
Он хуже злой собаки — где в нём прок?

Народа сын в дни распри и скорбей —
опора и надежда, чтоб скорей
чад смуты и смрад вольностей рассеять.
Он сможет, он рассеет, хоть убей.

Будь честным, и трудись, коль совесть есть.
Джигиты знают, что такое честь.
Они хотят, имея честь и совесть,
в скрижалях жизни истину прочесть.

И в радости, и в скорби, в час любой,
нас свет любимых глаз зовёт на бой
за правду чистую и справедливость.
Джигит — оплот подруге дорогой.

О Сениэль, и ты таким же будь.
Свою — люби, а о других — забудь.
Она — единственна, и это — правда.
Лишь с нею уходи в последний путь...

2001

ЮРИЮ АРТЕМЬЕВУ

О, друг, ужель мы перестали
гореть? О, чудо, будь, вершись!
Сдружила нас Казань. Мы стали
с тех дней друзьями на всю жизнь.

Сдружила alma mater. Музы
к нам залетали — пели мы
о радостях любви, о русских
кудрях, живя как в тьме тюрьмы.

Потом ты гений свой направил
на воспитание тех муз:
пытался пиущей ораве
внушить, что то, что пишут, — муть.

А я, тюрьмою недоволен,
и, дико ненавидя мглу,
поэзией был просто болен
и одержим, к иному — глух.

И вот настали дни расплаты
и за беспечность, и за стих
рисковый — жизнь пошла неладно:
судьбины гнев меня постиг.

Тут сразу оживилось быдло,
пошли подонки на меня.
Нет, не при Сталине то было,
но суть — такая же херня.

Мы не из быдла, не подонки,
друзья наук мы и искусств.
Князей чувашских мы потомки:
я — из тарханов, ты — из мурз.

И в деле ратном, и в затеях
житейских, в области всего
твой славен род, мурза Артемьев,
ты приумножил честь его.

Ты заступился, как и предки,
за друга-князя, за народ.
Теперь таких иль нет, иль — редки:
ты славен, друг, твой славен род!

И я, в плену судьбы суровой,
не стал с печальной мольбой
просить пощады — путь мой новый,
ведёт в бессмертье он, друг мой...

2001

ЗА ПЕСНЬ МОЮ

И время сумеречно, и скитанья
по мукам сушат душу и гнетут.
Тоскуя о душе, мне близкой, дам я
простор страстям, — быть может, и найду.

Но... стоит ли давать и сердце тратить,
ведь нет такой души среди людей?
Не поздновато ли? А вспыхнут страсти
в рассудочной душе среди смертей?

Вот так и умираем: гаснут чувства,
тупеет мысль, редеет... Вскоре мы
тщетою обрастаем как бы, чушью,
перед серьёзными, практичными людьми.

Ох нудны ж эти люди! Злы, жестоки!
Хозяева! Бессмертны! Не умрут!
По сути — мелочны, и все — пройдохи.
И ненасытны — жрут и жрут и жрут.

Увы! Нет ни страны для них, ни судеб...
Пою о том я душу кровеня.
Меня за песнь мразь эта зло осудит,
и уничтожит, светлого, меня...

2001

НЕ ПОЁТ...

Жизнь, чую, убывает — тает, тает...
Я с ужасом пойму однажды, вдруг,
что отжил-отошёл, что жизнь былая
былою не была у нас, о друг!

Мы жили! Но, увы, всё-всё пропало,
исчезло и ушло навеки в дым.
И будто я попал, как все, в опалу
за то, что юным был и молодым.

Был долгий путь безвременья, скитаний,
был путь искания в себе себя.
Вся жизнь моя — борьба и испытанья.
Душила, жгла меня моя судьба.

Травила, в кровь лила отраву-зелье...
И слышу тихий плач в душе моей
об обречённости всего и всех я.
В ней умер, не поёт в ней соловей...

2001

ТАМАРЕ

Шлю кому я своё прости —
я не знаю, мой ласковый вечер.
И устал, и горюет мой стих,
что не смог, не успел ответить.

А ответ был простой: тому,
кто меня, разлюбив, не бросил.
Шлю своё я прости потому,
что весна на дворе, не осень.

Ведь и я в ту весну тебя,
дорогой человек мой, Тамара,
уж прости, целовал не любя,
в соловьиную ночь, в тумане.

Ведь и я не забыл, разлюбив,
хоть с того и прошло лет сорок,
не так сильно любил других,
как тебя, полюблю не скоро.

Всё равно: не простишь, простишь,
юность наша — в гробу, не встанет.
Соловиный мой вечер, тишь,
ах, как много цветов в гулистане!

И я, как Саади, поэт,
шепчу тихий свой стих устало
о любви той, которой нет,
но которая вечной стала...

2001

ДАЛЁКАЯ ДАЛЬ

Я собрался в далёкую даль
очень рано — ребёнком ещё.
Я не знал тогда: жизнь — суета
и тщета, жить в ней — нехорошо.

Я потом лишь узнал: жизнь — мерзка,
потому как все люди мерзки.
В даль собрался я долю искать —
и по-божески, и по-людски.

И пошёл я в далёкую даль
очень рано — ребёнком ещё.
До сих пор вот иду, я устал —
весь извёлся, упал, не дошёл.

А когда уж дойду, бог меня
не отпустит обратно домой.
И далёкая даль, вдаль маня,
не потешится всласть надо мной...

2001

ЗМЕЙ

Что сердце чтит в своём призывном бое?
И что у нас сбылось и не сбылось?
Ложится путь моих последних болей
и смертных ран через проклятье, злость.

Я вижу: люди те ж, не изменились,
и та же каинова на челе печать.
И милосердья, что веками снилось,
придётся нам и ждать, и ждать, и ждать.

Тоскуя по нему, свет белый исстрадался,
но в ухо всем шипит дней плоских змей,
что смерть всех успокоит в вихре танца,
а до того терпи, гореть не смей.

А я не потерплю, а я посмею!
Я не боюсь вас, злость, проклятье, гнев.
Уж пусть сгорю я, чем поддамся змею,
в святом и очистительном огне!

2001

НИЧТО

Ненавистное, проклятое,
но любимое Ничто,
для чего же жизнь распятая
служит при тебе Тщетой?

Ах, Тщета моя ничтожная,
Сатане ты отдана:
стал теперь ничтожным тоже я —
правит мною Сатана.

Нуль я полюбил вслед Сеспелю,
жизнь распятую вина.
В сотню градусов по Цельсию,
в жар, кидает Нуль меня.

Уж давно, давно уж распят я,
как и жизнь моя, к Ничто.
Ну и что? Какая разница?
Жил напрасно. Ну и что?

2001

ЗВЕЗДА МОЯ ГОРИТ...

Я в жизни проходил уж много круч и далей,
предписанный в пути упасть и замолчать.
Скитался я, и ты — предел моих скитаний,
о час грядущий, окончательный мой час.

В тот час, в последний раз на солнце моя песня
мелькнёт, и я уйду и не приду назад.
Найдя приют в жилище тесном, уже здесь я
ваш буду созерцать и голод, и разлад.

И знаю я давно, что рук ничьих сплетенья
уж шею не ожгут мне больше никогда.
Я в мир теней ушёл, и все мы, все, там тени.
На наших на путях — полынь да лебеда.

Ах, как же быть, друзья, с мечтами нам о рае?
А есть ли он, ваш рай, и, если есть, то — где?
Уносится мечта и в воздухе сгорает.
Мир здешний, как всегда, — в трудах, в борьбе, в беде.

Горит пока звезда. Гори, гори ты долго
на радость добрым всем, на горе сволочам.
Не жить и мне, звезда, как ты погаснешь только.
То значит: он пришёл — мой смертный час...

2001

ИВАНУ ЕГОРОВУ

Ты брат родной мой, друг, любимый брат!
Гляди, какой на липах цвет душистый!
Всю жизнь сопутствуя мне, был всю жизнь ты
примером милосердия и добра.

Росли мы вместе, вместе и цвели...
Кудрявый тихий мальчик синеокий,
как без тебя мне было б одиноко!
Как ум твой светлый для меня велик!

И помню я с первоначальных дней:
любя людей, и свет, и всё живое,
ты беззащитен был, раним душою —
благословляя жизнь, терялся в ней.

Всегда сулил нам гибель жизни путь.
И мы прошли его вдвоём достойно:
преследовали наши цели стойко
и били в цель всерьёз, не как-нибудь.

Теперь на липах — иней, а не цвет.
И на висках у нас такой же иней.
В глазах твоих, когда-то светлых, синих,
давно уж не играет прежний свет.

Ты грустен, ты печален. И тоска
по быстро так промчавшимся денёчкам
в них с каждым божьим днём заметна очень.
И жизнь теперь бесцветна и тускла.

А трубы смерти всюду смерть трубят.
Ах, брат мой, брат! Переживи ты брата.
Любовь моя, печаль ты и отрада,
душа моя, как жить мне без тебя?..

2001

ПОРФИРИЙ

Кто — Пушкина, Дантес угробил?
Мартынов — Лермонтова? Нет!
Другие падлы и уроды.
Те, кто был в вышней вышине.

И Сеспелю — не трус Миронов
сломал судьбу, а власть, Эльмень, —
так как дрожал во время оно
за трон свой этот подлый хрен.

Меня чуть не сгубил Порфирий,
но, видно, сжалилась судьба.
Как царь поэзии, в порфире
я было воссиял, и, хилый
талантом, друг мой в зависть впал.

Оклеветал меня и продал,
а предал ещё раньше, змей.
Писал доносы он и оды,
душою становясь всё злей.

Но, к счастью, молнии и громы
тогда уж в вышней вышине
гуляли тише — шаг огромный.
...И стих мой продолжал звенеть.

2001

АЛЛЕЯ СЕНИЭЛЯ

Опять, как сон кошмарный, вся неделя
была мне мукой среди других недель —
гуляя по Аллее Сениэля,
совсем не весел старый Сениэль.

Неделя как неделя — словно в пропасть,
и эта канула, грызаясь со мной.
Берут в тиски меня и страх, и робость
перед грядущим, чьё лицо — темно.

Темна аллея, тьмою тяжелея.
Безрадостно всё, пусто — тьма есть тьма.
Не сгинул юным — очень сожалею.
Мертва неделя, как и жизнь сама.

Всё отдано в душе хуле, разору,
чтоб светлых чувств и мыслей не имел.
Вдруг дева промелькнула перед взором,
чтоб горестно не мыслил Сениэль.

О дева! Вновь ужель пройдёт неделя —
не будет радостью среди смутных дел?
Аллея тьмы, Аллея Сениэля
ужель убьёт поэта среди недель?

2001

ГОЛУБАЯ МЕЧТА

Меня полюбила мечта голубая,
мечта голубая влюбилась в меня.
И веет весною; и реет, купаясь,
и реет, купаясь в тумане, луна.

Чего мечта хочет? Чем сердце тревожит?
Чем сердце тревожит земное моё?
Ввысь, в юность зовёт! А обратно не хочет,
обратно не хочет лететь, ё-моё!

Но я не пойду за мечтой голубою,
и не полечу за ней, не побегу.
Её не услышу я зов. И с любовью
мечта опоздала: устал, не могу...

2001

БЕЗВЫХОДНО...

Моё положение, я знаю, безвыходно,
безвыходно, впрочем, оно и у вас.
Угробить поэта — кому это выгодно?
Но гробили, было, притом — много раз.

Ужель положение моё безнадёжно?
Быть может, всё ж выход найду из него?
Любил я вас нежно, сурово, но нежно.
Любил безответно вас — до одного.

Но что же безвыходно в том положении,
в котором томлюсь и в котором пою?
Безвыходно то: потерпев поражение,
сберечь не сумею себя — песнь мою...

2001

В НОЧЬ ПОЛНОЛУНЬЯ

Это было давно — в год любви и разлуки.
В год, когда я прозрел и покинул тебя,
потому как я понял: страдания и муки
не колеблют того, любит кто не любя.

Было это весной, было в ночь полнолуныя.
Первый раз объяснился тебе я в любви.
Первый раз ошалел от твоих поцелуев,
но в тот первый же раз что-то в них уловил.

Уловив, усомнился. Пошли опасенья...
Я любил, я страдал и я мучился так,
что, спалив всё нутро, весь сгорев, опустел я.
«Стерва!» — я возопил раз однажды в сердцах.

И — не зря: опасенья мои оправдались.
Раз случайно увидел: целуют тебя!
Это было зимой, в полнолуныя, в подвале.
И ты, как и меня, грызла их не любя.

Это было давно. Мы теперь постарели.
Ты — почтенная дама, я — нищий поэт.
Не любя ты любила всю жизнь, не сгорела.
Ну а я вот... а я... Я сгорел. Меня нет.

2001

БОЮСЬ...

Мне жутко, жутко мне: той жизни нет,
которая была, не будет боле.
Мой век прошёл, и перейдено поле.
В душе — глухой тоски ужасный след.

Для сердца, знаю, нужен перелом:
ещё не поздно и догнать, и слово
сказать кому-то и вернуть; и словно
опять ты — в настоящем, не в былом.

Но... лишь струится, не клокочет песнь,
навряд ли уж теперь всклокочет снова.
Как страшно: весь в былом я, весь, —
боюсь, что вот не будет и былого...

2001

НЕ ХОТЯТ

Заметил я и замечаю
так лет примерно пятьдесят,
как люди сыто жить мечтают,
а потрудиться не хотят.

Что может быть того глупее —
держат путь к цели порожнём?
И жизнь грубеет и грубеет.
Не сеем толком мы, не жнём.

Огрубла жизнь в раздорах, в хамстве.
В стране и круто, и остро
бал правят наглость и нахальство,
мошенничество, воровство.

Гребёж, убийство стали нормой.
И в моде — взрыв, пожар, теракт.
Кругом — террор, разбой и войны.
Страшит нас СПИД теперь, не рак.

Заметил я — звереют люди.
Ах, лучше бы — не замечать.
У каждого в душе — иуда.
О днях иных нам не мечтать...

2001

КЛИКИ ЛЕБЕДЕЙ

Отлетая, птицы в небе тают.
Боль осенняя нам грудь прожгла.
Не горюй о том, пусть отлетают,
а горюй о том, что жизнь прошла.

Страшно как — средь дум и потрясений!
Было так и раньше, и всегда.
Клики лебедей в дали осенней
жалобно зовут с собою вдаль.

Понял ли, куда зовут нас птицы?
Край неведомый — не отчий край.
Нам оттуда уж не возвратиться.
Здесь, на месте, бог, нас покарай.

Покарай за все грехи и тупость —
проворонили мы сатану.
Покарай за немощ нашу, глупость —
проморгали мы свою страну...

2001

БЕЗДУШЬЕ

Есть в смутных речах туманность,
туманность в смутных речах.
А в лунных лучах есть радость,
есть радость в лунных лучах.

В улыбке бывает бедность,
и бледность — на твоём лице,
в любви моей — безответность.
И нету любви нигде.

Есть в лунных ночах душевность,
душевность — в лунных ночах,
а в поисках счастья — тщетность.
И смутность — в твоих очах.

Есть что-то в тебе старушке,
как в смутности — вообще.
И смутность эта — бездушие,
бездушие в твоей душе.

2001

ВЕСЕННИЙ МОТИВ

Неужто уж время, неужто пора —
подули тревожно, подули ветра?
Вот первый листок закружился, летит.
А в сердце моём — не осенний мотив,
а в сердце, а в сердце — весенний мотив.

Прощай, я уеду, будь счастлива ты,
живи без меня, без любви, маеты.
Вот первый снежок закружился, летит.
А в сердце моём — нет, не зимний мотив,
а в сердце, а в сердце — весенний мотив.

Расстанусь с тобой, чтоб не встретиться вновь,
ведь кончилась, сгинула наша любовь.
Вот первый листок пробудился, блестит.
И в сердце моём — всё весенний мотив,
весенний, чуть грустный, прекрасный мотив.

Я вижу: не вышла по свету ходьба.
Мотив этот, видно, как жизнь и судьба.
Я — здесь, не уехал, и время летит.
А в сердце, а в сердце — весенний мотив,
из юности нашей весенний мотив...

2001

ДЕВА

В те годы, когда был я юный, грёзы
переполняли сердце; в взрыве чувств
восторженные появлялись слёзы.
Я и теперь душою в юность мчусь.

О дни! О ночи! Я ль всегда не юный!
Иным быть не умею, не могу.
Всё струны золотые да свет лунный
чаруют душу мне — на всём веку.

Всё девы юной лик — перед глазами:
и очи синие, и взгляд родной.
Не спутаю с другими голосами
прошальный её голос молодой.

Прощаюсь я, всю жизнь прощаюсь с девой,
как и она прощается; но я...
я знаю: не прощусь... Ах, что же делать,
коль то — любовь бессмертная моя?

Любовь — моя судьба и злая шутка.
А если это просто ложь, навет?
Я и тогда, как ни было б мне жутко,
не спрашиваюсь с девою навек.

Не спрашиваюсь и умру я юным,
ведь дева та и юность для меня
одно и то же — как при свете лунном
всё струны золотые мне звенят...

2001

ВНОВЬ ДРУГ, ПРОЩАЯСЬ

Вновь друг, прощаясь, долго провожает —
проститься сразу, видно, нелегко,
когда твой друг надолго уезжает,
и уезжает слишком далеко.

Вновь друг, прощаясь, обнимает крепко,
нежней родного брата, я б сказал.
Слезу пускает друг мой очень редко,
на этот раз в слезах его глаза.

Вновь друг, прощаясь, мне рукою машет:
мол, будь здоров, счастливого пути!
Жизнь наша вся прощанье с жизнью нашей.
Пойми то, друг, пойми и не грусти.

И друг, прощаясь, думает, конечно,
о том, что с жизнью нельзя играть —
как будто расстаёмся мы навечно,
как будто машет мне... в последний раз.

2001

ЦВЕТОВ ОГОНЬ

Доколь грустить, печалиться доколь?
Не станет мир ни чутче, ни добрее.
Осенних не угас цветов огонь,
но сердце старое моё не греет.

Долой печали все, и грусть долой.
Исчезни, на судьбу и бога ропот.
Любовь и смерть витают надо мной,
и чувствовать, и жить меня торопят.

Любить спеша, упорствовать спеша,
душою юным станешь поневоле.
И обомрёт счастливая душа, —
о бедная! — от счастья, как от боли.

Доколь болеть душе, грустить доколь?
Но знаю я: не станет в ней светлее,
ведь уж давно угас живой огонь,
и сердце старое моё чуть тлеет...

2001

Tozube

СОЛОМОН И СУЛАМИТА

Из «Песни песней»

1.

Суламита*, Суламита
и красива, и смугла,
на неё вы не смотрите, —
сад она днём стерегла.

Почернела, опалилась,
сохранила виноград
и немного притомилась,
а теперь пасёт козлят.

Щёчки — с ямочкой; ресницы
опустила, полюбя...
Кобылице в колеснице
уподобил я тебя.

В ожерельях — шея. Сделать
все подвески, может быть,
в блёстках? Пусть, когда их вденешь,
блещут звёздами из тьмы.

Ты прекрасна, ты прекрасна,
с поволокою глаза.
Ты скитаешься напрасно
возле, козочка-коза.

* Суламита — Суламифь.

Приходи на отдых в полдень
в лес, где травы высоки:
кедр — кровлей нашей будет,
кипарисы — потолки.

Поцелуешь — выпьешь душу
всю до дна и навсегда.
И сгорим мы, — не потушим
пламень страсти никогда...

2.

*Искало ночью, сердце девичье искало
того, которого душа моя зовёт.
Искало сердце, не нашло, устало.
Душа моя не устаёт, поёт.*

*С постели встану я искать по городу
того, которого зовёт душа моя.
Пойду по улицам и площадям, по холоду.
Найду его, найду, ведь я его любимая.*

*Искала я, искала очень долго
того, которого душа моя зовёт.
Мне стражи встретились вдали от дома.
«Вы не видали?» — «Нет». Прошли вперёд.*

*Едва прошли, я встретила неожиданно
того, которого зовёт душа моя.
Нашла, нашла, родимый мой, желанный!
Ты — мой любимый, я — твоя любимая.*

3.

О, прекрасна ты, прекрасна.
Губы алы, а уста
так любезны, очи страстны.
Ты чиста как красота.

Волосы твои прелестны.
Зубы чудно хороши.
Ты сестра моя, невеста.
Ты душа моей души.

Сад ты запертый, источник
запечатанный; в саду —
колодезь живых потоков.
Как я в этот сад войду?

Там цветут шафран и мирра,
нард, аир и фимиам.
Лучших ароматов в мире
не сыскать, наверно, нам.

С юга, с севера прохладой,
ветер утренний, повеи.
Пусть польются ароматы
Суламитою моей.

Два сосца её как двойня
горной серны. Мочи нет
видеть трепет их в неволе...
Не дожидаться ночи мне!

4.

*Сплю я, сердце бодрствует, не спит.
За дверями милый мой кричит.
Вот ушёл. Души во мне не стало.
Я везде, везде его искала.*

*Он красавец. Галаад скалистый
никогда такого не видал. Друг чистый,
смуглый и румяный. Простоват.
В кудрях чёрных у него вся голова.*

*Голубицами глаза его
синей влагой плещут... Да... И вот
стражи встретили меня, сорвали
покрывало, отбивалась вяло.*

*Брат возлюбленный, любовь — как знамя.
Отзовись, коль есть оно над нами.
Где, в какой далёкой стороне
я тебе принадлежу, ты — мне?*

5.

*Оглянись-ка, Суламита, —
манаимский хоровод,
ты сладка и именита,
отразись на лоне вод.*

*Стройный стан подобен пальме,
на неё я быстро б влез,
рвал бы финики на память,
не ходил бы в дальний лес.*

Что запретно — то приятно.
В жизни то — разрешено.
И уста твои, понятно,
как душистое вино,

улаждают утомлённых.
Я желанья не таю.
Без обиды, окрылённо
и тебя я напою.

Яркий луч, звезда Сиона,
как восходишь ты, цветёшь!
И сосцы пугливо-сонно,
серны две, впадают в дрожь.

Шестьдесят цариц, наложниц,
вдруг увидев, сто девиц,
поклонились, растревожась,
поклонились, пали ниц.

Ты — зарница в тёплый вечер.
Ты сияешь как луна.
Солнце ты! В тебе навечно
жизнь моя заключена.

6.

*Не мала уже, я — крепость,
и сосцы как башины все,
потому в глазах твоих я
выгляжу так мило.
Тысячу монет давали
за плоды во всей красе —*

*виноградник стерегла я,
свой не сохранила.*

*Царь души моей и царь мой,
брат любезный и поэт,
Соломон, не разрывай ты,
юноша, объятий.
Ведь любовь, как смерть, всесильна,
ничего сильнее нет.
Положи меня на сердце,
приложи печатью.*

*Воды не потушат; реки
не зальют её — любовь.
Ревность — лютый пламень ада —
не сожжёт горенье.
Даст хоть все богатства мира
глупый человек любой,
мною отвергнут и осмеян
будет он с презреньем...*

1985

ПОДРАЖАНИЕ ДРЕВНИМ

Гей, Умари Хайём — Омар Хайям,
ну как тебя пошлѐшь ко всем х...,
коль сам ты посылаешь вот уж тыщу лет
исправно то в кабак нас, то к блядям?!

И если туп я, как сапог, то я
не в состоянии тебя понять,
что говорил ты в переносном смысле
о том, что хмель — не хмель, а блядь — не блядь.

Что то — уловка, не открытый текст;
что то — лишь метод выразить протест.
«Блудить и пить нельзя!» — кричит ханжа.
«Нет, можно!» — ты твердишь; ты — молодец.

А я, признаться, не настолько туп
и не настолько, дорогой мой, глуп,
чтоб не понять тебя, поэт Хайям,
не раскусить... и не настолько груб.

С мерзавцами и подлецами ты,
ведя войну до крайней нищеты,
к ним не пошёл с повинной кус просить,
не стал рабом бессилия, тщеты.

Не то что смертные земли, Аллах
воскликнул «вах!» на дальних небесах,
крамолу услышав твою случайно,
хоть и давно держал всё на весах.

Он поиграет нами в куклы, — Бог,
не знайте, скажет, никаких забот

и, дав покувыркаться, вдруг всех кинет
в сундук небытия, где сон глубок.

Поскольку всё на небесах решать,
шаг этот твой, мой друг, не ложный шаг.
О том, что согрешил, ты не печалься,
предписан был сей грех — что ж дух смущать?

Тогда Ваятель милосердный, сон,
мысль, чувства мне давая, в тон
мои грехи в меня вложил, и — нате:
теперь геенной угрожает он.

Теперь, как мяч, гоняет — не кричи;
туда, сюда беги и — всё молчи.
Устраивая в этом мире гон свой,
он знает смысл его из ста причин.

Да, знает! Мир, как видим, — западня.
Нас травит, травит, к гибели гоня.
Он сам за всё в ответе, полагаю,
в грехах же обвиняет лишь меня.

В тот день, когда всем дал Он имена —
созвездьям, людям, водам, семенам, —
когда все наши судьбы внёс в скрижали,
мы покорились. Скажут: чья вина?

Бог недоступен моему уму.
Покорность или бунт мои — к чему?
Одной надеждой жив я — окаянный:
прости, прости рабу ты своему.

Как ни пытается страдальцев рать,
не может Книгу Судеб перевернуть.
Хоть до скончания жизни пейте желчь вы,
приходится законы соблюдать.

Ни сократить её, ни удлинить —
прервётся точно к сроку жизни нить.
Жизнь пронесётся как одно мгновенье.
Не забывай: её тебе творить.

Голодный, бедный, похвалиться нечем,
в тепле сидел ты всё ж весь день, весь вечер.
Ты никому не раб, не господин, —
счастливый малый ты, о человеке.

И прав Хайям: «В мир снова не придём,
своих друзей вторично не найдём.
Лови же миг! Ведь он не повторится,
как ты и сам не повторишься в нём».

Я пью, гуляю. Что ж? Ты обнищал?
Тебе завидно, если отощал?
Прошу смиренно, чтобы ты, Всевышний,
пореже нас карал и всё — прощал!

Безжалостный, жестокий, как Аллах,
кому, когда помог ты? Гибель, крах
несёшь сердцам обугленным, горящим.
Для нас ожог ты новый, новый страх.

Я тайны мира разгадал вполне —
всё в мире глупость, вздор поистине.
Куда я ни взгляну, о дорогие,
несчастья, беды угрожают мне.

Не так свершается всё, не по нас,
в скитании земном наш свет погас.
И в думах горестных бредём по свету —
пришли недавно мы, уйдём сейчас.

Уйдём без имени — простынет след.
А простоит мир много тысяч лет.
Нас не было тут раньше, впредь не будет.
Какая разница? Раз нет — так нет.

Где свет надежд? Лишь — страхи, страхов гнёт.
Что верно в жизни? Что она течёт.
Вот истина. Я это понял рано,
но поздно взял, по-видимому, в счёт.

Пока живёшь, «не замер на меже»,
пора подумать о своей душе,
когда предстанешь перед Ним, то поздно
уж будет, не покаешься уже.

Смерть видел я, жизнь тоже — не секрет.
Обмерил так и эдак белый свет.
И что вершинно про себя отметил,
так это опьяненье — лучший свет.

Цветы увянут на лугах. Беда!
Сады обманут неземные. Да!
Весёлым будь! Вся истина — в веселье.
Всё остальное — пыль, белиберда.

Подруга нежная, вино, трава,
без вас счастливейшим мне не бывать.
И пил, и пью, наверное, и буду
вино я пить, пока душа жива.

Лужок, подруга и сосуд с вином —
мой рай. И не хочу попасть в иной.
Другого и не может быть, уверен,
хочу я наслаждаться лишь в земном.

Тверёзый — в панцирь замыкаюсь я.
Слабею разумом, когда я пьян.
Меж трезвостью и опьянением миг есть,
то правда высшая, о друг Хайям.

Уж лучше сердцу чаркой радость дать,
чем, коммунизм хваля, мессию ждать.
Ум трезвый на душу кладёт оковы,
а пьяный разрывает их всегда.

Чтоб двигаться свободно, не связать
себя в пути, я ничего не взял.
Поэзия! К тебе я шёл, оставив
всё-всё, что мило сердцу, всех и вся.

И тот, кого хвалил Эммануэль,
и тот, кто сказками всем надоел,
лопочет грязно, о Хайям великий,
лопочет, что бездарен Сениэль.

Бездарен... Что же, может быть, и так.
Смутьян и пьяница... Как бы не так!
Болтайте вы себе тут что хотите,
но я есть я: я — Сениэль. Вот так!

Кто плохо пишет, тот лауреат.
Кто пишет хорошо, тот — прямо в ад.
Такую им устроят заваруху,
что бедный малый сам себе не рад!

Сто лет Хозяин партбюро — вот гад! —
нас продавал и выдавал стократ —
Эл, серый кардинал, «народный писатель».
Ну как живёшь, презренный ренегат?

Теперь ты, как и Васька, — демократ,
придурку-Ельцину кричишь виват!
На митинг к коммунистам Гоша ходит,
а вы к ЧАПистам — на конгресс-парад.

И каждый за народ душой горит.
О, лицемеры подлые, цари
мерзавцев, прохиндеев и прохвостов,
не стыдно вам про совесть говорить?!

Готов гореть на медленном огне,
не страшен ад — ночной кошмар во сне,
но страшен скоп бездарных блюдолизов, —
общенье с ними хуже смерти мне.

Судьбой униженный, во прах я пал,
меня Всесильный грозно покарал,
но и глоток живой воды из рук их
не брал, хоть и в огне тогда сгорал.

О, боже, накажи ты сих ослов,
язви их в душу за бесстыдство слов —
коммунистических ханжей и фарисеев,
демократических блядей и болтунов.

Не надо мудрым званий и наград,
а вот осёл жизнь положить бы рад
за самый маленький значок иль званьё.
Среди таких прожить достойно — ад.

Живя в их обществе — тупых ослов, —
ослом не притворялся я без слов.
И вот меня, разнюхав, эти дурни
в подрыве обвинили соц. основ.

И всё ж не стал скотам я угождать.
Не муха, душу чтоб за харч отдать.
Питался кровью сердца, независим,
глотаю слёзы, — ад, ни дать ни взять.

Впасть в нищету уж лучше, голодать,
чем в шайки подхалимов попадать,
чем пряником прельститься у мерзавцев
за их застольем — лучше пропадать.

Вас презираю, лживый лицемер,
хоть для ослов вы — идеал-пример.
Торгуя под завесой благочестья
собой, вы — не скотина, истый зверь.

Несчастный — что хочу я от ослов?
Их надо бичевать без лишних слов.
Несёшь им мудрость, правду — отметаю,
тебя же и позорят, как назло.

Поменьше б слушать их тебе, простак.
Будь скрытным и не ведай лстивых врак.
Соображай — и ты заметишь сразу:
кто друг тебе, кто твой предатель, враг.

Гей, Умари... Какой уж нынче матч
у нас и кто играет? Проиграть
в итоге всем придётся, но пока что
хлопочут, изрыгая «в бога мать».

А Бог ли только виноват во всём?
Ты сам не виноват, скажи, Хайём?
И до Аллаха был им Заратустра,
все корни наши верой жили в нём.

Играет нынче, как и в те века,
Добро со Злом: порядочный и гад,
счастливец и страдалец, гуманист, убийца —
непримиримо, не убьют пока.

Какой вокруг, который матч? Ответ:
матч вечный, коль бессмертен Человек,
бескрайне-бесконечный... Безобразный...
И суть его не канет в лету вех.

Всё временно, всё тлен, и в этом — суть.
Что — вещи, деньги?.. Пыль. Ты выше будь.
Лишь вездесущий дух считай ты сущим,
вещественно не тающим ничуть.

Как всем живущим, смерть нам суждена.
Сотрутся быстро наши имена.
О Умари, поэт солнцеподобный,
лишь только дух — на вечны времена!

Красив ты, безобразен, суть — ничто.
Ты умник иль глупец, равно — ничто.
Весь этот мир подлунно-поднебесный,
уж коли вдуматься, — мираж, ничто.

И молодой, и старый отойдёт,
побыв недолго, чередой уйдёт.

Остаться навсегда, о смертный, невозможно,
и ты уйдёшь, и тот, что вслед придёт.

Безвинными пришли, в грехах ушли.
Не знали горя, в горе сердце жгли
и обливались горькими слезами —
развевя жизнь как дым, на нет сошли.

Весёлым был я, скорбным в жизни стал,
из грязи вылез, чисто заблистал.
Как истинный певец, был многоликий:
тупой, как брус, и острый, как кинжал.

Дурак, талантом не считай меня,
не тот я, видит Бог, прости меня.
О мире, о себе сказать могу не больше
я тех глупцов, что балуют меня.

Составь себе лишь имя, и ты — пан.
Рабов имён, пустых как барабан,
любых, заставишь ползать пред собою.
Они пигмеи все, а ты — титан.

Но пусть идёт сей трюк ко всем х...
Позор, не слава это... По путям
мудрейших в вечность мы уйдём достойно.
Гей, Умари Хайём, Омар Хайям!

1993, март

ПО АЛЛЕЕ...

Запев

Не похвал от черни жду я,
не прославиться хочу.
Не бахвал, не плут, не жулик, —
душу б успокоить чуть.

Душу б выплеснуть сколь можно,
пожалеть и опростать.
То, что ложь, — сказать не ложью
вам об этом, господа.

А что правда, пусть пребудет
просто правдою вовек.
Обо мне могли чтоб люди
говорить: вот человек!

Только братья надо было,
а как взялся — накатал.
И не кто-нибудь, друг милый,
сам поэму написал.

Сочинять стихотворенья
мне не трудно, я привык.
Автор — я, в том нет сомненья;
Сениэль же — мой двойник.

1.

По аллее Сениэля
не гуляет Сениэль,
потому что дышит еле.
Что у дурня? Грипп? Ужель?

И лежит пластом, горяя.
«Захворал... Ах, чтоб её...
хворь такую-растакую...» —
и хрипит он, и плюёт.

Тихо вспомнит дни былые —
и ему тут не до сна:
встанет детство, как былина,
встанет юность, как весна.

Жизнь — волнующая тема
не на сказочный сюжет,
а прекрасная поэма
всех неповторимых лет.

Дни ушли, осталась память,
память отгоревших дней,
и уж сердце не заставить
нам не подчиняться ей.

Речка, лес, овраг и поле —
прошлой жизни круговерть.
Детство было голубое,
несмотря на голод, смерть.

Рано к нам нужда явилась;
горе, слёзы грудь прожгли.
Стар и млад в тылу трудились,
а войска к Берлину шли.

Голодали мы, болели;
не под силу лес рубить,

но рубили — сосны, ели
мы валили, стало быть.

Нажили килу и грыжу,
повредили позвонок —
на всю жизнь. (Потомок, слышишь,
слышишь, маменькин сынок?).

И трахомою болели,
и куриной слепотой.
Лебеду и глину ели,
пухли от еды такой.

Голод был страшней, чем холод,
но и холод, я скажу,
умножал на теле голом
чирьи разные, паршу.

Потому как все ходили
мы в лохмотьях и лаптях.
И откуда только силы
находились выжить? Страх!

Было всё: и беды детства,
и отрочества беда,
всё ж осталось юным сердце,
хоть и голова седа.

Стар я, решены проблемы,
жизнь исчерпана до дна,
но, как видится, за всеми
всё ж останется одна.

И её в предсмертной муке
вдруг удастся разрешить:
кто я, что, и что за штука —
жить, на белом свете жить?!

2.

Юность... Что за время года?
Было сказано — весна.
Юность... Вся в цвету природа...
Мы — в цвету. Нам — не до сна.

Поджидает Марья, Дарья.
И обеим я — кумир.
Злые от недоедания,
целовались редко мы.

Наше бледное цветенье
вызывало мало слов,
и, крутил ли я, вертел ли,
не цвела моя любовь.

Я любил как из-под палки,
не любил в себя влюблять —
девушке, на счастье падкой,
стыдно нагло обещать.

У несчастной нашей были
жизнь другой могла ли быть:
мы в селе рабами были
и любили как рабы.

В положеньи самом гиблом
я берёг остатки сил.

Всё ж чуток меня любили,
ну и сам, считай, любил.

Было дело: и кусали,
и сосали — не секрет.
Я бросал, меня бросали, —
вот и стал жестокосерд.

Чуть как что, вдруг оскорблялся,
путы рвал и брал расчёт:
и без вас богат, мол, бляхи,
не убыток это всё.

Если совесть не замучит,
обойдёмся в сотый раз.
Жизнь, наказывая, учит;
отбирая, вновь воздаст.

Пожалеть хочу о многом,
одного себя вина.
Не отстать бы ненароком
от того, что ждёт меня.

По своей бегу тропинке,
и жалея, и любя,
но подобно это пытке —
заморил совсем себя.

Спешно бой ли принимаю,
подбираю ли хвосты,
или след свой заметаю,
жгу ли за собой мосты,

тороплюсь туда, где пик мой
высится — моя мечта,
что грозит кровавой битвой,
и не сдастся никогда.

И в песок уходят годы.
Жаль, не смог найти себя
и достойную работу —
жил, терял судьбу, губя.

Недоволен? Недоволен,
недоволен я судьбой,
так как над собой не волен.
Недоволен и средой.

Что-то тычет там и точит
грубо изнутри меня,
нехорошее пророчит
в жизни — и нельзя унять.

Мало ль что, не возражаю
голосу я вражьему, —
губит, жить не разрешает
и хоронит заживо.

Не в забаву, не в утеху
жизнь мила нам, куркули,
от успеха чтоб к успеху
строго двигаться могли.

Самая, быть может, малость, —
вырастаю из неё,

что б ни стоило, ни случилось,
побеждаю, ё-моё.

Разрешённая задача, —
что ни говори, не грех.
Пусть исчезнут неудачи
и да здравствует успех!

3.

Молодость... Но то ль ты, шалый,
вякнул? Нет, не то, эсрель*:
молод был, теперь, пожалуй,
и созрел, и перезрел.

Нечего распространяться
тут про это, паразит,
можешь впасть в тоску по связям,
как впадёшь — зуб заболит.

Сколько было их: ненужных —
и никчемных, и пустых!
Внутренне я и наружно
уж давно от них остыл.

Умереть, глядишь, собрался,
опостылела вся жизнь.
Что за птица — видно сразу:
неудачник я, статист.

Роли не сыграл в расцвете
сил, отцвёл — теперь куда?

* *Эсрель* — дух смерти (чувашск.).

Стоит жить на белом свете
иль не стоит? Стоит. Да.

Ведь она такая штука —
жизнь проклятая — что все,
в горестях, в предсмертной муке,
всё же славят белый свет.

Ты ушёл. С тобою что-то
тож ушло наверняка
в том логическом исходе,
друг, на вечные века.

И ушло, не тронув жизнью,
без огня, в глухую тьму,
видно, то, что было лишним
и ненужным никому.

Ну а тот, кто чудом спасся, —
сохранил и власть, и честь.
Мир земной кругом остался
всё такой, какой он есть.

Ты ушёл. Как заклинанье
смерть твоя — издалека.
Смерть твоя — не обещанье
тем, кто в здравии пока.

И она — исчезновенье,
и, конечно, не нова,
но нелепа, тем не менее,
хоть логически права.

Крылья складывает птица,
зверь замедливает бег.
Чтоб назад не воротиться,
в мрак уходит человек.

(Там — река. В забвеньи плыли
все ушедшие. Ушли
по теченью. В небе были,
в дымке, души-журавли.)

Что ж его мы не любили?
Он ли, мы ли, кто — славней?
Чуть его не загубили
чёрной завистью своей.

И ему нужны истоки —
не безродный он манкурт.
Чтобы не был одиноким
в жизни — нужен верный друг.

Человеку мало слуху
слышать трели соловья.
Человеку нужно с другом
вспомнить милые края.

Покалякать сокровенно
о мечте, друзьях, любви.
Это необыкновенно —
просто чуткость проявить.

Ведь счастливые мгновенья
все уходят в никуда.

И о прошлом сожаленье
к нам приходит как беда.

А мгновенья измеряют
все часы нам, как весы,
в стрелках время умирает —
как зловец ваш стук, часы!

И явления иного
уж стоишь на рубеже,
и не повторится снова,
друг мой, ничего уже...

4.

Грипп — не воспаление лёгких,
воспаление — не грипп.
О страданиях нелёгких
правду говори, не ври.

Видя, жизнь как потухает
и над нами что вершат,
и болит, и польхает —
выгорает вся душа.

Господи... Что с нами случилось...
Совершился перепад...
Давит жизни всей усталость —
и распад тут, и разлад.

Процветаем, увядаем...
Сердцем не был он металл,
и, дорогу всем давая,
Сениэль не процветал.

По аллее Сениэля
не гуляет Сениэль,
потому как дышит еле.
Уж не дышит? Околел!

Но аллея Сениэля —
ведь она не самоцель.
Вся Россия дышит еле.
И при чём тут Сениэль?

При болезни бесполезно
рыпанье, что боевой, —
отразились интересно
грубость чувств и бред его.

Выздоровливал он туго,
становился туповат.
Может быть, не сам он думал —
размышляла голова:

испокон веков, лет триста,
может, тыщу, без затей
подлецам и карьеристам,
проходимцам всех мастей

дарят города и дачи,
площади... Вот что-нибудь,
как великому страдальцу,
подарить бы и ему.

Не бульвар в виду имею
и не улицу, а вот

поднести б ему аллею,
ту, где, возле, дом его,

ту, которая тут рядом;
и которая, друзья,
детям, псам, котам так рада;
ту, которая ничья,

где берёзы стройны, жёлты,
золотом охвачен клён;
осенью туда вошёл ты —
лист летит со всех сторон,

где асфальт блестит на солнце
от недавнего дождя;
где отменные красотки,
пьяные, арбуз едят,

матерятся — вянут уши,
жрут кого — не угадать...
Где, когда тепло от суши, —
воздух, тишь, как благодать;

где гуляет Он бессменно
иль, нетрезвенький, лежит.
Подарить, и — непременно,
разумеется — посмертно,
не тогда, когда Он жив...

1994, октябрь

Содержание

Стихотворения

«В себе чувствуя свет...»	7
«Дело такое...»	8
Лисин	9
Айги	11
Сениэль	12
А.С. Грин	13
В Сингапуре	15
Корабли	16
Облака	17
Предрассветное	18
«И те миры, и эти»	19
Беспредельное	20
«Небо синело глубью»	21
Песня души	22
«Благословляю, обнимаю»	23
Галлюцинация	24
Свет-внушение	26
Чудесный смысл	27
Она	28
Вечное	29
«О жизнь моя, о призрак милый»	31
«Дрожу. Запуган я»	32
Мессия	33
Из тьмы...	34
Татарстану	35
Типшар	36
Защита души	37
Обещания	39
«И те, и эти...»	40
«И чувства остыли...»	41
Моя тень	42
«На языке мне неродном»	43
О вечной жизни	44

В ночи.....	45
«Не бедный я поэт»	46
Обрусевшие	47
«К тебе хожу...»	49
О, равви.....	50
Размышления	51
«Иду в мире божьем...»	53
«Сколько скорби, мой друг»	54
«Или, или, лама савахфани?»	55
Из века в век	56
«Меня предашь ты»	57
«Как редко видим...»	58
«Гнуснейшая душа!»	59
«Похороны это или свадьбы?»	60
«Клин тут...»	61
Олегу Орлову	62
«Растерянность»	63
«Жил ли я?»	64
У входа	65
Via dolorosa	66
Верхушка	67
Правительство	68
Не печатает	69
Будто	70
Осень	72
Стонет ветер	73
Крик	74
Баллада о поэте	75
Снега	76
Забудут	77
«Бывает час...»	78
«Путей извечна череда»	79
«Как музыка...»	80
«Чем старше...»	81
Часы прозрений	82
У Святого Ключа	83

На Билляр-горе	84
Валем Хузя	85
Ночные тени	86
Спит Кама	87
«Тише, господа...»	88
«О, как бездумно...»	89
Обманутые	90
«Живу один...»	91
У костра	92
Второе рождение	93
«Людей порядочных...»	94
«Поднять нетрудно...»	95
Месяца свет	96
Тоска по Сеспело	97
Выдуманным глазам	99
Александрю Лейферу	101
«Стаи виршей моих...»	102
«Айги — роза-дитя»	103
«Маняще...»	104
«Я отплакал...»	105
Во все времена	107
Тайная свобода	109
«Он кто — поэт?»	110
Чернь	111
«Пру один...»	113
Дуэль	114
Зори юности	116
«Судьба — это грозное слово»	117
На одной струне	118
«Страшнее нет неволи...»	120
«Восторг души моей»	121
Прогулка	123
«Тонкая такая грань...»	124
Лунные ночи	125
Крикуны	126
Сновиденья	127

Верь.....	128
«Здравствуйте...»	129
Старик	130
«Время новое»	131
Солженицын	132
Укор	133
Патриотическая песнь	134
К свободе	135
В деревне	136
Закат над лесом	137
Ночные кони	138
«Ясно: это весна...»	139
«Я приветствую день...»	140
«Что будет со мною?»	141
«Рассвета синь...»	142
«Летят снежинки»	143
«Всё в жизни бывает»	144
«Я будто тону»	145
«Мой голос...»	146
«Вам — дань...»	147
«О, как зловещ...»	148
«Люди лживы...»	149
«Всё гибнет...»	150
«В мои лета...»	151
«Знаю, был мой...»	152
«О дар священный»	153
Младший брат	154
Истина	155
Красоте	156
Тайна-музыка	157
Наверху	158
Бесы	159
«Предчувствую...»	160
Миг	161
Смерть	162
Без любви	163

Тени	164
Еду..	165
«Пусть нету счастья...»	166
Скакун моей судьбы	167
«Уходит жизнь»	168
«Себе я выдумал жизнь»	170
Осенью	171
«Не спеши...»	172
Предательство	174
Интимное	175
Мгновенья эти...	176
Глупые стихи	177
Даль	178
«Хоть и слаб...»	179
Мадригал	180
Мои враги	181
Подкидыш	182
Один	183
Ах, мама...	185
«Могу писать я...»	186
В поэзию	187
Поэтессе	188
Моему аристарху	189
В городе	190
Соловей	192
«Почудилось ли это...»	193
Страх смерти	194
Не люблю	195
Письмо	196
Рапсодия	197
Аллея	198
«Лунный чёлн...»	199
«Мир тесен»	200
«Молчу...»	201
«Безлунно на душе»	202
«Есть эмиры»	203

Эмир наш.....	204
В отчаянии	205
«Жизнь вся...»	206
Богомысль	207
«В том нет моей вины».....	208
«Дождливый день»	209
«Ты — моя последняя любовь»	210
«Я никак не забуду»	211
«Над Саврашбусью...»	212
«Да, да!»	213
Скорбь	214
Тусклые	215
Запрещают	216
Сквозь годы	217
Завет	218
Рахмат	219
Далёк.....	220
Обида	221
Не боюсь.....	222
Раздумье	223
Отрада	224
Случай	225
Свеча воспоминаний	226
Соната	227
Бессонница	228
Воспоминанье	229
Сны твои	230
«Прощаю я...»	231
Старый тополь	232
«Жизнь — варево забот»	233
Грубые стихи	234
Ветка Палестины	235
Кутёж	236
Осеннее	237
Буран	238
Говоришь.....	239

Не говори	240
Ульга	241
Музыкант	242
Душе моей больной	243
Дух	244
Исповедь	245
Ночная звезда	246
Звёздный час	247
Дыхание смерти	248
Напомнят...	250
Перед зимой	251
«О ней и про неё»	252
«В бой последний!»	253
Я жизнь любил	254
«Умчались дни мои...»	255
Я пройдусь...	256
«И бесцветно, и пусто»	257
Друг	258
Тайный голос	259
Божество...	260
Что с тобой?	261
«Корю себя»	262
Не забыл...	263
«Слепа любовь»	264
«Всё лживо, господи!»	265
Молодость старости	266
«Ну как же так...»	267
Сеспель	268
«Кручусь в кручине...»	269
Подруге	270
«Что же это, друг мой...»	271
Жизнь моя...	272
«Судьбы ударом роковым»	273
«Хоть и сделали...»	274
«Луна вешней ночью...»	275
Ветер	276

Казанков	277
«Вот вновь весна»	278
«Нет гениев»	279
«Не знаю, есть ли»	280
«Слишком сложно...»	281
Моя Весна	282
«Люблю, когда...»	283
Сиреневая ночь	284
«В предчувствии разлуки»	285
Мерзавец	286
«Цветёт и сирень, и калина»	287
В пустыне людской	289
«Луна»	290
В роще	291
«Еще не умер я»	292
«Умру когда...»	293
В юности	294
Весеннее	295
«Я всю жизнь...»	296
«Здесь чуждо всё»	297
«Однако, вечность нам зачем?»	298
«Гляжу направо я...»	299
Жди...	300
«Мой талант поэта...»	301
Васильки	302
Сирень	303
С тобой	304
Весна	305
«Собака без хвоста...»	307
«Живите!»	308
«Разбойное время»	309
«Живу...»	310
«Славянин без варяга...»	311
Пророчество	312
«Со шляхами...»	314
«Как ночь...»	315

«Всех нас коснётся»	316
«Моя живая тень»	317
«Пришёл ты...»	318
«Мы пережили ряд стихий»	319
«Давно я понял»	320
«Мил-другом...»	321
«Скажи, ты не двойник ли мой?»	322
«Сказал мне будто»	323
Горе	324
Трудный отказ	325
«Знаю, постарел я, мама»	326
«Уходят они»	327
«Стану мудрым»	328
Дальний свет	329
Дома	330
Цветите	331
Грёза	332
Мой сон поэзии	333
Путники	334
Сад наш.. ..	335
«Какой я стал...»	336
Ночь.. ..	337
«Брось толковать мне...»	338
«Ночь тёмная...»	339
«Уж много лет...»	340
«Ты, друг мой...»	341
«Под шорох листопада...»	342
Элегия	343
Восточки смерти	344
«Не мною начат...»	345
«Строй — изменился»	346
Ветла	347
Черёмуха	348
Некто Чёрный	349
«Любовь моя!»	351
«Была берёза...»	352

Скорбно мне.....	353
«Ты любви и славы ждёшь»	354
«Уж недолго...»	355
«Таинственно мерцают...»	356
На рассвете	357
Божья дудка	358
«Снег юн и девствен...»	359
«В каких бы снах...»	360
«Окутала изнеженная дрёма»	361
«Хвалить себя...»	362
«В ночи весенние»	363
«Уж сколько лет...»	364
«И снова будет день»	365
«Притерпелся я...»	366
Влюблённая	367
Размолвка	368
«Как звезда...»	369
«Я вас любил...»	370
«Всё, что было...»	371
«Жизнь догорает...»	372
«Мои печали»	373
«Где вы, где...»	374
Гений	375
Эльтебер	376
«Точит душу...»	378
«Ночью мне...»	379
«Пусть поплачет душа»	380
«Поощряя дворцовую лесть...»	381
Последний день весны	382
В начале лета	384
«Но сумею ль...»	385
Лампа	386
«Прощай, прощай!»	387
«Мы расстаёмся...»	388
В ночах весенних	389
Тархану Ахплату	390

Убив тебя	391
Юман	392
Говорит Алюнов	394
Пегиль	395
Казанская губернская	396
Мой девиз	397
Жертвенный сын	398
Упрёк... ..	399
Вещие сны... ..	400
Лучи последние... ..	401
Сват	402
Одному другу	403
Рай	404
Вере	405
Жалобы старика	406
Убьют... ..	407
Доколь?	408
Жребий	409
В мир теней... ..	410
Пегас	411
Опасный друг	412
Старость	413
Постиг... ..	414
Жизнь и смерть	415
Я думал... ..	416
Мои времена	417
Печаль души моей	418
Ложная правда	419
Без друзей	420
Не летят... ..	421
Джигиту	422
Не джигит... ..	423
Юрию Артемьеву	424
За песнь мою	426
Не поёт... ..	427
Тамаре	428

Далёкая даль	429
Змей	430
Ничто	431
Звезда моя горит... ..	432
Ивану Егорову	433
Порфирий	434
Аллея Сениэля	435
Голубая мечта	436
Безвыходно... ..	437
В ночь полнолуныя	438
Боюсь... ..	439
Не хотят	440
Клики лебедей	441
Бездушье	442
Весенний мотив	443
Дева	444
Вновь друг, прощаясь	445
Цветов огонь	446

Поэмы

Соломон и Суламита	449
Подражание древним	455
По аллее... ..	464

Михаил СЕНИЭЛЬ
(Михаил Павлович Егоров)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том второй

Редактор *И.П. Турган*
Художественный редактор *А.А. Трофимов*
Корректор *М.П. Егоров*
Оригинал-макет *Э.В. Кирилловой*

Подписано в печать __. __. 09

Формат 70x108^{1/32}

Бумага офсетная

Учётно-изд. л. __

Тираж 500 экз.

Печать офсетная

Гарнитура Times

Физ. печ. л. __

Заказ № __

Отпечатано в типографии Чувашского
государственного института гуманитарных наук
428015, г. Чебоксары, Московский пр. 29, корп. 1